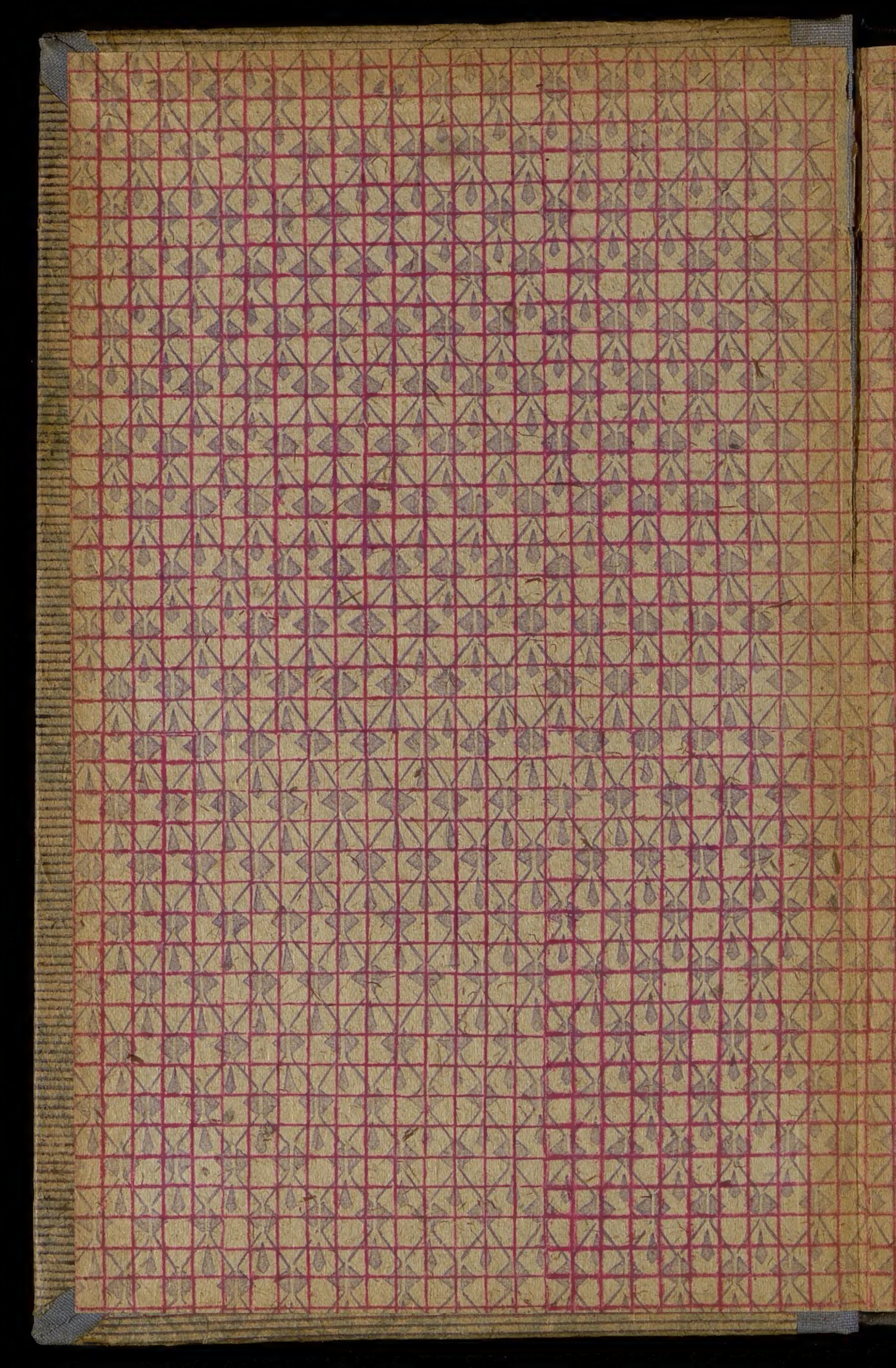
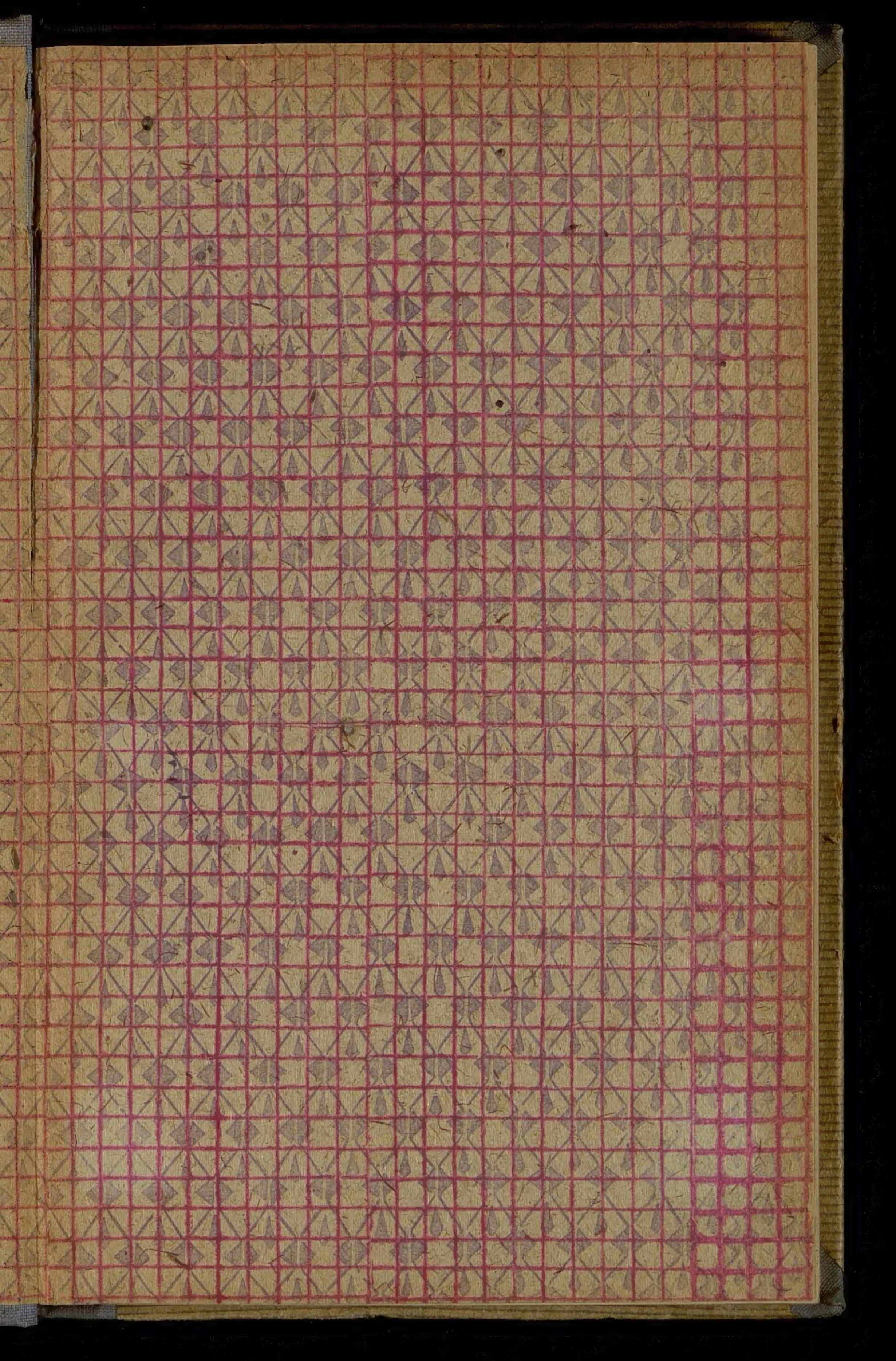
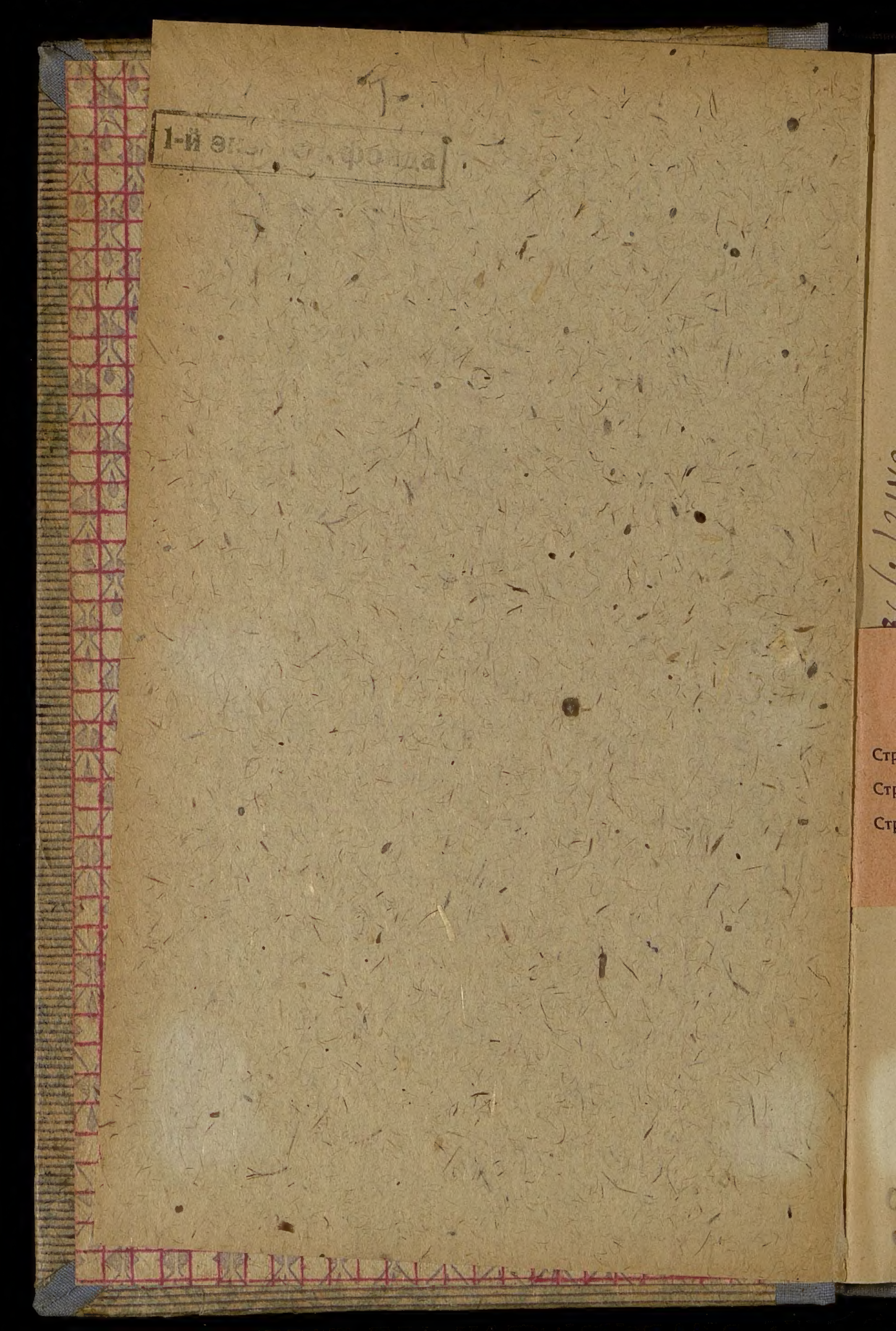
ПОТЕМКИНСКИЕ ДНИ 1905 НА ЧЕРНОМ МОРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ"

КОМИССИЯ ВУЦИК'а ПО ПРАЗДНОВАНИЮ 20-ЛЕТИЯ
РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА И ИСТПАРТОТДЕЛ ЦК КП(б)У

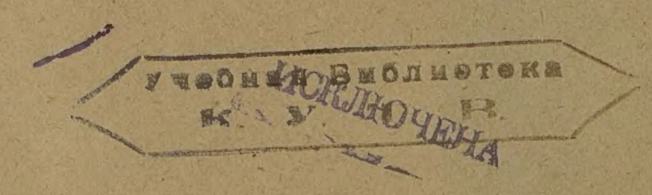
ПОТЕМКИНСКИЕ ДНИ 1905 ГОДА НА ЧЕРНОМ МОРЕ

ОПЕЧАТКИ

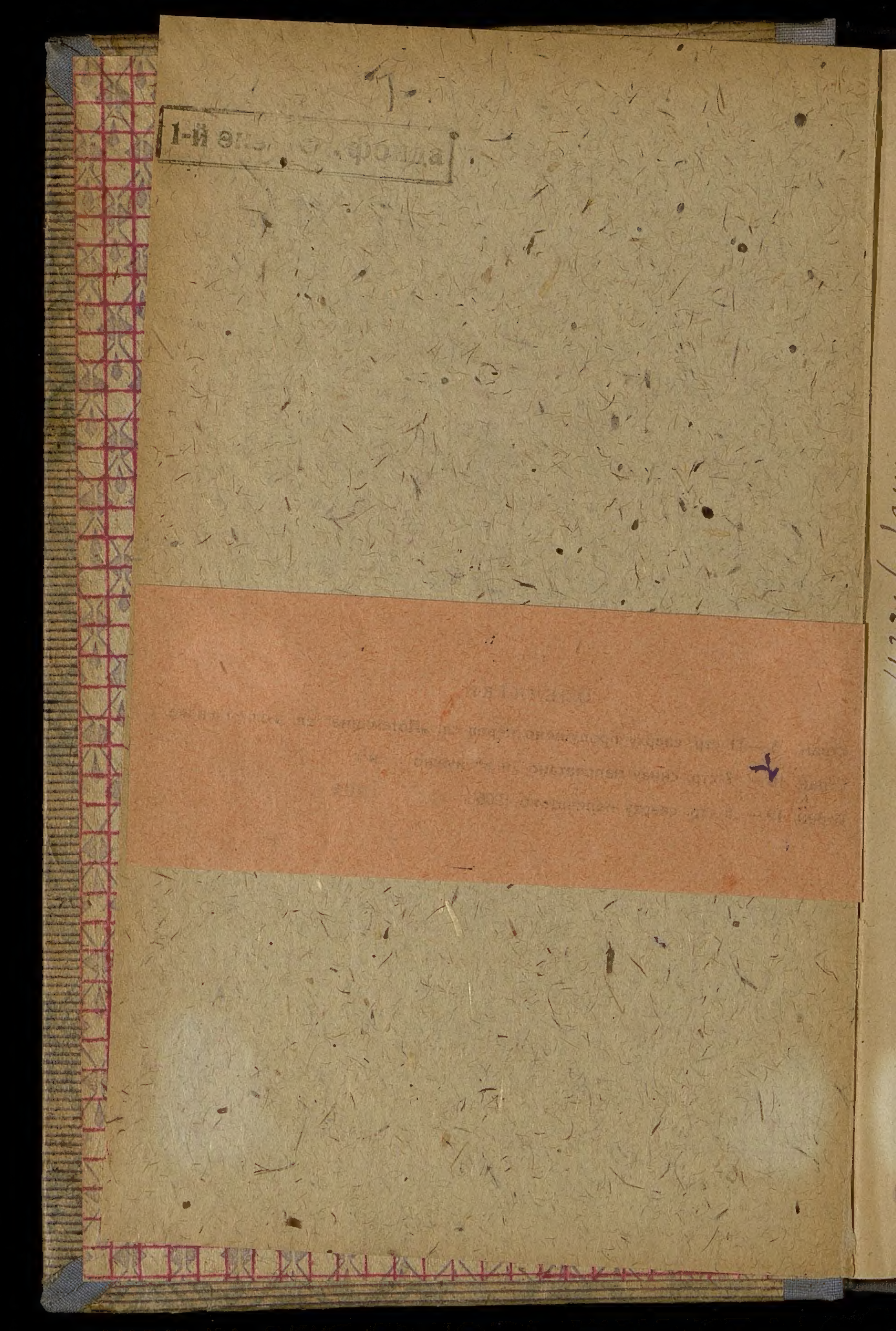
Стран. 5 — 11 стр. сверху пропущено перед сл. „Потемкина" сл. восстание

Стран. 10 — 7 стр. снизу напечатано „и в" нужно из

Стран. 19 — 6 стр. сверху напечатано 1906 г. „ 1905

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ"
1925

КОМИССИЯ ВУЦИК'а ПО ПРАЗДНОВАНИЮ 20-ЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА И ИСТПАРТОТДЕЛ ЦК КП(б)У

ПОТЕМКИНСКИЕ ДНИ 1905 ГОДА НА ЧЕРНОМ МОРЕ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ И ДОКУМЕНТОВ

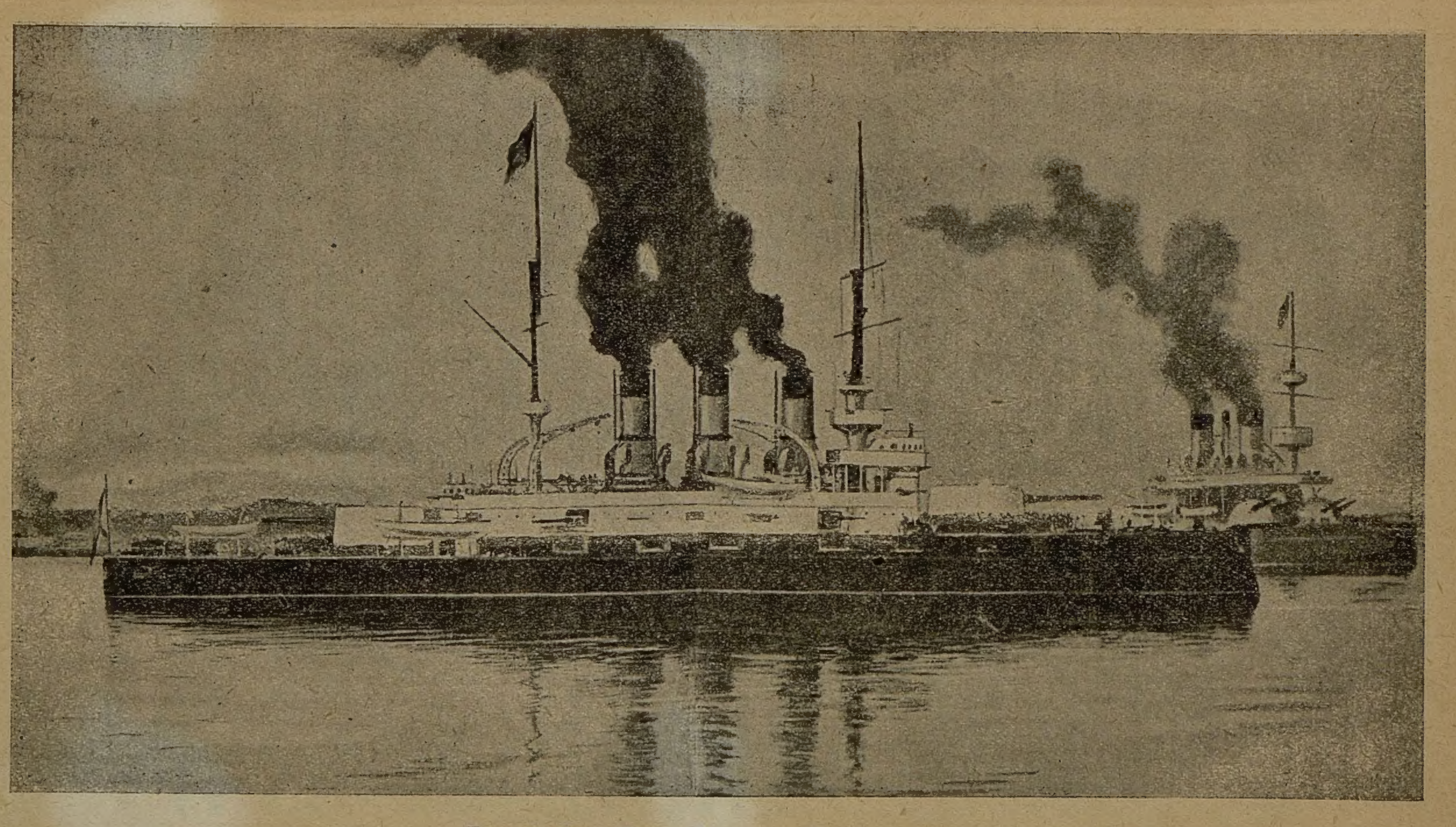

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“
1925

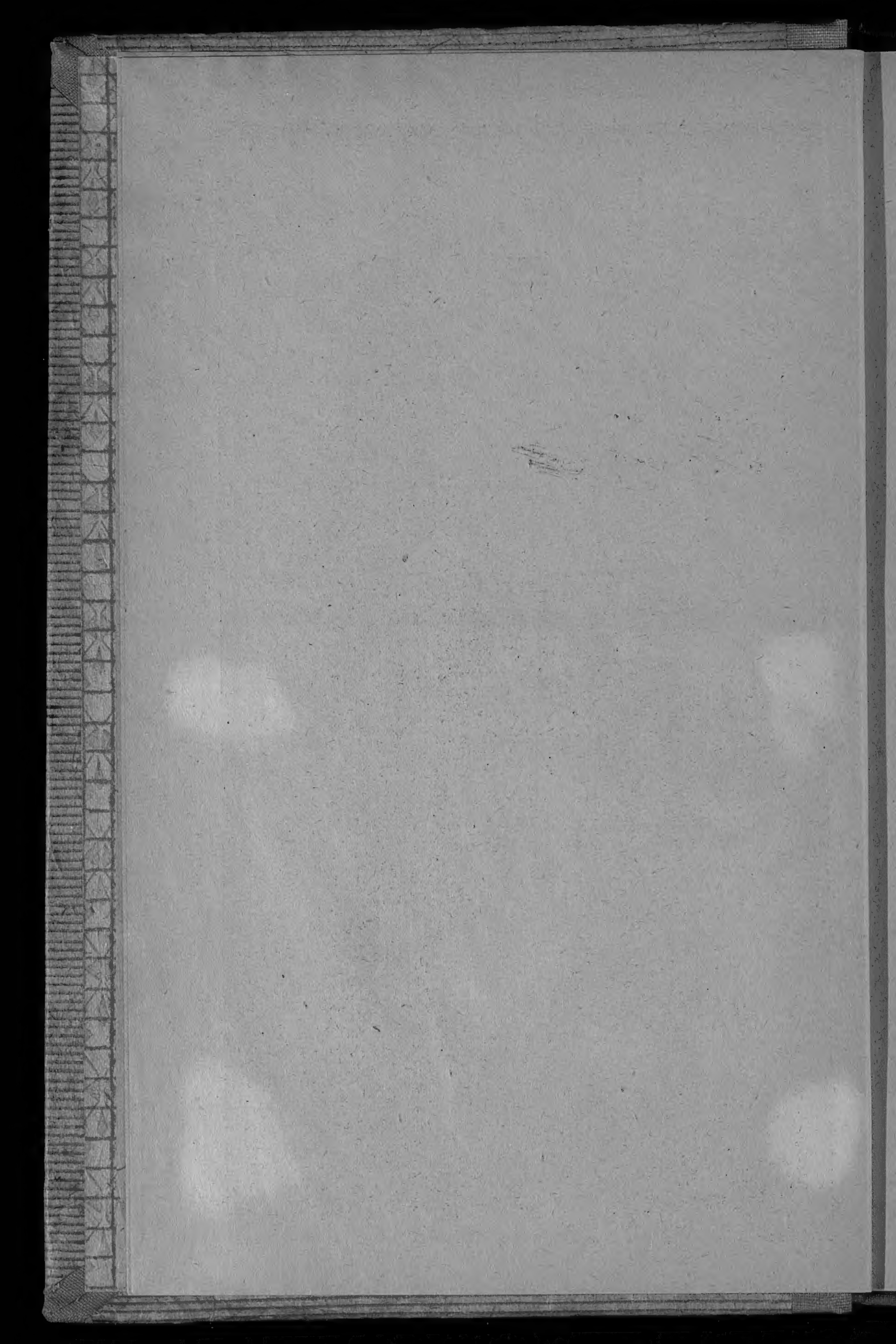
Вторая типография
Изд. „Пролетарий",
:: Харьков, ::
ул. К. Либкнехта 38.

Укрглавлит № 14842.
Тираж 3000. Зак. № 125.

Броненосец „Князь Потемкин - Таврический“.

ОТ РЕДАКЦИИ

Июнь 1905 г. на Черном море вписал славную и значительную страницу в историю первой российской революции. На юге Украины революционная волна достигла в июне почти такой же высоты и мощи, как в дни октябрьской забастовки, с той только разницей, что она не пошла дальше Черноморского побережья. Но июньские выступления в Черноморском флоте и в Одессе имеют, несмотря на свою территориальную ограниченность, всероссийское значение, так как „Потемкин" и „Прут" первые подняли знамя вооруженного восстания в армии.

По истории „Потемкина" опубликовано уже много мемуарного материала и документов, но полностью оно еще не освещено ни в фактическом развитии событий, ни тем более в смысле его политического значения и его места в истории революции и партии. В настоящем сборнике, наряду с целым рядом неопубликованных документов из архивов Одесского Жандармского Управления, Судебной палаты, Военно-Морского Суда, даются статьи, в которых сделана попытка подойти к Потемкинским событиям с точки зрения их организационной роли в процессе первой революции и их значения для выработки нашей партийной тактики.

Большой интерес представляет статья тов. Раковского, хотя она писана давно, но не потеряла своей ценности и особенно полезна будет молодому поколению, которое ничего не знает о быте старой царской казармы.

Прилагаемые фотографии взяты частично из архивов Одесского Истпарта, частично из парижского журнала 1905 г. (Illustration), нигде в русских изданиях до сих пор не появлялись.

Истпарт считает, что материалы, собранные в настоящем сборнике, могут послужить ценным пособием для изучения истории 1905 г.

Истпарт ЦК КП(б)У.

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

„Что такое был для меня флот, — пишет матрос-потемкинец, Кирилл Орлов, в своих воспоминаниях,—это не что иное, как огромный завод с хорошим оборудованием, а корпуса—общежития заводских рабочих, куда собрали со всей России мастеровых лучшей квалификации".

Это определение флота заключает в себе одновременно объяснение той роли, которую морская часть армии сыграла в революции.

Флот и сухопутная армия в революции 1905 года находились между собой в таких же соотношениях, как рабочий класс и крестьянство в целом. Неподготовленность армии отражала в себе неорганизованность и несознательность крестьянских масс, а то, что стихийно прорывалось в крестьянских бунтах, было у солдат задушено палочной дисциплиной казармы. Наоборот, у сознательных рабочих, попадавших при наборе, преимущественно, во флот или инженерные части, эта самая палочная система воинского воспитания вызывала обостренную ненависть к самодержавно-полицейскому строю и толкала их на резкие протесты, на революционные выступления.

Роль матросов в первой русской революции очень значительна. Матросы первыми начали открытую вооруженную борьбу и последними оставили ее.

Первый матросский „бунт", не носивший, правда, определенно-политического характера, но имевший, несомненно, революционную потенцию, произошел еще в ноябре 1904 г. (восстание флотских экипажей 3—4 ноября в Севастополе), а последняя попытка к восстанию—в 1907 г. (тоже в Севастополе, в казармах Брестского полка, который должен был начать всеобщее восстание гарнизона и флота, в ночь с 14 на 15 сентября).

Весь пятый и даже шестой год, когда революционная волна уже начала вообще спадать, переплетен матросскими

восстаниями, при чем в 1905 г. отличался, преимущественно, Черноморский флот, а в 1906 г.—Балтийский. Характерно что восстания эти шли, так сказать, пачками.

В Черном море эра восстаний была открыта броненосцем „Потемкин Таврический“, выступившим 14 (27) июня, к нему примкнул „Георгий Победоносец“ 17 (30) июня, а затем учебное судно „Прут“ 19 (2) июня. Наибольшую революционную выдержку проявил „Потемкин“, сдавшийся Румынии после 11 дней скитаний по Черному морю, сдавшийся только потому, что не было возможности достать угля и провизии; „Георгий Победоносец“ был в состоянии восстания одни сутки, „Прут“ — трое суток.

Июль — октябрь проходят сравнительно тихо на Черноморьи. Массовые аресты (в июле в Севастополе было арестовано 1.000 матросов) и подавленное настроение, вызванное неудачами первых выступлений, не позволяет сразу возобновить вооруженную борьбу. Но октябрьские события сразу восстанавливают революционное настроение матросов — в октябре происходит восстание флотских экипажей в Кронштадте, а 15 (28) ноября — грандиозное восстание в Севастополе, в котором приняли участие 11 судов (в том числе 1 броненосец, 1 броненосный крейсер, несколько миноносцев и т. д.), саперная рота, флотские казармы. Восстание это было подавлено, с одной стороны вследствие измены пехотных и артиллерийских частей (сначала занявших выжидательное положение, а затем поддавшихся на провокацию и приступивших к расстрелу восставших судов из крепостных орудий и к осаде занятых повстанцами флотских казарм), с другой, вследствие нерешительности и преступной сентиментальности руководителей восстания (меньшевиков и лейт. Шмидта). Но несмотря на жестокое подавление восстания и зверскую расправу с его участниками, флот не был усмирен, только вместо Черноморского — инициативу взял Балтийский флот. В июле 1906 года там произошло 3 восстания: в Свеаборге (где возмущение охватило все острова, на которых расположены крепости, весь артиллерийский лагерь, флотскую роту в Гельсингфорсе), в связи с ним в Кронштадте (второе) и в Ревельской бухте на крейсере „Память Азова“. Таким образом, по своей настойчивости и решительности в борьбе

с самодержавием, матросы еще в 1905—1906 г. полностью заслужили название „красы и гордости революции“.

В ряде морских восстаний Потемкинское выделяется, как первое вооруженное восстание с политическими лозунгами, выявившее и силу, и слабость матросских восстаний вообще.

В чем была сила „Потемкина?“ В его недоступности, в его тяжелой артиллерии, которая могла бы в несколько часов разрушить любой приморский город. Трудно придумать более удачное начало для всеобщего вооруженного восстания, чем такой захват военного судна революционной командой. Но этот акт мог послужить именно только началом, требовавшим дальнейшего роста и развития революционных событий. „Потемкин“ нарушил общий план восстания эскадры, разработанный Крымским союзом и матросской централкой, и, раз он уже взял на себя инициативу выступления, ему следовало действовать с максимальной решительностью. Только таким путем он мог бы увлечь за собой и остальную эскадру и гарнизон Одессы, которые еще не были достаточно организационно подготовлены, но достаточно революционно настроены, чтобы примкнуть к восставшему броненосцу, если бы он проявил силу и натиск (десант, бомбардировка города, бой с эскадрой).

Но этой силы и натиска он не проявил. Команда „Потемкина“ предпочитала оборону — наступлению. Она всем своим поведением как бы говорила: не трогайте нас, дайте возможность существовать, дайте уголь и провизию, и мы тоже никого не тронем. Это настроение стало особенно сильно после того, как исчезли надежды на поддержку эскадры и после измены „Георгия“. И это было несомненно гибельное для успеха восстания настроение. С того момента, как „Потемкин“ превратился в корабль-скиталец (так поэтически его окрестил тов. Воровский на страницах „Пролетария“, см. № 10—1905 г.), он потерял ценность и значение для революции. „Сколько трагической поэзии в судьбе этого скитальца, дни и ночи обреченного носиться по далекому морю, одинокого, отрезанного от друзей, преследуемого врагами, — пишет т. Воровский, — зловеще смотрят жерла пушек, день и ночь стоит на часах зоркая стража,

каждую минуту готова команда идти в бой — враг не решается подойти к этой пловучей крепости, нет приюта отважным, *берег враждебно отталкивает их от себя, грозя гибелью* (курс. наш) и только море, не знающее рабства, протягивает братские объятия этим борцам за свободу". Тов. Воровский был не совсем прав, говоря, что берег враждебно отталкивал восставший корабль. Наоборот, Одесский берег радостно принял красного гостя, прибывшего как раз во время крупных рабочих волнений. И рабочие, и солдаты посылали свои делегации на корабль. Солдаты даже дали сигнал относительно высадки десанта, обещая присоединиться, но этот сигнал был скрыт от команды предателем Ведермеером. Перед „Потемкиным", несомненно, имелись революционные возможности. Почему он их не использовал?

II

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно, прежде всего, выяснить взаимоотношения между матросской массой и парторганизацией.

Севастопольская организация Крымского союза РСДРП вела работу в Черноморской эскадре еще с 1903 года [1]). Матросские ячейки были на всех почти судах. Существовала с 1905 г., так называемая, „Флотская Централка" объединявшая команды различных судов и находившаяся в непосредственной связи с с.-д. комитетом. В последние месяцы перед июньскими событиями с.-д. организации удавалось проводить систематически массовые собрания матросов

---

[1]) Первые соц.-дем. кружки, согласно данным тов. Камшицкого (см. В. Камшицкий — 1905 г. в Севастополе) были сорганизованы в начале 1905 г. моряком Яхновским и Медведевым. В этом же году им удалось связаться с Крымским союзом РСДРП. Первыми матросами, связавшимися с с.-д. организацией, были матрос Волошинов („Дмитрий" с „Очакова"), из числа будущих героев июньских дней Петров (с „Прута") и Матюшенко (с „Потемкина"). В 1905 г. и в севастопольской организации, почти сплошь меньшевистской, во флоте работали Ворonицин, Канторович, Генриетта Мешман, Наташа Вольская, Инна Смидович.

Из большевиков Камшицкий называет только два имени: „Матвей" и „Кабанов". Но эти лица к работе во флоте непосредственного отношения не имели.

на Малаховом кургане, с.-д. типография, в которой работал наборщик Генкин (впоследствии активный участник ноябрьского восстания в Севастополе), выбрасывала тысячами листовки и прокламации, распространявшиеся усиленно во всех экипажах. Влияние соц.-дем. организации на передовую часть матросской массы было, несомненно, сильное. Конкурировавшие с нею эсэры в эту эпоху авторитетом не пользовались. Это выявилось особенно отчетливо в процессе полемики между центральным органом партии с.-р. „Революционной Россией" и меньшевистской „Искрой", разгоревшейся после Потемкинского восстания. Сыр-бор загорелся из-за небольшой заметки, помещенной в „Рев. России" от 1 июля, озаглавленной „Пропаганда в Севастополе в 1902—1903 г.г.". В этой заметке указывалось, что задача „первоначального сформирования смутных революционных стремлений черноморских моряков" была выполнена группой эсэров и, что, таким образом, разразившаяся буря была посеяна „именно" ими (а не с.-д.).

„Искра" немедленно поместила по этому поводу разъяснение от имени матросов Черноморского флота, под заглавием „Мы пахали". „Кто бросил первую искру в уже готовый горючий материал озлобленных царской дисциплиной и хроническими голодовками матросов? — писали черноморцы. — Неужели вы, г. г. соц.-революционеры? Нет, не вы, основу революционной работы во флоте положил матрос соц.-дем. (речь идет, очевидно, о машинисте с „Очакова", тов. Волошинове по кличке „Дмитрий"). Поступив на службу в Черноморский флот, он начал самостоятельно проводить между матросами соц.-дем. идеи, и в сравнительно короткий срок ему удалось сорганизовать несколько кружков... Работа велась энергично и захватывала все больший и больший район". Далее письмо касается места эсэров в революционной работе среди матросов.

„В начале 1903 года на сцене революционной работы выступили туманным пятнышком и социалисты-революционеры, но судьба их была печальна, им не долго пришлось существовать. Несколько раз с.-р. ходили в уже сорганизованные матросом социал-демократические кружки вести пропаганду. Большей частью, они (с.-р.) говорили

на злобу дня матросской жизни и по истории культуры. Но если дело доходило до принципиальных вопросов, то сейчас же более сознательные матросы вступали с ними в дебаты и совершенно запрещали им включать в круг своей пропаганды эти вопросы. После таких дебатов с.-р. совершенно испарялись. Конечно, не потому они испарялись, что матросы побивали их на дебатах, нет, с.-р. востры на язык, их трудновато было побивать матросам, но им просто предлагали не посещать больше кружков".

„Впоследствии социалистам-революционерам удалось завязать сношения с матросами, не входящими в социал-демократическую организацию. При помощи этих матросов им удалось организовать несколько кружков, с которыми они вели отдельно работу. Во флоте образовались две партии: одна, более старая и более сильная (с.-д.), а другая молодая и более слабая (соц.-рев.). Социалисты-революционеры все-таки просуществовали не долго, всего три — четыре месяца. Группа их провалилась, кружки распались, большая часть из их кружков перешла к социал-демократии. Их передовые матросы частью перешли на сторону соц.-дем., частью провалились и вместе с собой провалили принадлежащих к социал-демократической организации, а часть совершенно отстала от движения и не принадлежит ни к одной партии. На этом соц.-рев. и покончили свое короткое существование. С 1903 года и до сих пор во флоте работает исключительно социал-демократическая рабочая партия, о соц.-рев. в Севастополе нет ни слуху, ни духу".

Эта жестокая отповедь может быть и не была заслужена эсэрами. Но она, во всяком случае, характеризует отношение к ним передовых черноморцев. Об этом говорит и другой документ, также опубликованный „Искрой". Эсэры в том же № „Рев. России" сделали попытку дискредитировать борцов „Потемкина" в партийном отношении, изобразив их, как людей без определенного политического мировоззрения (см. письмо из Бухареста в № 70 „Рев. Рос.). На это руководители Потемкинского восстания ответили снова коллективным письмом, написанным Кириллом и подтвержденным 14 матросами, в большинстве быв. членами „Потемкинской комиссии", назвавшими себя „членами Севастопольской

соц.-дем. организации"[1]). В этом письме категорически заявлялось, что, хотя потемкинцы, сознавая огромное всероссийское значение стоявшей перед ними задачи (уничтожение самодержавия), не хотели наклеивать на себя того или иного партийного или фракционного ярлыка, все же они всегда действовали и говорили от имени РСДРП.

„Ведь, это она, т. е. соц.-дем. партия вдохнула во всех нас решимость беспощадной борьбы со всем деспотическим строем, бесправием и эксплоатацией,— говорится в письме.— Ведь, это она озарила наш революционный путь ярким светочем сознания неизбежного наступления царства братской и трудовой жизни, на пути к которой необходимо было раздавить кровожадного Молоха самодержавия".

Поэтому, естественно, что как товарищ Матюшенко[2]), так и все другие сознательные товарищи, получившие свое революционное воспитание в Севастопольской организации Крымского союза нашей партии, не произносили почти ни одной речи, в которой они открыто не заявили бы о своей принадлежности к социал-демократии и действовали бы каждый раз от имени этой всемирной рабочей партии, давшей им свет классового самосознания и первый толчок к активной борьбе".

Но самое интересное и самое убедительное в письме, это рассказ о том, как матросы отказались принять на взбунтовавшийся „Потемкин" представителей партии СР.

Объяснив, как он сам попал на судно („не по поручению организации, а по настоянию громадной толпы рабочих, которая, снявши под моим руководством в порту почти всех рабочих, настояла на том, чтобы я сейчас же поехал к матросам"), Кирилл дальше пишет:

Через некоторое время, когда почти никого уже на броненосце из „вольных" людей не оставалось (кроме

---

[1]) Под этим письмом подписались Ис. Андросов, Н. Хохляков, Ил. Шестидесятый, И. Кулик, А. Самойличенко, Ф. Шевченко, тов. Кулишов, Е. Розниченко, Н. Расисов, Е. Бредихин, С. Денисенко, К. Савченко, и З. Цимбал.

[2]) Матюшенко не подписался под этим письмом. Он поместил отдельное письмо в ред. „Революционной России", в котором заявлял, что к партии он не принадлежит, так как еще не разобрался в программах, и что сочувствует всем тем, кто хорошо бьет начальство.

Кирилла, студента Фельдмана и большевика Плескова), к нам подплыла шлюпка с представителями от местной организации соц.-рев. Их встретил сейчас же товарищ матрос и заявил, „что они решили никого больше на судно не принимать, во-первых, потому, что руководители от местных рабочих организаций уже выбраны и в достаточном количестве находятся на судне, а, во-вторых, оттого, что большая часть команды, даже сознательных матросов, почти совсем не знакома с той партией, представителями которой являются социалисты - революционеры, а поэтому они едва ли будут приняты здесь с надлежащим доверием всей команды“.

Это сообщение Кирилла, подтвержденное ведшими лично переговоры с эсэрами матросами Куликом и Шестидесятым (см. в „Искре“ № 107 ответ из Бухареста на письмо из Бухареста), показывает насколько влияние социал - демократии преобладало над всякими иными среди черноморских матросов (такой же случай имел место и во время ноябрьского восстания в Севастополе, когда матросы восставших экипажей отказались принять представителей партии эсэров).

Но это влияние не следует переоценивать. Оно носило идейный, а не организационный характер.

Возьмем, хотя бы тот факт, что матросы „Потемкина“, считавшие себя членами с-д. организации, ничем между собой объединены не были, не совещались, не выступали, как единое целое (по крайней мере, нигде в воспоминаниях об этом не упоминается). В „Комиссию“, управлявшую восставшим броненосцем, входили и партийные и беспартийные в перемежку, с-д. не имели там своего постоянного крепкого ядра. Поэтому, конечно, не могло быть и правильного влияния соц.-дем. на матросскую массу, все зависело от персонального авторитета того или иного лица. Полное отсутствие организационного воспитания у потемкинцев видно и в том, что они, придя в Одессу, мало интересовались установлением связи с партийной организацией, хотя бы с тем объединенным комитетом, который действовал на берегу. Они вполне удовольствовались тем, что на борту у них были соц.-демократы, они не искали представителя организации, а опять-таки удовлетворялись личностью.

Что касается тех соц.-демократов, которых судьба связала с „Потемкиным“, то они, несмотря на свои революционные качества, тоже дали маху в организационном отношении. Ни в воспоминаниях Кирилла („Одиннадцать дней на Потемкине-Таврическом“), ни в воспоминаниях Фельдмана (недавно опубликованных в сборнике под ред. В. Невского), нет указаний на какую-либо попытку с их стороны связаться с партийным комитетом, получить от него инструкции, выработать совместный план действий, хотя оба они попали на корабль по собственной иницативе, а не по командировке организации, может быть это было бы трудно, но, наверно, не невозможно, ведь ходил же Фельдман с матросской депутацией к командующему войсками, ходили матросы на похороны Вакуленчука, а сговориться с партийными товарищами на берегу о совместных действиях как будто и не попробовали [1]).

Если мы вспомним, что Севастопольская организация была меньшевистской, что меньшевиками были и Кирилл и Фельдман, то странности в их поведении так же, как в поведении соц.-дем. потемкинцев, получат некоторое объяснение. Меньшевистская Севастопольская организация не смогла дать своим питомцам твердых организационных навыков, что касается Кирилла и Фельдмана, то они сознательно или бессознательно ориентировались на „стихию“, стремились развязать революционное действие, но не умели организовать его, дать ему определенный план и ясные задания.

Бесплановость, случайность всех действий революционной команды „Потемкина“, поражает во все моменты восстания от самой первой вспышки до Феодосийской катастрофы. И руководители с берега ничего своим присутствием не исправили, никакой тактической разумности не внесли. Это тем более странно, что они, судя по всем материалам, были смелые самоотверженные революционеры и талантливые ораторы, но... (как бы тенденциозно это замечание не показалось), они были меньшевиками и сторонниками „тактики-процесса“. Этот „процесс“ и привел одного в тюрьму, другого в эмиграцию, а все дело восстания — к трагическому крушению.

---

[1]) Единственный представитель парторганизации, попавший на корабль был т. Плесков (Афанасий)—большевик. Но он был там очень недолго и, съехав на берег, больше не мог вернуться.

III

Мы, конечно, не думаем сводить причины катастрофы „Потемкина“ к ошибкам меньшевиков, мы только хотим выяснить все те моменты, которые по совокупности определили ход и результаты восстания. Среди этих моментов свое место занимали и бесплановость движения, и отсутствие организованного партийного ядра среди команды, и меньшевистская идеология тех руководителей восстания, которые дал „Потемкину“ берег. Но это еще не все. Немалую роль в деле ослабления революционной энергии команды сыграли также несогласия внутри самой команды, ее разнородность. Среди команды „Потемкина“ были не только люди разных взглядов и политического уровня, разных симпатий, но были люди разные и по своему социальному происхождению и по служебному положению. Правда, офицерский состав команды был, за незначительными исключениями, ликвидирован (большая часть была свезена на берег, несколько человек погибло при перестрелке в начале восстания), но остались кондуктора, долгосрочные матросы, принадлежащие к тому же типу шкурников и холопов, каким являются обычно фельдфебели и унтер-офицеры в армии. Под влиянием этих кондукторов, а также двух лиц из офицерского состава, оставшихся на корабле—Алексеева и доктора Голенко, малосознательная часть команды взяла определенную линию на ликвидацию выступления. Всякие предложения насчет решительных действий встречали со стороны этой группы упорное, хотя, большей частью, молчаливое сопротивление. Настроение этой части команды, которая думала только о том, как бы выбраться с наименьшими потерями из „грязной“ истории, в которую она попала под влиянием стихийного возмущения, несомненно, заразительно действовала на весь экипаж, особенно, в моменты неудач и крушения надежд (отпадение „Георгия“, расстрел у Феодосии). В эти минуты даже такие выдающиеся и революционно-стойкие личности, как Матюшенко, не могли противостоять общей панике, и корабль-крепость обращался в бегство.

Здесь, опять-таки, была допущена ошибка руководителями движения, не изгнавшими сразу с революционного

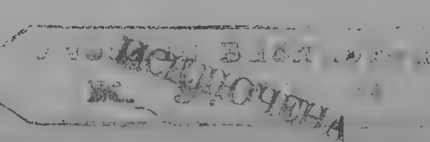
корабля всего ненадежного элемента. Они не учли всей опасности, которую таила в себе подпольная агитация врагов, прикинувшихся друзьями, но в самые опасные моменты высовывавших свое змеиное жало.

Кроме причин внутреннего характера, помешавших потемкинцам использовать полностью открывавшиеся перед ними революционные перспективы, нужно отметить и те внешние обстоятельства, которые создавали неблагоприятную обстановку для победоносного завершения восстания.

Главным из этих обстоятельств было то, что по всей России движение в июне 1905 года не достигло еще достаточного подъема для всеобщего вооруженного восстания. Весна и лето 1905 г. были переполнены рабочими стачками, крестьянскими бунтами, демонстрациями учащихся, прорывавшимися то здесь, то там, но все это были отдельные струи движения, не слившиеся еще в один могучий поток, не руководимые единой волей. Потемкинское восстание, при более удачной тактике команды, могло бы, слившись с рабочими волнениями Одессы, дать внушительную и яркую революционную демонстрацию, но мало оснований думать, что оно могло бы выйти за переделы Черноморского побережья.

Невероятность полного успеха „Потемкина", т. е. действительного осуществления плана Крымского союза, подтверждается тем соображением, что летом 1905 г. солдаты были еще чрезвычайно слабо захвачены революционной пропагандой, а без активной поддержки армии, морское восстание было обречено, в конечном счете, на поражение. Большинство военных организаций возникло во второй половине 1905 г. и в начале 1906 г. Лишь к концу 1905 года (ноябрь — декабрь) революционные настроения армии прорвались в отдельных вооруженных вспышках (Москва, Киев, Харьков), что касается рабочего движения, то оно приняло всеобщий и массовый характер лишь в октябре месяце и только осенью выдвинуло соответствующие для своего руководства органы—Советы Рабочих Депутатов.

Неподготовленными к вооруженному восстанию оказались не только рабочие и солдаты, но и партийные организации, в частности, Одессы, которой в данном случае принадлежало решающее слово.

В брошюре Ростовцевой о „Июньских днях в Одессе" и в приводимом в настоящем сборнике письме Мохова говорится о растерянности, в которую повергли и большевистский комитет и меньшевистскую группу Одессы июньские события. Просматривая корреспонденцию в зарубежных органах („Пролетарии" „Искре," „Рев. России"), мы не найдем почти указаний на те или иные шаги Одесских партийных организаций, на меры, которые ими принимались, чтобы овладеть стихийно разросшимся движением, чтобы дать ему должное направление, слить его отдельные разрозненные струи в единый порыв вооруженного восстания, чтобы связать баррикады с „Потемкиным" и „Потемкина" с революционной частью гарнизона.

Парторганизация очень слабо чувствуется в Одесских событиях.

Если выделить, по материалам заграничной прессы и данным Охр. Отд., все действия двух соц.-дем. организаций Одессы за июнь, то картина получится очень бледная.

В начале июня была захвачена полицией группа большевиков, собравшихся для обсуждения хода забастовки и резолюции III Съезда, и вскоре после этого провалилась типография Одесского к-та (большевистская); очевидно, эти провалы нанесли большой удар одесским большевикам и в дальнейших событиях меньшевики проявляют себя более активно.

Так и Охр. Отд. и корреспонденции отмечают выступления меньшевиков на собрании выборных от рабочих, ответивших на требование рабочими оружия предложением вооружаться своими силами. Это было 11 июня. 12-го происходит первое вооруженное столкновение рабочих с казаками, жертвой которого падает член меньшевистской группы, Медведев. 13-го, на массовом собрании рабочих выступают представители обоих направлений, при чем меньшевик призывает к демонстрации, а большевик к вооруженному восстанию. 14-го, согласно корреспонденции „Искры", имеет место довольно характерное и значительное происшествие, а именно: активное выступление Хаджибейского Комитета, объединявшего работу среди каменоломщиков.

Так как этот эпизод, представляющий большой интерес, еще нигде не освещен, мы остановимся на нем подробнее.

Работники каменоломен представляли благодарный материал для пропаганды, (среди них было много штундистов, которые, как известно, отличаются сравнительно высоким развитием и интеллигентностью), а обстановка шахт была чрезвычайно благоприятна для конспиративных собраний. К лету 1906 г. все каменоломни были организованы таким образом, что на каждой из них был ответственный кружок, распространявший литературу, собиравший массовки и т. д. и все эти кружки объединялись Центральным Рабочим Комитетом Хаджибейского района, который был связан с Одесской группой ЦК РСДРП.

Когда наступили в Одессе кровавые боевые дни, Хаджибейский Комитет решил действовать. Характерно, что действовал он совершенно самостоятельно. Собрали всю активную наличность, но ее оказалось очень мало, всего 40 человек, при том без всякого оружия. Тогда выработали следующий план действий (предоставляем слово самому корреспонденту „Искры“):

„Решено было сейчас же идти в ближайшую деревню, где, как мы знали, не было пока ни войска, ни казаков. По прибытии туда мы предполагали ударить в набат, созвать сельский сход, оборвать телефон и телеграф и испортить железную дорогу, по которой везли в это время солдат из Тирасполя и других городов в Одессу. Перед сходом должен был бы выступить ряд наших товарищей с речами и, объяснивши то, что происходит теперь в Одессе, призвать всех крестьян присоединиться к борьбе рабочих за общее освобождение всего народа и отомстить тиранам за пролитую братскую кровь. Затем думали изгнать из деревни все власти и двинуться к ближайшему помещику в усадьбу.

Управляющий этого помещика только несколько дней тому назад убил малолетнего крестьянского сына за самовольный покос клочка травы, а поэтому имелось в виду предать его и помещика народному суду за его зверское самоуправство, да кстати рассчитаться с ним и за все вековые грехи против крестьян, конфисковав у него землю, передать ее на усмотрение „крестьянского“, а не „барского“ Комитета.

После этого думали направиться всей массой или в уезд, по деревням, где аграрное волнение было уже в полном

разгаре, или же повернуть на каменоломни и, пройдя через них, присоединить всех тамошних рабочих (8000 чел.), и затем многотысячной толпой двинуться в город, на помощь тамошним товарищам рабочим“ („Искра“ № 110, статья „Еще одна попытка восстания“).

Но этот грандиозный план сразу потерпел крушение.

Крестьяне соглашались идти к помещику забирать у него хлеб, что же касается похода на город, то от этого они категорически отказались, говоря, что сейчас не время, „хлеб обсыпается, нужно торопиться его убирать. Вот ужо уберется, тогда можно идти воевать с кем угодно“. Комитетчики настаивали, требуя созыва схода. Но сход созвать не удалось, так как деревня испугалась. Чтобы не оказаться связанными или избитыми, хаджибейские социал-демократы поспешили убраться восвояси, вместе с присоединившимися к ним более революционными селянами. Но таких оказалось всего 15—20 человек. С таким количеством бойцов, да еще без оружия ничего, конечно, нельзя было предпринять. Так закончилась единственная попытка партийной организации „организовать революцию в самом процессе восстания“. Другой попытки в более широком, хотя бы обще-городском масштабе предпринято не было. И это вполне понятно, если учесть недостаточность массовых связей одесских соц.-дем. организаций, а главное, их полную техническую и боевую неподготовленность к вооруженному выступлению.

Тов. Ленин указывая (в ст. „Революционная армия и революционное правительство“ — Пролетарий № 9), что Потемкинское восстание является высшим этапом в развитии народного восстания против самодержавия, там же отмечает, что все движение в целом еще до этого этапа не доросло. И действительно, эта форма борьбы трудящихся масс с царизмом стала всеобщей лишь в декабре 1905 г., и тогда еще она не приобрела достаточной массовости, а, главное, достаточной организованности и планомерности, чтобы обеспечить трудящимся победу над старым режимом.

В статье тов. Топольского рассказано, как революционные партии подошли к оценке Потемкинского восстания и к его урокам. На основании приводимого там материала — статей официальных органов большевиков, меньшевиков и эсэров—можно видеть, что ни эсэры, ни меньшевики

не уразумели действительного смысла Потемкинских событий. Эсэры стремились их использовать, как новое доказательство необходимости революционной инициативы меньшинства и призывали офицерство следовать примеру „нижних чинов“, меньшевистская „Искра“ беспомощно путалась между сознанием значения этого первого вооруженного выступления и своей оппортунистической боязнью организованного планомерного действия. Для большевиков же Потемкинское восстание, потерпевшее неудачу именно вследствие своей бесплановости и случайности, явилось блестящим доказательством правильности их тактической линии (хотя и доказательством „от противного“). Урок „Потемкина“ казался столь наглядным и несомненным, что т.т. Ленин и Воровский стали надеяться, что даже меньшевики извлекут из него необходимые плоды. Они доказывали, что по существу вопроса „Искра“ под давлением событий уже перешла на почву резолюции III Съезда. В статье „Революция учит“ Ленин пишет, что „Искра“ в своем воззвании по поводу Потемкинских событий уже приняла не только большевистские лозунги вооруженного восстания и революционной армии, но и, в замаскированном виде, лозунг революционного правительства, против которого она так жестоко боролась раньше. Воровский в статье „Уроки жизни“ также указывает, что в передовой „Искры“, посвященной Потемкинским событиям, содержится тот самый ненавидимый меньшевиками план вооруженного восстания, о котором „долбит“ „Ленин с братьей“. „Слава богу, — пишет тов. Воровский, — что наконец-то удалось его вдолбить в головы любезных товарищей“. И делает вывод, что сама жизнь неизменно все больше приближает новоискровцев к большевикам.

Т.т. Ленин и Воровский жестоко ошиблись, они обнаружили чрезмерный оптимизм по отношению к меньшевикам. Если порою, под давлением событий, меньшевики воспринимали революционные лозунги и методы борьбы, то стоило схлынуть революционной стихии, как они снова возвращались к своей оппортунистической жвачке.

В частности, на Черноморьи, когда к услугам меньшевистской организации снова оказалась могучая боевая сила в лице 11 военных судов и саперной части (в ноябре 1905 г. в Севастополе), они все же не сумели успешно использовать ее.

По свидетельству участника ноябрьского восстания, Генкина, когда восстание стихийно вспыхнуло в сборной боевой роте из матросов и солдат, которую контр-адмирал Писаревский собирался послать на расстрел матросского митинга, меньшевики, стоявшие в тот момент во главе движения (в частности, И. Вороницын, пользовавшийся там большим влиянием), старались ослабить в массе впечатление от „эксцессов", боясь, что чрезмерный боевизм „может нарушить естественное и планомерное нарастание событий".

„Гипертрофированный односторонний реализм, рассматривающий сквозь призму все отрицательные моменты процесса развития и вызывающий настроение неуверенности и паники, страх перед стихийностью массы, перед свойственными ей крайностями, — с одной стороны и блестящий результат (?) „мирной" и „бескровной" октябрьской забастовки — с другой, в обстоятельствах этих и следует искать главную причину того, что лидеры восстания Севастопольского, а за ними и вся масса военных, нарочно избегали тогда специфически-военных методов действий", — пишет Генкин (стр. 10 „По тюрьмам и этапам"). Стремление к лойяльности доходило до того, что во время демонстрации, имевшей целью увлечь гарнизон на восстание, матросский оркестр играл... „Боже, царя храни". У матросов было, по свидетельству того же Генкина, „до смешного мало оружия", — загипнотизированные возможностью добиться всего „мирным путем", они не запаслись даже средствами обороны.

В результате Севастопольского восстания, социал-демократы, по признанию самого Вороницына, потеряли всякий престиж в матросских массах, и влияние перешло к социалистам-революционерам (см. протокол I конференции военных боевых организаций, доклад Вороницына, стр. 72).

Если меньшевикам и эсэрам июньские события не пошли впрок, то за то удачно использовали их большевики. Не удовлетворяясь тем, чтобы найти в них подтверждение выработанной III Съездом тактики, большевики подвергли обстоятельства восстания и причины его неудачи самому тщательному анализу, самому детальному обсуждению с различных точек зрения: политической, международной, организационной и военно-технической. В многочисленных статьях „Пролетария" читатель мог получить вполне

конкретные указания о том, как вести себя для использования той или иной революционно-благоприятной ситуации. На этих статьях, несомненно, воспитывались не только герои декабрьских баррикад Москвы, Ростова, Харькова, но и более молодое поколение борцов, тех, под чьим руководством 12 лет спустя совершилась самая организованная, самая централизованная, самая плановая революция в истории мира — Октябрьская.

С. ШРЕЙБЕР.

Х. Г. РАКОВСКИЙ.

К истории Потемкинского восстания [1]).

Известно, что бунт на „Князе Потемкине“ не был фактом случайным и неожиданным, это—частичный, преждевременный взрыв обширного, смело задуманного плана всеобщего восстания, которое должно было охватить огненным кольцом весь русский Черноморский флот. Овладев приморскими крепостями, русская революция приобрела бы неприступную базу для дальнейших завоеваний.

Бомбардируя побережье, организуя высадку войск, она могла бы поднять весь юг, а отсюда распространиться на остальную часть обширного государства. Это восстание должно было вспыхнуть в июле, во время больших морских маневров. По условному сигналу—две ракеты, выпущенные, одна за другой с палубы броненосца „Екатерина II“—участвовавшие в заговоре матросы должны были арестовать или убить своих офицеров, „именем народа“ овладеть всеми судами и принять на них команду. Как известно, несчастный инцидент с тухлым мясом преждевременно вызвал бунт на „Князе Потемкине“ и разрушил весь план.

Из числа других, мало подготовленных и не предупрежденных судов, в движении могли принять участие лишь „Георгий Победоносец“, оставшийся верным революции всего в течении 24-х часов и учебное судно „Прут“, которое безуспешно искало „Князя Потемкина“, чтобы соединиться с ним. Надо упомянуть еще о „Синопе“; он также присоединился бы к „Потемкину“, но внезапный приказ Кригера отступить к Севастополю удалил это судно из Одессы раньше, чем революционное меньшинство смогло побороть колебания нерешительного и трусливого большинства матросов.

---

[1]) Эта статья тов. Раковского, помещенная в книге Кирилла „Одиннадцать дней на „Потемкине“ без подписи Раковского и нигде с тех пор не перепечатанная, дает очень ценные материалы для выяснения предпосылок Потемкинского восстания.

Мы публикуем ее с незначительными сокращениями и изменениями, сделанными для устранения архаизмов (Ст. написана еше в 1906—07 г.).

Печальнее всех была участь броненосца „Екатерина II“ или „Кати“, как его фамильярно звали матросы, пылкой, красной „Кати“, готовой на самый решительный шаг и ставшей жертвой своего революционного темперамента. В самом деле, в то время, как на „Потемкине“ вспыхнул бунт, между офицерами и матросами „Екатерины II“ произошел ничтожный конфликт, жалкий в сравнении с той ролью, которую мог бы сыграть броненосец два дня спустя; большая часть экипажа была высажена на берег. Вот отчего наиболее революционный броненосец должен был остаться в Севастополе в то время, когда остальные были отправлены в Одессу против „Князя Потемкина“. Вот отчего последнему пришлось одному, или почти одному, вести борьбу преждевременно им начатую.

Однако, возникает вопрос, удалось ли бы всеобщее восстание, если бы не случай с „Потемкиным“? Мог ли флот рассчитывать на успех в своей попытке овладеть прибрежными городами и поднять рабочее население?

Когда, по рассказу Кирилла, подробно знакомишься с потрясающей, полной драматизма, историей борьбы матросов революционеров, когда узнаешь, как близок был успех в известные моменты, хотя в распоряжении имелось одно лишь судно, то является почти полная уверенность в победоносности всеобщего восстания. Тот факт, например, что отсутствие сигналов заставило матросов прекратить бомбардировку Одессы и, значит, потерять все плоды такой бомбардировки, показывает, какую роль играла случайность во всем этом деле [1]). Попытка восстания Черноморского флота, кроме влияния, которое она имела на дальнейший ход русской революции, представляет еще значительный интерес в историческом отношении. С чисто военной и технической точки зрения необходимо признать, что идея восстанием флота положить начало всеобщего военного восстания, была идеей очень удачной, не только потому, что матросы, благодаря

[1]) Из опубликованных в настоящее время воспоминаний К. Фельдмана видно, что непопадание снарядов при бомбардировке Одессы объяснялось не столько отсутствием плана, сколько предательством Алексеева и сигнальщика Ведермеера. Тот же сигнальщик не передал команде сигнала береговых солдат: „продолжайте бомбардировку, утром присоединимся к вам“. *Ред.*

специальному подбору, являются наиболее восприимчивыми из всех военных к социалистической пропаганде, но, главным образом, потому, что восставший флот может держаться и давать отпор гораздо дольше, чем всякая другая часть войска. Предположим, что поднялся весь флот; трудно представить, какими средствами правительство могло бы подавить восстание. Если „Князю Потемкину“ легко было доставать провизию даже в таких укрепленных городах, как Одесса, то целому флоту это было бы еще легче. Не трудно понять, что он господствовал бы на всем побережьи. Да поистине, победоносное всеобщее восстание флота создало бы положение беспримерное в истории гражданских войн. Русский абсолютизм, со всей своей армией, оказался бы бессильным в борьбе с горстью людей. Правящая Россия оказалась бы в таком же смешном положении, в каком очутилось румынское правительство, когда оно узнало, что „Потемкин“ явился в Констанцу; оно отдало приказ мобилизовать весь гарнизон, не исключая и... кавалерийского полка. Не без иронии, офицеры недоумевали, какую же функцию будут исполнять лошади в сражении с броненосцами.

Но истинный исторический интерес восстания „Князя Потемкина“ и других судов, раскрывается только при изучении причин, его вызвавших. Русская с.-д. рабочая партия, преимущественно крымская организация (Крымский соц.-дем. союз), много способствовала выработке революционеров среди матросов, но величайший учитель, пробудивший их умы, научивший их понимать революционные и социалистические идеи—это русский государственный строй в его целом, русский казарменный режим, в частности. Упуская из виду последнее обстоятельство, мы никогда не нашли бы истинных причин революционного движения во флоте и в других аналогичных движениях.

Причину бунта надо искать в условиях, в которых приходилось жить матросам.

В этой главе мы задаемся целью описать, на основании имеющихся документов, роль сознательных факторов, т. е. социалистической пропаганды, — в подготовке к происшедшему бунту, и факторов бессознательных, т. е. русского военного режима. Хотя мы будем говорить специально о случае с „Кн. Потемкиным“, легко понять, что это является

в то же время описанием истории всего русского флота. Казарменный режим, вообще, есть лишь отражение всего политического и социального строя страны; также и условия внутренней жизни, сложившиеся на „Кн. Потемкине“, совершенно одинаковы с условиями во всем нашем флоте. Мы натолкнемся здесь везде на те же недостатки, на те же злоупотребления: со стороны офицеров, главным образом, старших, мы встретим везде одинаково бессмысленную жестокость, одинаковое непонимание необходимости более человечного обращения с матросами. Всякое стремление последних к более сносной жизни вызывало со стороны начальства лишь упрямую решимость пускать в ход строгости и наказания. При таком отношении матросы, очевидно, не могли питать особенно нежных чувств к своему начальству. Послушание было чисто внешнее, из страха перед наказаниями; в глубине души они ненавидели и презирали этих „драконов и скорпионов“, как их называли, и не стесняясь, высказывали это в глаза, когда представлялся удобный случай. Во время мятежа 3 ноября матросы преследовали своих офицеров, бросали в них камнями и кричали вслед самые оскорбительные ругательства. Последнее, впрочем, столь обычно, что привыкшие к брани офицеры делают вид, будто ее вовсе на слышат. В разговорах между собой матросы любили сообщать все подобные случаи, издеваясь над слабостью и трусостью начальства. С каким удовольствием матросы „Кн. Потемкина“ рассказывали, например, историю о молодом мичмане, загнанном 3 ноября матросом во двор казармы; не нашедши лучшего оружия в свою защиту, он закричал: „ой, мама, мама“. Матросы — очевидцы этой сцены — покатывались со смеху и забрасывали несчастного офицера саркастическими замечаниями: „Ага, каналья, ты здесь прячешься, а на броненосце умеешь быть храбрым“. А другой добавляет: „Если он бежит от матроса, то что же он сделает, если встретится с японским броненосцем?“ Нужно сказать, что офицеры сделали все, чтобы укрепить среди матросов свою нелестную репутацию. Во время бунта они попрятались по всем углам; сам адмирал Кригер, после неудачной попытки скрыться во дворе, должен был отступать под градом камней под защитой Матюшенко, (будущий герой „Кн. Потемкина“ был в этот день дежурным;

от него мы узнали большую часть фактов, относящихся к бунту 3 ноября). А главный адмирал Чухнин благоразумно направил свой путь в Херсонесский монастырь. Антагонизм и недоверие между офицерами и солдатами — явление общее во всех армиях[1]), но особенно остро оно чувствовалось в русской.

Оно создавало непроходимую пропасть между начальством и подчиненными и ежедневные политические события, кончающиеся употреблением солдат против забастовщиков и манифестантов, делали пропасть все глубже. До какой степени матросы не доверяли ни в чем своему начальству можно судить по следующему факту. В конце мая или в начале июня командир „Кн. Потемкина“ приказал раздать матросам брошюры о предохранительных мерах против холеры. Я, впоследствии имел в руках экземпляр брошюры и убедился, что она принадлежит к серии брошюр популярной гигиены, изданных „Обществом русских врачей“, основанным в память Пирогова. Раздача этой брошюры была делом вполне естественным в виду шума, поднятого возможным появлением холеры. Но матросы, видя от начальства только враждебные поступки, и на этот раз объяснили распоряжение совсем другими мотивами. Офицеры-де хотели во что бы то ни стало убедить матросов в неизбежном появлении холеры. Для чего это нужно? А потому, что офицеры имели намерение, посредством дурной пищи, искусственно вызвать болезни среди экипажа, чтобы сломить энергию и подавить возможное сопротивление матросов. Вот как думали матросы. Брошюра должна уверить матросов, что у них холера. Несчастное совпадение укрепило в головах матросов эти подозрения: во время распространения названной брошюры на броненосце свирепствовала дизентерия (показания Шестидесятого, члена революционного комитета на „Кн. Потемкине“). Рядом с этой историей стоит упомянуть о легенде, распространяемой в Севастополе оставшимися в живых офицерами с „Кн. Потемкина“: они уверяют, что матросы, пошедшие за провизией, нарочно купили мясо дурного качества, чтобы вызвать бунт среди товарищей. Известно, между тем, что провизию покупал один из офицеров, лейтенант Макаров

[1]) Автор говорит, конечно, о буржуазных странах. *Ред.*

(эту странную версию, данную офицерами „Кн. Потемкина" на следствии о деле последнего, передал нам Фельдман). На какой почве родилось и развилось до таких огромных размеров взаимное недоверие. Почему матросы так ненавидели и презирали офицеров, что готовы были пожелать им величайших бед?

Помимо политических условий, о которых мы уже упоминали, не следует упускать из виду недостатки, которые были свойственны русскому офицерству, главным образом, флотским, вербовавшимся исключительно из среды дворянского сословия. В русские военные школы обычно попадали, так сказать, подонки интеллигентного общества. Все наиболее развитые, горячие, преданные народному делу элементы, уже в самые юные годы увлекались революционным движением. Честная, способная, талантливая молодежь обычно наполняла собою русские тюрьмы, наводняла интеллигентные профессии; элементы малоспособные, рабские, увлекались бюрократической военной карьерой. Неудивительно, поэтому, что военное сословие в России содержало в себе несравненно больше бездарностей и ничтожеств, чем во всякой другой стране. Легко понять, что подобные офицеры считали свою профессию лишь средством к существованию, стараясь тратить возможно меньше труда и энергии и извлечь возможно больше личных выгод. На такой почве сложились отношения между офицерами и матросами, результатами которых явились роковые катастрофы. Вернемся, однако, к режиму на „Кн. Потемкине".

Прежде всего, здесь процветали жестокие телесные наказания. Офицеры, несмотря на тайный циркуляр „уважать человеческое достоинство подчиненных", по привычке продолжали наделять их затрещинами и пинками. Матросы передавали мне случаи, когда у некоторых их товарищей разрывалась барабанная перепонка от сильных ударов по уху. Один из офицеров отличался особенной жестокостью; это был Голиков, командир броненосца. Матросы прозвали его „чортом". „Ну, сегодня чорт взбесился! Кого-то он накажет?". Вот как матросы приветствовали начальство, когда оно возвращалось из города или выходило из каюты на мостик.

В распределении наказания, которыми так богат изобретательный военный гений, щедрость Голикова не знала

границ. Ему ничего не стоило посадить кого-либо в карцер, лишить его отпуска, поставить на 24 часа под ружье, удержать в течение нескольких месяцев несчастное жалование матроса. Мы почти не встречали матроса с „Кн. Потемкина“, который не подвергался бы наказанию по тем или другим предлогам: один запачкал палубу, другой поздно вернулся, третий прочитал безобидную книжонку, не просмотренную начальством, пятый был недостаточно расторопен и т. д. Для иллюстрации, напомню случай с машинистом Резниченко, которому за чтение непросмотренной брошюры, в течение трех месяцев сокращали жалование с 12 рублей до 50 копеек в месяц (или, как выражаются матросы, — переводили на оклад). Ковалев, также машинист, за тот же „проступок“ должен был тридцать часов стоять под ружьем.

Другое зло, вызывавшее жалобы матросов, была пища. Не раз она служила поводом к протестам и заявлениям, между прочим и во время смотра вице-адмирала Верховского. Этот смотр происходил в начале русско-японской войны; матросы различных экипажей, в том числе и потемкинцы, изложили свои требования и жалобы. Они не стеснялись, так как вице-адмирал к ним явился один, сопровождаемый своим адъютантом. Кроме пищи, матросы жаловались еще на скверное обращение и плохую одежду. Многие из них, в присутствии Верховского, без малейших усилий обрывали подошвы с новой обуви, чтобы показать дурное качество материала, из которого она сшита. Ученики машинной команды „Синопа“, из которых многие перешли позднее на „Потемкин“, помимо прочих жалоб, выставляли еще нечестность своего командира. Его обвиняли в присвоении жалованья, назначенного им Обществом Русского Торгового Добровольного флота за то время, когда они, по приказанию начальства, временно заменяли забастовавших механиков этого общества (показание Шевченко, члена революционного комитета „Кн. Потемкина“, старого матроса с „Синопа“). Я слышал, что матросы „Кн. Потемкина“ в том же обвиняли и собственного командира. „Это из экономии на нашей пище он себе выстроил три хорошеньких домика в Севастополе“, — говорили многие из них. Больше всего они страдали от ругательств и оскорблений всякого рода, унижавших их человеческое достоинство. Они негодовали при

мысли, что юный „молокосос офицеришко“, едва выскочивший из школы, позволяет себе кричать, оскорблять словами и действиями старых матросов. Нужно было видеть, с какой надменной гордостью, так называемые, аристократы третировали подчиненных, чтобы понять всю силу ненависти, которую последние питали к начальству. Вот факт. Однажды, какой то офицер в Кронштадте встречает новобранца и вопрошает: „Ты меня знаешь?“ „Да, ваше высокоблагородие“. „Как же меня зовут?“ Матрос молчит. „Ты не знаешь моего имени?“ „Нет, ваше высокоблагородие“. „В таком случае, я представлюсь“,—говорит офицер и ударяет его два раза кулаком по лицу. Еще факт в другом роде, но свидетельствующий о том же высокомерном пренебрежении, происшедший с патрулем. Патруль из 30 матросов, простояв на зимнем холоде, в январе, 8 часов без смены, является, наконец, голодный на кухню, но, к великому изумлению, есть, оказывается, нечего. Дежурный офицер, известный мичман Попов, забыл о них „по рассеянности“. Заявив об этом, он им предлагает хлеб и чай. Матросы отказываются; тогда наиболее смелого из них, Депанкова, арестовывают, как „зачинщика“, на 8 дней и сажают на хлеб и на воду.

В России, можно было в некоторых общественных садах встретить варварскую надпись: „вход строго воспрещается собакам и... нижним чинам“. Адмирал Чухнин сумел припридумать для севастопольских матросов правило, ставящее их еще ниже собак. Приказом за № 184 от 29 апреля 1905 года матросам запрещается, „под страхом заключения в тюрьму“, ходить по двум бульварам, двум аллеям и одной улице. Несколько дней спустя, группа увечных матросов, вернувшихся из Порт-Артура, отправилась на один из этих бульваров—Исторический, — где находится памятник осады Севастополя в 1855 году. Они здесь наткнулись на офицера, обратившегося к ним с грубым окриком: „Как вы смеете здесь гулять? Вы знаете, что на этот бульвар ход нижним чинам запрещен“. Один из более смелых возразил: „Разве мы не имеем права, ваше высокоблагородие, ходить по родной земле, за которую мы проливали свою кровь?“ „А ты еще разговариваешь, каналья!“ И несколько звонких ударов дали почувствовать вернувшимся на днях „героям

матросам“ все прелести благодарной родины. Подобное обращение с матросами дало уже гибельные результаты. Мятеж 3 ноября был непосредственно вызван приказом главного адмирала Чухнина, запрещающим матросам уходить в город без особого разрешения — красных билетов. Все это раздражало тем более, что матросы привыкли считать себя более привилегированными в сравнении с другими сухопутными частями войск.

Несколько лет тому назад, подобные злоупотребления, запрещения и дурное обращение не вызвали бы таких гибельных последствий. Можно даже сказать, что если бы условия во флоте изменились не к худшему, а к лучшему, то результаты получились бы приблизительно те же, ибо более всего за это время изменились и выросли сами матросы. В короткий промежуток — пять — шесть лет — чувство собственного достоинства сильно выросло. Я имел возможность убедиться в этом, благодаря близкому знакомству с матросами различных наборов на „Кн. Потемкине“. Старые матросы 1905—6 г.г. отзывались о молодых товарищах первого и второго года с некоторым недоверием. Такое отношение было справедливо лишь в некоторой части и вызывалось тем, что старики судили о новобранцах по тем взглядам, которые они имели, когда поступали на службу во флот. Но часто случалось, что из молодых новобранцев иные принимали уже участие в той или другой стачке, и поступали в армию с другими взглядами и чувствами, чем их предшественники. Крайне характерным является следующий факт для психологии новых поколений: новобранцы 1904 года 36-го экипажа, т. е. экипажа „Кн. Потемкина“, предъявили известные требования к начальству, прежде чем давать военную присягу (показание Максима Лесового, машинного ученика первой статьи, старого рабочего центральных железнодорожных мастерских во Владикавказе, принимавшего до поступления во флот участие в двух больших стачках). Могучий толчок, данный рабочим движением за последние пять лет всей России, пробудил в сердцах и умах матросов надежду на новую жизнь, лучшую и свободную. Да это и понятно. По условиям труда броненосец, в сущности,—тот же плавающий завод; матросы ближе всего стоят к рабочему классу. По большому числу наказаний, наложенных

за чтение легальных, но неодобренных начальством брошюр, можно судить о сильном интересе к науке и литературе, о горячей жажде познаний. И в этом стремлении к лучшему будущему, пробуждавшему в человеке самые благородные чувства, они встречали препятствия в своих офицерах. Они стояли перед ними, олицетворяя тупую силу, оскорблявшую на каждом шагу самое дорогое достоинство человека, и заграждая путь к свету и знанию. Естественно, что в глазах матросов офицеры олицетворяли абсолютизм, составляли часть самодержавного режима. Кому, как не им, выгодно, что деньги народа расходуются без всякого контроля. Кому же, как не им, нравится строй, в котором злоупотребления, насилия и систематическое обворовывание свили себе прочное гнездо. Абсолютизм во флоте есть лишь отражение всего государства.

Среди матросов особенно горячо обсуждался вопрос об отношениях между солдатами и офицерами. Напомним здесь характерный факт, что первым пунктом ультиматума, предъявленного броненосцем военному коменданту Одессы, генералу Коханову, была замена постоянной армии народной милицией. На первый план выдвигалось отношение к начальству. Смотря по тому, как держал себя матрос перед начальством, какого мнения он был о нем, революционные товарищи решали, достоин ли он быть посвященным в тайны заговора. „Сколько времени нам стоило растолковать ему, что начальство наш враг“, — говорили мне матросы Резниченко и Шестидесятый, указывая на своего товарища Кулика, который впоследствии сделался таким же деятельным членом революционного комитета, как и они, но товарищам пришлось затратить много красноречия, много вечеров после молитвы беседовать с ним в темном углу броненосца, прежде чем Кулик перестал твердить, что сами матросы виноваты в грубом обращении офицеров. Потеряв всякую надежду победить его упорство, его оставили в покое и даже избегали встречи с ним; и как раз последнее обстоятельство, недоверие к нему друзей, сильно затронуло Кулика и открыло ему глаза на окружающее. Этот пример нам показывает на отдельном случае, как революционеры - матросы пользовались вопросом об офицерах в целях пропаганды среди товарищей.

Здесь, будет уместно подробнее остановиться на способе, как велась пропаганда на „Князе Потемкине“.

Многие матросы слышали уже о соц.-демократии, когда работали при постройке судна в Николаевской верфи. Работая под одной крышей, они неизбежно соприкасались с вольными рабочими, из которых многие уже были затронуты социалистической пропагандой, но в непосредственное сношение с социал-демократической партией 36-й экипаж, служивший на „Князе Потемкине“, вступил в Севастополе, где организации пустили уже прочные корни в военном флоте (социалистам-революционерам в самом начале удалось организовать несколько кружков среди матросов, но затем это дело перешло, главным образом, к соц.-демократам). Вполне понятно, что сравнительно немногие матросы могли поддерживать непосредственную связь с революционерами. Среди потемкинцев насчитывали не более 15—20 матросов, посещавших изредка тайные социалистические собрания, специально организованные для матросов. На этих собраниях, в революционной терминологии называемых летучками, если они малы, и массовками, если они более многочисленны, присутствовали матросы всех пятидесяти военных судов, находящихся в Севастополе. Сначала редкие, они становились все чаще; в последние четыре месяца перед восстанием они происходили почти каждое воскресение (с 10 ноября до 25 марта было 11 собраний). Число матросов, принимавших в них участие, с 30 возросло до 300—400. Чтобы избежать неприятных неожиданностей, собирались за городом, в лесу, близ Малахова кургана. Матросы отправлялись туда маленькими группами, шли сначала по большой Инкерманской дороге, а затем расходились по узеньким тропинкам. Расставленная повсюду стража возвещала, свободен ли путь. Наконец, добравшись до известной полянки, располагались, как хотели. Начинались речи. Ораторы, нередко женщины [1]), объясняли матросам причины существования невыносимого гнетущего строя, указывали средства к его уничтожению, средства к освобождению всей страны. За речами шли прения, беседы,

---

[1]) Среди матросов пользовалась особой популярностью соц.-дем Наташа Вольская, блестящий оратор. *Ред.*

рассказы, и, наконец, приняв обычную резолюцию, собрание расходилось с пением революционных песен. Чтобы читатель мог составить себе представление о вопросах, дебатируемых на таких собраниях, достаточно привести текст одной из резолюций:

„Мы, матросы Черноморского флота, — начинается резолюция, помеченная 20 марта, — собравшиеся в количестве 194 человек, присоединяем свой голос к голосу русских рабочих, представленных их передовым отрядом, русской социал-демократической рабочей партией, и требуем отмены самодержавного режима и замены его демократической республикой. Мы убеждены, что только созыв учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права с тайной подачей голосов, может утвердить самодержавие народа. Мы знаем, что правительство предприняло войну, имея в виду личные интересы. Вот почему мы требуем ее немедленного прекращения. Присоединяя свой голос к голосу России, пробудившейся к политической жизни, мы уверены, что нашему примеру, примеру протеста Черноморского флота, последует вся русская армия. Должно, наконец, знать, что последняя его опора рушится. Наше освобождение близко, и мы зовем в наши ряды, в ряды нашей партии, всех, кого преследует и давит самодержавие. Борьба наша не прекратится до тех пор, пока человечество не освободится от эксплоатации капиталистов-пауков. Мы боремся за социализм. Долой самодержавие! Долой войну! Да здравствует учредительное собрание! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует российская социал-демократическая рабочая партия! Да здравствует социализм!

К этой резолюции присоединилось еще 150 матросов, не присутствовавших на собрании.

Пропаганда среди остальных матросов велась путем брошюр и, главным образом, прокламаций. Нужно заметить, что матросы обращались в Севастопольский комитет с просьбой о прокламациях, написанных специально для них. Комитет охотно исполнял просьбу. Как только было замечено, что пропаганда среди матросов идет успешно, комитет старался освещать каждый более или менее важный случай из жизни флота. Так, спустя два — три дня после бунта, когда

матросы утром встали и вышли во двор, то нашли его усеянным печатными листками, касавшимися последнего события. Севастопольский комитет убеждал матросов придать своему протесту определенный политический характер. Эта прокламация была разбросана в числе 1.800 экземпляров. В общем, с начала ноября до начала апреля, комитет распространил всего 12.000 экземпляров листков. Вот заглавия некоторых из них: „Пора кончать“, „Солдатская памятка“ (в 2.800 экз.), „Две Европы“, „Кто победит“, „Смерть тиранам“, „Царский манифест“ (9 января) и т. д. и т. д. Как видно, часть этих прокламаций относится к русскому режиму вообще, другие касаются специально матросов. В них рисовались условия жалкого существования матросов в противовес преимуществам и удобствам, которыми пользовались их офицеры. С этой целью были подобраны факты, которые должны были произвести сильное впечатление на матросов. Так, офицер Банов, старший офицер учебного судна „Прут“, перешедшего позднее на сторону революции, потопил по небрежности паровую шлюпку этого судна. Вместо наказания он получил повышение и был назначен командиром стационера „Псезуапе“ — того самого маленького судна, которое, вместе с командиром Бановым, находилось в Констанце в то время, когда явился туда „Князь Потемкин“; офицер этот отличился в комичном происшествии, известном по рассказу Кирилла.

В другой прокламации подчеркивалась огромная разница в жаловании, получаемом офицерами и матросами в России и в других странах. В то время, как в Японии, главный адмирал Того получает всего 5.600 рублей годового содержания, великий князь Алексей, главный адмирал русского флота, получает жалование в 18 раз большее (108.000 рублей). Насколько, с другой стороны, лучше содержатся японские матросы сравнительно с русскими! Содержание первых обходится государству по 56 рублей на человека, в то время, как русский матрос стоит лишь 24 рубля, из которых половину еще крадет начальство.

Специальные листки были разбросаны по поводу отъезда 800 матросов в Либаву; другие — во время процесса 30 матросов, арестованных в качестве „зачинщиков“ во время бунта 3 ноября. Одновременно с этими частными случаями,

выдвигались и общие вопросы: о войне, о положении рабочих и крестьян, о русском политическом строе и т. д. Немедленное прекращение войны — это был, как мы уже говорили, один из самых популярных лозунгов социалистической пропаганды среди матросов. Наиболее смелым из них советовали, в случае призыва, отказываться ехать на Дальний Восток. Особенно сильное впечатление произвел на матросов листок с „требованиями матросов“, напечатанный социал-демократическим комитетом, но составленный и подписанный матросами и учениками броненосца „Екатерина II“, соединенными с русской с.-д. рабочей партией. Это был уже сигнал к более решительным действиям, явившийся в результате Цусимского поражения.

Все требования сводятся к улучшению жизни матросов в продолжение службы, и только в конце матросы упоминают о тесной связи, существующей между русским общественным строем и военным режимом.

Приведем некоторые из требований:

1) Сокращение службы во флоте до трех лет (в настоящее время срок семилетний).

2) Точное определение продолжительности рабочего дня (работой считаются как упражнение во фронте, так и специальное занятие).

3) Матросы должны получать жалование, достаточное для содержания семьи.

4) В несчастных случаях или болезни, к матросам должны применяться те же правила, что и к другим рабочим, безразлично, произошел ли случай во время или после работы.

5) Деньги, назначенные для пищи матросам, должны расходоваться под их непосредственным контролем. В виду этого, съестные припасы должны покупаться самими матросами; повара должны быть выбраны товарищами. „Таким образом, мы лишим вас возможности нас обкрадывать, — говорят матросы и ученики броненосца „Екатерина II“, обращаясь к своему начальству и продолжают: — да, возможности нас обкрадывать, так как вы нас обкрадываете. Не отрицайте этого; доказательства известны всем. На миноносце (на некоторых миноносцах пищевое довольствие находится в заведывании самой команды) пища гораздо лучше,

чем на „Екатерине II“, и с каждого человека еще остается экономия в 3 — 4 рубля“.

Другая категория требований — их можно было бы назвать программой - минимум матросов — должна гарантировать им права человека и гражданина.

Во главе этих требований стоит отмена титулов, с которыми солдаты должны обращаться к своим офицерам, и отмена обычая отдавать честь офицерам. Далее, идут следующие пункты: все проступки матросов подлежат обычным судам. Если существуют военные суды, они должны состоять наполовину из офицеров, наполовину из матросов, выбранных товарищами.

Право выбора судей должно быть неприкосновенно. Судьи - матросы пользуются теми же правами, как и судьи-офицеры. Целый экипаж, как коллектив, подобно отдельному солдату, имеет право привлечь к суду своих офицеров. Эта и другие прокламации были распространены в сотнях экземпляров. Когда матросы находились на судах, листки разбрасывались и здесь. В день рождества потемкинцев ожидал сюрприз: просыпаясь, все нашли на одеялах и под койками соц.-демократические прокламации. Каждый стал собирать „голубей“, как они их звали, „искать укромного уголка“, чтобы прочесть их. Потом начали собираться кучками и в продолжение нескольких дней толковали о прочитанном. Быть может, не всегда все понималось. Даже иногда, — на что потемкинцы жаловались в письме, о котором речь будет дальше, — они говорили, что в листках много выражений, совсем непонятных для большинства матросов, просили заменить их другими. И эти листочки, маленькие, незначительные, часто неразборчивые, напечатанные в тайных типографиях на примитивных станках, делали свое революционное дело. Они были живым доказательством существования таинственной, неуловимой партии, вставшей перед одинокими, забитыми матросами, чтобы выслушивать их жалобы, и сочувствовать их страданиям. Люди этой партии братски протягивали руку матросам. как равным себе, отдавали им свои средства, время и жизнь и звали их на общую борьбу против врага всего рабочего класса. Нельзя требовать от пропаганды, обладающей такими ограниченными средствами, чтобы она превратила

матросов в сознательных социалистов. Она сделала много, придав их неопределенному недовольству политический характер, популяризируя среди них лозунги социалистической программы-минимум.

Прежняя беспорядочная борьба матросов стала теперь сознательной. Они признали над собой партию и ее программу. „Нас здесь 300 социал-демократов, готовых умереть!“ Этими словами меня встретил Матюшенко, когда я в Констанце взошел на „Князя Потемкина“. Эти 300 социал-демократов, быть может, даже не знали всего, чего хочет их партия, но тот факт, что они могли считать себя членами партии, давал им безграничную веру в собственные силы.

Вступив на этот путь с пробудившейся энергией и инициативой, матросы находили в себе самих то, чего им не могли дать прокламации. Они пополняли свое политическое воспитание наблюдением фактов окружающей жизни, чтением газет, брошюр и книг, дозволенных их офицерами. Руководимые ненавистью к деспотизму, они открывали революционные идеи даже в религиозных книгах. Кто ближе знал повседневную жизнь на „Кн. Потемкине“, слышал речи, которыми обменивались, вопросы, которые дебатировались, тот вынес бы впечатление интенсивной духовной жизни. Это был улей трудолюбивых пчел, деятельности которого каждый способствовал по мере своих сил. На судне находилось около тридцати штундистов; они и здесь проповедывали пассивное уклонение от войны, отказ стрелять в „существа, сотворенные Богом“. Почти каждое воскресенье, между ними и командиром Голиковым, который нарочно держал их на юте, происходили назидательные разговоры: „Ну что, подумали ли вы об обязанностях солдат? Поняли ли вы теперь, что нужно стрелять во врага, если начальство приказывает? — Нет, нам нельзя убивать людей.— Кто научил вас этим глупостям? —Наш учитель — сам Иисус Христос. — Я спрашиваю, где вы этому научились? — В Евангелии. — Зачем же вы носите ружье, если решили никого не убивать? — Только для упражнений! (показание Степана Воронко, служившего в артиллерии на „Князе Потемкине“).— И Голиков уходил от „евангелистов“ рассерженный, что разговоры ни к чему не привели. Беседы эти происходили в присутствии матросов и вызывали среди них горячие споры.

Если мы начнем присматриваться к отдельным личностям среди матросов, то невольно заметим выдающиеся характеры, не играющие видной роли только благодаря социальным и политическим условиям своей страны. Первое место среди матросов принадлежит Никишину, не только потому, что он героически погиб в Феодосии, а главным образом, за его огромное влияние на товарищей. На судне он был кочегаром, но, в действительности, Никишин имел призвание проповедника или народного трибуна.

Одаренный ораторским талантом, проникнутый религиозным идеализмом, глубоко вкоренившимся в русских народных массах, особенно в крестьянстве, где души еще не затронуты поверхностным скептицизмом, Никишин, при каждом удобном случае, входил в свою роль проповедника. Обладая замечательной памятью, он пересыпал свою речь цитатами из различных авторов. Это он ввел в моду такие проповеди, которые начинались стихом из евангелия и кончались революционным гимном.

В другом роде тип встречаем в лице Звенигородского, механика-ученика практической школы, наиболее развитого среди матросов. Сын журналиста, он сам сочинял газету, в которой описывал бедствия и страдания матросов, и читал ее вслух товарищам. Благодаря его деятельности, многие из лучших матросов, как например, Резниченко, сделались революционерами. „Как часто, — рассказывал мне Резниченко, — мы спорили целыми часами, прислонившись к борту корабля и устремив взоры на тихую поверхность воды“. Но, кроме этих двух, мы можем перечислить целый ряд деятельных людей, как Матюшенко, Резниченко, Курилов, Дымченко, Макаров и еще много других. Этот мир переживал, обсуждал и интересовался теми же фактами и событиями, которые волновали всю Россию. Бесспорно, одним из последствий русско-японской войны явилось пробуждение у нас общественной жизни и общественного мнения. Обыватели огромной империи впервые, быть может, были охвачены чувством национальной солидарности. Флот и армия сблизились с народом на почве общих огорчений, стыда и страданий.

3 ноября протесты матросов в первый раз приняли угрожающую форму мятежа. Фонари во дворе — это было вечером —

окна казарм, контор и офицерских квартир, расположенных во дворе — в одну минуту превратились в осколки. Офицерам, спрятавшимся повсюду, даже в ватер-клозетах, удалось ускользнуть от гнева матросов. Солдаты, призванные из соседних казарм, отказались стрелять. Наконец, матросы и унтер-офицеры, ученики судна „Память Меркурия“, несколькими залпами рассеяли бунтовавших. Тогда, в наказание, порешили всех матросов посадить на судна, что и было исполнено после бунта. Но здесь, на судах, конфликты возникали еще чаще. Матросы „Екатерины II“ грозили утопить броненосец, если им не уплатят половинное жалованье по военному времени, которое полагается матросам на судах. Это требование, впрочем, поддерживалось экипажем всех других броненосцев, в том числе и „Потемкина“. Они выиграли дело. Точно так же было исполнено и другое требование — переменить качество хлеба. Матросы-революционеры, поддерживавшие требование об улучшениях в режиме матросов, в результате этим увеличили и укрепили свое влияние. Обычно они бывали инициаторами всяких протестов и увлекали своим примером нерешительных и несознательных. Некоторый, достигнутый ими успех и относительная безнаказанность, которой они пользовались, ободряли их следовать дальше по начатому пути.

Но более всего, их поощряла война, обнаружившая бесчисленные дефекты в армии и во флоте. Матросы, как и следовало ожидать, сваливали их всецело на неспособность и трусость „начальства“. Потеряв всякий авторитет, последнее перестало внушать страх и уважение. Для матросов стало ясно, что решимость ведет к победе, и они сделались смелы. Возражения на замечания командира или другого офицера и серьезный проступок против дисциплины сделались делом обычным. Акты неповиновения были нередки и — что еще более характерно — матросы старались шумно обнаруживать свое одобрение неповиновавшимся. Подобный случай был при заключении в карцер матроса Фурсаева, новобранца, которого другой новобранец назвал владельцем найденной у него прокламации во время обыска, сделанного командиром Голиковым. Фурсаев притворился безграмотным, отрицал, что знал о содержании прокламации, и наотрез отказался назвать товарища, который ему ее дал. Он был посажен

в карцер на судне, но все матросы, перед носом Голикова, ходили его навещать, носили ему папиросы и прочие маленькие подарки.

В атмосфере, в которой уже носился дух мятежа, при полном упадке дисциплины, родилась мысль о всеобщем восстании. Кем, где и когда она была высказана впервые? Как все истинно популярные идеи, она не имеет ни автора, ни места и времени возникновения. Очень вероятно, что относительная легкость и большая надежда на успех, которую представляло восстание на судне, при наличии горсти сплоченных матросов, внушили одновременно нескольким матросам мысль о восстании. Уже во время бунта 3 ноября матросы обращались в соц.-демократический комитет с вопросом, будет ли своевременно превратить мятеж в организованное восстание. Комитет советовал отложить восстание до более благоприятного момента. Итак, идея революционного выступления матросов возникла уже год тому назад. Позднее, в начале этого года, когда поднялся слух о еврейском погроме, организовавшемся в Севастополе полицией, в город ушли самовольно 150 вооруженных матросов и объявили, что присоединятся к 500 рабочим, для защиты евреев.

Дальнейшие события еще более укрепили в умах матросов мысль о восстании. События 9 — 12 января в Петербурге вызвали сильное волнение в их среде. Многие из них рассуждали, что если бы у них явился такой поп Гапон, то правительство так легко не отделалось бы. И мысль о восстании стала дебатироваться и пропагандироваться на все лады. „Матросская централка“, т. е. Центральный Комитет матросов, во главе с представителями от революционеров всех судов, начала серьезно вырабатывать план восстания. Это было дело нелегкое. Проект вызывал множество практических вопросов. Как быть с офицерами? Убить ли их, или арестовать. Какие последствия будет иметь восстание в случае победы и в случае поражения? Не вызовет ли оно раздробления России? Каждый матрос высказывал свои соображения. В письме, отправленном потемкинцами в Севастопольский комитет, за несколько дней до отъезда на остров Тендер, они требовали ответа на все вопросы, вызывавшие сомнения. Но поражение при Цусиме, особенно,

известие о казни 40 матросов эскадры Небогатова у Шанхая, — сообщение из русских газет — переполнили чашу терпения матросов. Все говорили: „если нам суждено умирать, то вместо того, чтобы пасть от руки начальства или японцев, пожертвуем жизнью за освобождение России". И идея восстания приобретала все больше сторонников.

Здесь возникает вопрос, сколько на „Кн. Потемкине" было матросов, посвященных в план заговорщиков. „По крайней мере половина" был общий ответ.

Действительно, матросы - революционеры вовсе не держали в секрете своего плана; они соблюдали только известные предосторожности. По следующему факту можно судить о их смелости: однажды, когда все офицеры одного небольшого военного суда — мы умалчиваем об его имени — уехали в город на свадьбу, матросы устроили на нем революционный митинг.

Я обращался к некоторым, наименее сознательным матросам, желая узнать, был ли им заранее известен план восстания, и как они о нем узнали. Ответ был один: „я слышал от товарищей по службе, а они от другого товарища" и т. д. В сущности, главная трудность заключалась в том, чтобы приучить умы матросов к мысли о восстании, а это достигалось намеками следующего рода: матрос, например, жалуется на грубое обращение „чорта" Голикова; ему отвечают: „от тебя зависит избавиться от него". При этих словах, матрос широко открывал глаза. „Конечно, — продолжает собеседник, — если мы все сговоримся, то справимся живо с нашим драконом".

Весьма вероятно, что и офицеры слыхали о затеваемом; достоверно известно, что среди матросов имелось около тридцати шпионов. Они получали вознаграждение от Голикова, сообщая ему все, что знали и слышали. Но как разбить этот план? Арестовать, но кого же? Трудно было найти членов потемкинского революционного комитета. Как сильно Голиков к этому стремился, видно по настойчивости, с какою он добивался признания Фурсаева, откуда тот взял прокламацию. Он даже обещал ему сто рублей, если он укажет, кто ему дал листок. Не будучи в состоянии поймать кого - либо из членов, он нередко жестоко преследовал случайно подозреваемого матроса. Так, напр., он

высадил матроса Бородина и 5 его товарищей по подозрению в пропаганде; он грозил сделать то же с другими матросами, но неуверенность мешала Голикову действовать решительно.

Все попытки командира „Кн. Потемкина“ обычными мерами водворить дисциплину на броненосце кончались неудачно. Некоторые из мер были просто смешны, другие — бесполезны, или вызывали совершенно обратное действие. Чтобы заручиться симпатией матросов, он великодушно разрешал музыкантам устраивать концерты, думая старыми песнями о героях-матросах, получивших за послушание и храбрость георгиевские кресты, отвлечь и усмирить мятежников. Эти затеи среди матросов вызывали смех, а меры строгости их раздражали. Последние заключались, главным образом, в лишении матросов свободного времени. Обычно матросы имели обеденный отдых в три часа (от 11 до 2 ч.) и в неделю два свободных дня на стирку белья. Командир лишал их этих двух дней, а обеденный отдых сокращал наполовину. Чтобы найти время для стирки, матросам приходилось сокращать время сна на несколько часов; пришлось работать даже в ночь под Пасху.

Какую же цель преследовала эта мера? Очевидно лишить матросов возможности собираться и рассуждать. В виду этого им даже запрещали читать газеты и журналы, и с большим трудом разрешали уходить в город. Голиков, ночевавший раньше часто в городе, теперь не покидал судна.

Драконовские меры командира вызывали нередко протесты; особенно шумный произошел за 2—3 дня до праздника св. Троицы. В самый праздник Голиков счел нужным покончить этот скандал речью о дисциплине, произнесенной, когда матросы, после утренней обедни, находились на юте. В своей филиппике против неповиновения — он намекал на день злосчастного бунта — Голиков рассказал матросам о мятеже, происшедшем лет 20 тому назад на крейсере „Светлана“, на котором он в то время сам находился; мятеж окончился смертной казнью многих из матросов. „Вот что ждет матросов, забывших дисциплину“, — закончил Голиков. „Боже, Боже, как он глуп“, — сказал один из офицеров о Голикове. „Действительно, — заметил другой — разве теперь время произносить такие речи“. В самом деле, после поражения при Цусиме, легкомысленны были такие слова.

Приучая матросов к мысли о возможности смертной казни он сам же смягчил их страх перед результатами и последствиями восстания.

Но что мог сделать командир? Он, подобно всякому „солдату“, преданному абсолютизму, должен был всеми средствам защищать старую Россию. Перед трудностью задачи Голиков, как и все, терял голову и способствовал лишь ускорению надвигающейся катастрофы. Он сам, впрочем, понимал свое бессилие, он сам убеждал и указывал, при удобном случае, как широко распространилось зло. „У нас, на судне, все заражено революционной пропагандой, все, включая и унтер-офицерских чинов“, — озабоченно говорил Голиков жандармскому полковнику, явившемуся на „Потемкин“, по поводу истории с новобранцем Фурсаевым, происшедшей за несколько дней до отъезда на Тендер. Все попытки искоренить революцию кончились у Голикова так же неудачно, как и у других начальников, в том числе и у Чухнина. Последний даже пробовал воздействовать на матросов патриотическими проповедями, но не имел успеха. Однажды, в день 16 февраля, портовые рабочие освистали его и столкнули с импровизированной трибуны, с которой главный адмирал, в то же время командующий всеми черноморскими портами, разносил социалистов и „космополитов“. Он должен был поспешно скрыться, преследуемый криками: „Долой Чухнина!“ „Долой двух орлов!“ (знак на эполетах вице-адмирала). Он писал целый ряд статей в „Севастопольском Вестнике“ об основах христианства и монархизма, но матросы осмеивали наивные разглагольствования старого прислужника абсолютизма. Узнав, что прокламации в большом количестве ходят по рукам у матросов, он приказал сделать обыски, главным образом, в казармах учеников-механиков. Обыск существенных результатов не дал, так же как и попытка открыть место собраний матросов.

По этому поводу Резниченко рассказывает характерный случай, происшедший на одном собрании, где он лично присутствовал. „Когда мы только что хотели начать, является вдруг многочисленный патруль, с офицером во главе, и хочет нас всех арестовать. Один из нас подходит к офицеру и, отдав ему честь, спрашивает: — „Вам чего угодно, ваше

высокоблагородие“? — „Я вам приказываю расходиться“! — „Почему“? — „Потому, что я приказываю“! — „Но, ваше высокоблагородие, мы ничего преступного здесь не делаем“. — „Расходитесь, или я прикажу стрелять“! — „Прикажите, но никто вас не послушает. Если я сегодня здесь, то завтра я могу оказаться в патруле под вашим начальством и выстрелю в вас первого, если вы, как сегодня, прикажете стрелять в товарищей“. Не говоря ни слова, офицер приказал повернуть назад и удалился, вместе с патрулем“. Матросы попрежнему продолжали собираться, выбрав только новое место. По поводу этих собраний командир судна „Прут“, Барановский, также произнес речь, назвав „жидов“ причиной всех смут во флоте, он добавил, что у него не дрогнула бы рука подписать смертный приговор всем матросам, посещающим тайные сходбища социалистов. — „Это ты правду сказал! — говорилось в прокламации, появившейся через несколько дней после речи. — Мы знаем, что ты — палач, но близок час, когда и наши руки без содрогания затянут петлю на твоей шее. Близится час расплаты“.

Через несколько недель Барановский был арестован матросами, а его товарищ Голиков пал жертвой упорства самодержавия.

ИЮНЬСКИЕ ДНИ В ОДЕССЕ И ЧЕРНОМОРСКОМ ФЛОТЕ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

К истории июньских дней 1905 г. в Одессе и Черноморском флоте.

(Неопубликованные документы и материалы)

Архивные материалы по истории восстаний 1905 г. в Черноморском флоте, в частности, по истории Потемкинского восстания, можно разделить на две группы.

К первой следует отнести материалы военно-морского суда — они освещают дела с точки зрения воинского преступления (бунт — 109 ст. б. воен. мор. уст.), нарочито отмечая их политическое, революционное содержание.

Ко второй относятся материалы следствия, производившегося обще-судебными и полицейско-розыскными органами (прокурор судебной палаты, окружной суд, жандармское управление, охранное отделение), которые подходили к событиям именно с политической оценкой, стремясь выяснить политическую физиономию их участников и роль в них революционных партий.

Здесь мы дали и те и другие, не появлявшиеся еще в печати материалы о летних событиях на Черном море, связанных с Потемкинским восстанием и, в виде введения к ним, выписку из приговора военно-морского суда по делу восстания 29 флотского экипажа Черноморской флотской дивизии, имевшего место еще накануне революционного 1905 г., 3—4 ноября 1904 г. в Севастополе.

Дополнением к этим официальным документам, исходящим из вражеского лагеря, являются некоторые материалы из „Искры“ и „Пролетария“ и статьи, составленные на основании этих материалов, освещающие такие малоизвестные моменты, как революционная работа во флоте до его выхода в плавание в 1905 г. и восстание на учебном судне „Прут“.

Официальные материалы полученны нами из двух источников; большинство документов — из Одесского Истпарта, и все эти документы снабжены комментариями и примечаниями

т. Рябинина - Скляревского, которым произведена и самая выборка материалов[1]).

Остальные материалы — обвинительные акты и приговоры — поступили из Николаевского Истпарта, в распоряжении которого находится архив б. военно - морского суда.

Материалы мы сочли более удобным расположить не в чисто - хронологическом порядке, а по темам.

1) О первом „бунте“ в Черноморском флоте.

2) Июньские дни в Одессе.

3) Восстание на „Потемкине“.

4) Присоединение и отпадение „Георгия Победоносца“.

5) Настроение в экипажах и в эскадре во время Потемкинского восстания.

6) Восстание на учебном судне „Прут“.

РЕДАКЦИЯ.

---

[1]) Тов. Рябиным-Скляревским из архива Одесского Истпарта даны следующие материалы: 1) О подготовке восстания во флоте — донесение Симферопольского прокурора. 2) Письмо Мохова о состоянии Одесской социал-демократической организации. 3) Показания начальника охранного отделения о революционных организациях Одессы. 4) Записка прокурора одесского окружного суда о развитии революционного движения в Одессе. 5) Показания Константина Фельдмана. 6) Список членов Комиссии восставшего броненосца „Потемкин“ (сводка). 7) Показания командовавшего броненосцем „Потемкин“ — Алексеева. 8) Показания механика Калюжного. 9) Показание механика Назарова о первых моментах восстания на „Потемкине“. 10) Показания Фролова о присоединении к восстанию „Георгия Победоносца“. 11) Выписка из показаний Гузевича. 12) Показания доктора Галенко об отпадении „Георгия Победоносца“. 13) Об отпадении „Георгия Победоносца“—показания лоцмана Романенко. 14) Восстание на „Пруте“ — показания Гавришева. 15) Показания командующего войсками. 16) Показания градоначальника.

Материалы эти извлечены из след. следственных дел, хранящихся в Одесском архиве. 1. II ст. более 300 листов под названием „Предварительное следствие судебного следователя Москов. Окружного Суда о беспорядках в г. Одессе 1905 г. № 4 (следователь московск. окружного суда Головня был командирован в Одессу и Севастополь 20 июня 1905 г. министром юстиции для производства расследования по 126 ст. уг. ул. статье карающей за „покушение на ниспровержение существующего в государстве строя“, т. е. чисто-политического характера). 2. Производство прокурора одесского окружного суда о беспорядках в Одессе — 1905 г. № 104, 3) дело прокурора одесской окружной палаты о революционном комитете на броненосце „Кн. Потемкин Таврический, 4) дело одесского охранного отделения „о взбунтовавшейся команде броненосца „Потемкин и 5) его же „о группе потемкинцев“.

Весь этот следственный материал остался в Одессе, так как правительство сочло для себя более выгодным рассматривать Потемкинское восстание, как чисто воинское преступление и передало его в военно - морской суд, предписав палате производство прекратить.

Первый бунт в Черноморском экипаже.

„Бунт“ 3—4 ноября 1904 г. в Черноморской флотской дивизии нашел свое отражение в воспоминаниях очевидца, помещенных в заграничном меньшевистском органе „Социал-демократ“ в 1905 г. Частично эти воспоминания воспроизведены в сборнике т. Невского. Из них видно, что выступление матросов в ноябре 1904 г. носило именно характер „бунта“, т. е. совершенно неорганизованного, стихийного возмущения, которое не подготовлялось и не руководилось никакой революционной организацией.

Это возмущение было вызвано запрещением Чухнина выпускать матросов со двора с обычными белыми билетами и вылилось фактически в погром флотских казарм, здания военно-морского суда и офицерских квартир. Из офицеров никто почти не пострадал, потому что храбрые „драконы“ поспешили спрятаться. Взбунтовавшиеся матросы были усмирены несколькими залпами с крейсера „Память Меркурия“. Затем началось следствие, в результате которого 36 человек из 29-го, 30-го, 32-го и 35-го экипажей было предано военно-морскому суду.

Дело разбиралось 22 января 1905 г. военно-морским судом Севастопольского порта[1]). Приводим текст обвинения дословно. Оно было формулировано по восьми пунктам. По первому пункту:

„Кийченко, Смирнов, Данилович, Удоеров, Борщенко, Малаш, Случайный“, Смоляков, Бондарь, Стрельцов, Лавриненко, Кучеренко, Ивченко, Остапенко, Мокрогуз, Капралов, Погорельцев, Алексеев, Тернаев, Попов, Сячинов, Бакланов, Кишавузов, Клагин, Жуков, Засульский, Шмидт, Ковалев, Топачевский, Шапошников и Бутьков, обвинялись военно-морским прокурорским надзором в том, что, имея намерение воспротивиться состоявшемуся по дивизии 3 ноября 1904 года распоряжению начальства, относительно неувольнения со двора, приняли участие в беспорядках, учиненных

[1]) Сводка № 37, кн. 46 арх. воен.-морск. суда, Ист.-рев. архив г. Николаева.

с упомянутой целью вечером того же 3 ноября в казармах Черноморской флотской дивизии большим скопищем нижних чинов всех экипажей дивизии, при каковых беспорядках означенные нижние чины, общими силами, разрушали в казармах ворота, двери, разбивали окна в зданиях и бросали, с криками и бранью, камнями в патрули и начальствующих лиц, принимавших меры к восстановлению порядка, и только вооружонною силою были принуждены прекратить эти бесчинства. В частности же, при описанных беспорядках, Кийченко, в числе других бросал на двор камни в патруль, бывший под начальством командира 31 флотского экипажа, капитана 1-го ранга Афанасьева и кричал при этом патрульным: „бросай ружья"; Сморчков, вместе с другими буянами, сломал, со стороны двора, запертые двери черного хода в казарме 29 экипажа и, ворвавшись в сени, буйствовал там некоторое время, после чего, выйдя снова на двор, слыша команду капитана 1-го ранга Афанасьева, обращенную к патрулю, дозволил себе в ответ на команду засвистать и крикнуть по адресу названного начальника площадную брань; Дышловой, Борщенко, Худояров, Бондарь, Малаш, и Случайный, забравшись в коридор и на лестницу черного хода 29 экипажа и потушив лампы, шумели там и бросали оттуда, через двери и окна, камни и другие предметы; Смоляков — будучи арестован на дворе по подозрению в буйстве, убежал от сопровождавших его конвойных, при чем, когда он убегал от последних через 9 и 10 роты экипажа, в помещениях этих рот были разбиты горевшие лампы; Стрельцов, пробегая по коридору в казарме 29 экипажа, умышленно разбил там лампу; Кучеренко, в самый разгар беспорядков на дворе, несмотря на сделанные распоряжения никого не выпускать из роты, бегал по казармам и кричал нижним чинам: „выходите на двор", все же прочие нижние чины, вышеименованные, буйствовали в общем скопище буянов на дворах и в казармах;

По 2-му пункту обвинялся Благодарев в том, что с той же целью противодействовать распоряжениям начальства, ходил днем 3 ноября 1904 гада по ротам своего экипажа и возбуждал нижних чинов, говоря им о том, что распоряжение о неувольнении со двора сделано, якобы, с целью притеснения, и вечером того же дня, когда скопище нижних чинов уже производило в дивизии беспорядки, он, Благодарев, проходя снова по ротам, подстрекал не принимавших участия в беспорядках, чтобы и они присоединились к буйствовавшим, с какой целью кричал в роте 10 запасным нижним чинам: „чего вы сидите, запасные, начинайте, мы вас ждем, и вы ждете нас";

По 3-му пункту — Залесский в том, что тогда же 3 ноября, во время беспорядков в дивизии, он ходил по роте

и подстрекал нижних чинов к продолжению бесчинства, уверяя, что армия не придет для подавления беспорядков. На следующий же день, 4 ноября, с той же целью возбуждения команды, говорил в казарме нижним чинам: „теперь мы так сделаем, выйдем с ружьями, возьмем патроны и пойдем в город духов бить (разумея под словом „духов“ офицеров);

По 4-му пункту — Меткович и Квятковский в том, что преследуя цель возбуждения команды Черноморской флотской дивизии, направленного к противодействию распоряжениям начальства и нарушению долга службы, они явились утром 5 ноября 1904 года в мастерские Севостопольского порта и подговаривали там рабочих присоединиться к нижним чинам, намеревавшимся продолжать беспорядки, начатые 3 ноября, при чем говорили рабочим: у нас все готово, теперь будет не то, что прежде, мы их лучше разделаем, у нас теперь пойдут в ход и пули и штыки [1]);

По 5-му пункту и сверх того — Елагин, Усков, Ковалев, Толачевский, Засульский, Шмидт и Шапошников в том, что 4 ноября 1904 года, после приказания начальства перебираться, в числе других 270 человек нижних чинов, на броненосец „Ростислав“, они не только сами отказались исполнить это приказание, но стали подговаривать и прочих нижних чинов не подчиняться означенному распоряжению, кричали им: „не ходи, никто не собирайся“, вследствие какового подстрекательства с их стороны, вся команда отказалась идти на корабль, и только после предупреждения дежурного по дивизии штабс-офицера, что неповинующиеся должны будут выполнить означенное распоряжение силою, команда отправилась на броненосец;

По 6-му пункту — Капралов, Вощенко, Дышловой, Мокрогуз, Алексеев, Погорельцев, Таркаев, Ивченко, Стрельцов, Бондарь, Сячинов, Гакланов, Остапенко и Кишавузов в том, что 4 того же ноября, будучи переведены в числе прочей команды, вследствие бывших накануне беспорядков в дивизии, на броненосец „Екатерина II“, они по предварительному между собой соглашению, во время обеда и ужина, стали настоятельно, с шумом и криками, требовать выдачи им вина и масла, хотя в то время еще не были зачислены на морское довольствие, каковыми криками увлекали в беспорядок и прочих нижних чинов, также принявшихся шуметь, вследствие чего вахтенный начальник вынужден был распорядиться о выдаче им к ужину масла;

---

[1]) Это обвинение (правильность которого невозможно проверить), если только оно не было выдумано, говорит о том, что среди взбунтовавшейся команды были лица, стремившиеся вывести движение за пределы чисто воинского, связать его с рабочим и, следовательно, придать ему политический характер. Наличность таких сознательных матросв совершенно вероятна, так как с.-д. вели работу во флоте еще с 1902 г.

По 7-му пункту — Попов в том, что того же 4 ноября, получив в роте от лейтенанта Алексеева приказание отправиться на броненосец „Екатерина II“, он отказался исполнить это приказание, заявив, что на броненосец не пойдет, после чего, когда было приказано отвести его на броненосец силою, он, Попов, противился приведению в исполнение этого приказания, отбиваясь от сопровождавших его конвойных, которые с большими усилиями доставили его по назначению; и еще в том, что тогда же, находясь в помещении роты, он, Попов, схватил из пирамиды казенную винтовку и умышленно сломал ее.

По 8-му — Бутков в том, что того же 4 ноября, получив от своего ротного командира лейтенанта Геринга приказание отправиться на броненосец „Три Святителя“, отказался исполнить это приказание, заявив, что на броненосец не пойдет, при чем, на повторенное ротным командиром приказание, снова ответил, что лучше пойдет в тюрьму, а на корабль не пойдет, вследствие чего и был тогда же арестован.

„Решением суда, по обвинению, предъявленному первым пунктом, признаны виновными: Кийченко, Сморчков, Дышловой, Худояров, Борщенко, Малаш, и Бондарь, другие же подсудимые по недоказанности обвинения, виновными не признаны; по деяниям, означенным в пунктах втором, третьем и четвертом, обвиняемые в них Благодарев, Залеский, Меткович и Квятковский признаны судом виновными, при чем легкомыслие и невежество, которыми воспользовались другие для вовлечения их в преступление, а для Квятковского и добровольное сознание, признаны уменьшающими их вину обстоятельствами; все обвиняемые по пятому пункту обвинения признаны виновными; в деянии, означенном в шестом пункте обвинения, признаны виновными: Капралов, Борщенко, Алексеев, Погорельцев, Таркаев, Стрельцов, Бондарь, Сячинов и Остапенко, при чем долговременная беспорочная служба последняго признана смягчающей следуемое ему наказание; Дышловой же, Мокрогуз, Ивченко, Бакланов и Кишавуз по недостаточности доказательств виновными не признаны; Попов признан виновным по седьмому пункту обвинения, но при этом суд признал, что он был пьян и, наконец, Бутков признан виновным в деянии, означенном в восьмом пункте обвинения, при чем отличный боевой подвиг признан уменьшающим его вину обстоятельством.“

Далее даются алфавитные выписки о подсудимых, из которых видно, что подавляющее большинство их уже подвергалось дисциплинарным взысканиям и некоторые по 3 — 5 раз. Это обилие матросов, подвергавшихся дисциплинарным

наказаниям, говорит само по себе о тяжелых условиях матросской службы и объясняет, какие причины питали ненависть к начальству и революционные настроения моряков.

Затем суд переходит к квалификации преступлений [1]).

Обращаясь к ответственности подсудимых по закону, Суд находит 1) что деяния, описанные в первых четырех пунктах обвинения, признаками своими подходят под понятие о явном восстании части Черноморской флотской дивизии, преступлении предусмотренном 109 ст. Военно-Морск. Устава о наказ. и влекущим за собою, на основании 74 ст. по приказу по морскому ведомству от 24 января 1904 г., № 13 и 112 ст. вышесказанного устава, для зачинщиков, подстрекателей и старших по званию ссылку в каторжные работы без срока, а для участников другие наказания, по усмотрению суда.

Деяния, означенные во втором, третьем и четвертом пунктах обвинения, составляют подстрекательство к явному восстанию.

2) Деяния, описанные в пятом и восьмом пунктах обвинения, составляют неповиновение и подстрекательство к нему (т. е. к восстанию) и на основании ст. по приказу 24 января 1904 года № 13, и т. д. должны влечь за собой отдачу в дисциплинарные баталионы от двух до трех лет. 3) Деяние, означенное в шестом пункте обвинения, подходит своими признаками под деяние, предусмотренное в 111 ст. Воен. Мор. Уст. о нак. и должно быть наказано отдачею в дисциплинарные баталионы на время от одного года до трех лет или одиночным заключением в военно-морской тюрьме от двух месяцев и двух недель до четырех месяцев. В виду большой важности возникших от этого дознания беспорядков, суд избирает признанным виновным по этому пункту, строжайшее из указанных наказаний.

По правилам о совокупности преступлений, в 152 ст. Уложения о Наказаниях указанным, Борщенко и Бондарь признаны виновными и каждый в двух преступлениях, а Худояров, приговоренный экипажным судом еще за два проступка, должны подвергнуться каждый одному, строжайшему из наложенных на него наказаний.

После всех этих мотивировок и оговорок следует, наконец, приговор.

По сим соображениям и принимая во внимание вошедший в законную силу, но не приведенный в исполнение приговор экипажного суда, от 11 января 1905 г., по делу Худоярова, суд приговорил: 1) минного квартирмейстера

---

[1]) Документ приведен с сокращениями.

Гавриила Залесского, минера Павла Люткевича и матросов: Порфирия Благодарева и Флора Квятковского за подстрекательство к явному восстанию, а матросов: Даниила Кийченко, Алексея Сморчкова, Василия Дышлового, Савву Худоярова, Сергея Борщенко, Фоку Малаша, Моисея Случайного и Савву Бондаря, за участие в явном восстании, исключить из службы с лишением воинского звания, первых пятерых лишить всех прав состояния и сослать в каторжные работы: Залесского на пятнадцать лет. Люткевича и Благодарева на тринадцать лет, Квятковского на двенадцать лет, а Кийченко на четыре года, остальных же участников лишить всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, и отдать в исправительные арестанские отделения: Сморчкова, Борщенко и Бондаря на пять лет каждого, Дышлового и Худоярова на четыре года каждого и Малаша, Случайного на три года каждого: и 2) матросов: Терентия Елагина, Андрея Жукова, Константина Засульского, Михаила Шмидта, Ивана Ковалева, Степана Топачевского и комендора Шапошникова за неповиновение и подстрекательство к нему, кочегаров Иосифа Стрельцова, Петра Сячинова, матросов: Алексея Капралова, Ивана Погорельцева, Федора Алексеева и Николая Тарнаева и гальванера Ивана Остапенко за соглашение с целью противодействовать распоряжениям начальства, матроса Попова за сопротивление исполнению распоряжений начальства и комендора Александра Буткова за неповиновение, лишить некоторых особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, перевести в разряд штрафованных и отдать в дисциплинарный баталион: Елагина, Жукова. Засульского, Шмидта, Капралова и Попова на три года каждого, Ковалева, Топачевского, Шапошникова, Стрельцова, Остапенко, Погорельцева, Алексеева и Тарнаева, каждого на 2 г. и 6 мес. и комендора Буткова на 1 год.

Суд позаботился и о возмещении убытков казне:

Кроме вышесказанного, наказания на Борщенко и Бондаря наложены по совокупности и за участие их в соглашении с целью противодействовать распоряжениям начальства, а на Худоярова за дурное поведение и первое промотание вещей казенного обмундирования; посему убытки, понесенные казною от этого последнего преступления, в размере 31 рубля 34 коп., взыскать из собственности подсудимого, согласно 61 — 64 ст. кн. VII Св. Морск. Уст.

Оправданными полностью и по отдельным ст. оказались: Смоляков, кочегар Стрельцов, сигнальщик Кучеренко, кочегар Лавриенко, машинист Ивченко, рулевой Остапенко, матросы, Мокрогуз, Капралов, Погорельцов, Алексеев, Тарнаев:

Попов, кочегар Сячинов и Баланов, гальванер Кишавузов, матросы: Елагин, Жуков, Засульский, Шмидт, Ковалев, Топочевский, Шапошников и комендор Бутков по обвинению в участии в явном восстании части нижних чинов Черноморской флотской дивизии 3 ноября 1904 года, а матросы: Дышловой, Мокрогуз, машинист Ивченко, кочегар Бакланов, гальванер Кишавузов — по обвинению в соглашении с целью противодействовать распоряжениям начальства. 35 матросов, отправившиеся в дисциплинарный батальон и на каторгу, были хороши „на почин", вслед за ними вскоре пошли еще многие и многие „нижние чины" Черноморского флота — потемкинцы, „прутовцы", очаковцы...

Бунт 3-4 ноября открыл революционную главу в истории Черноморских моряков.

Июньские дни в Одессе.

Из приводимых здесь материалов о революционных событиях в Одессе в июне 1905 г. первый документ — письмо Мохова, освещает внутреннее состояние соц.-дем. организаций Одессы во время пребывания там „Потемкина“, второй документ — показания нач. одесского охр. отд. дает охранное освещение событий и действовавших лиц: такого же типа и „записка“ прокурора окр. суда. Наконец, показания командующего войсками Коханова и градоначальника Нейдгарта дает хронологическое полицейское описание „происшествий“ в бурные Потемкинские дни.

ПИСЬМО МОХОВА О СОСТОЯНИИ ОДЕССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ [1]).

Деятельность революционных организаций гор. Одессы в потемкинские дни освещается неизданным письмом, которое есть одно из тех, что попали в руки жандармов путем перлюстрации [2]). Оно было писано в Киев И. К. Палашеку, б. студенту Московского Технического Училища, входившему в сношения с местными партийными комитетами партий с.-д. и с.-р. Письмо написано химически и исходило от члена комитета с.-д.

---

[1]) Письмо Мохова имеет большую ценность, так как оно дает некоторое представление о той неразберихе, которая творилась в Одесской организации в Потемкинские дни и которая, несомненно, была одной из причин неудачи Потемкинского восстания.

Если бы Одесский комитет большевиков сразу установил организационную связь с восставшим броненосцем, принял бы меры к координации выступлений на суше и на море, дал бы потемкинцам определенные директивы относительно десанта и бомбардировки города, исход восстания мог бы быть совсем иной.

Но Мохов все-же преувеличивает ответственность партийной организации и что-то путает, говоря, что Бунд и Всеобщий Раб. союз матросов (о таком союзе, нигде ни в вспоминаниях, ни в документах эпохи не упоминается) предлагали бомбардировать город

Химический текст

„Товарищи! Вы знаете, что два броненосца одно время предлагали свои услуги социал-демократам. Социал-демократические организации Одессы не могли использовать в интересах революции этот небывалый в истории случай. Как это произошло? А вот как. Одесский комитет последнее время переживал тяжелые времена. Общественная секция оставила его без денег. У него провалилась техника. Провалились лучше заводские организации по Дальнику. В самом комитете появились партии левая и примиренческая. Да будет последняя проклята. Представителем последней являлся товарищ, котораго вы хвалили (маленький, черненький). Он оказался проклятьем нашего города. Он мнит себя выше всех, никому не доверяет, везде сует нос и в результате только портит. Его возненавидели все рабочие. Он не имел полномочий, когда узнал о броненосце, побежал к меньшевикам и „Бунду". Собрал собственной инициативой объединенную комиссию трех организаций. Послал на броненосец самого непопулярного и самого неспособного товарища из комитета лишь потому, что он примеринец [3]). Соединенная комиссия совершила непростительную ошибку, решив управлять действиями броненосца с берега. В первый день она потратила 6 часов дорогого времени, как назвать ее. Бунд и Всеобщий Рабочий Союз матросни в первый день предлагали бомбардировать город и затем высадить десант. Представители организации выразились против бомбардировки, находя это жестоким. Тогда матросы

и высадить десант, а представители парторганизаций, входившие в объединенную комиссию, отказались от бомбардировки, став на защиту „аристократических приморских кварталов".

Трудно предложить, чтобы большевики, входившие в упомянутую комиссию, оказались более „мягкотелыми", чем меньшевики Кирилл и Фельдман, настаивавшие, как известно, на бомбардировке. Дело было, очевидно, не в желании или нежелании большевистского комитета, а в его слабости, в его неспособности взять в свои руки руководство.

[2]) Дело Южного (Одесского) охранного отделения 1905 г. № 180 „О взбунтовавшейся команде матросов на броненосце „Князь Потемкин Таврический".

[3]) От большевиков был на „Потемкине" „Афанасий" — Плесков.

отказались, и вполне разумно, высадиться до прихода остальной эскадры. Затем 2 — 3 дня комиссия и представители мямлили из гуманных соображений, они выпустили офицеров на берег. Собрание все это время примиренцем систематически срывалось: собрались лишь тогда, когда броненосец отошел, а другой сдался. Рабочие Одессы, как манны небесной, ждали бомбардировки, а социал-демократы вместе с буржуями высказывались против бомбардировки аристократических приморских кварталов. Тепер настанет реакция, ибо, видно, организации слабы. О, теперь труднее будет прогнать этих интеллигентов-примиренцев, предавших рабочих. Мне нужно уехать. Ну ее к чорту, эту Одессу. Мохов".

Дата на письме — 24 июня 1905 года.

ВЫПИСКА ИЗ ПОКАЗАНИЯ НАЧАЛЬНИКА ОДЕССКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ.

О революционных организациях.

По имеющимся у меня сведениям в Одессе существуют:

1) „Одесский комитет партии социалистов-революционеров, с его боевой рабочей дружиной".

2) „Одесская группа анархистов-коммунистов".

3) „Одесский социал-демократический комитет Бунда".

4) Одесский комитет рос. соц.-дем. рабочей партии; (фракция большинства).

5) Одесская группа при центральном комитете российской социал-демократической рабочей партии (фракция меньшинства).

Существование этих организаций устанавливается, между прочим, систематическим выпуском различных революционных изданий от их имени, печатаемых в их подпольных типографиях, при чем на всех таковых изданиях обыкновенно имеется печать соответствующей организации. Каждая организация насчитывает в своем составе значительное число лиц, постепенно увеличивающееся, при чем во главе организации стоят вышеназванные комитеты, в состав которых входит лишь несколько человек, преимущественно интеллигентов. Задача отделения сводится к пресечению деятельности этих организаций, из состава которых, по мере обследования, выводятся наиболее активные деятели, почему

и не представляется возможным указать на личный состав комитетов, которые, за арестом одних лиц, пополняются другими. Наиболее успешна была борьба с комитетом социалистов-революционеров и группою анархистов-коммунистов, из коих первый расстроен в значительной степени, а последний совершенно приостановил всякую активную деятельность, при чем арестованные в апреле месяце сего года главные представители группы, в числе 16 лиц, вместе с мастерскою, в которой ими изготовлялся ряд разрывных снарядов, были привлечены к дознанию при жандармском управлении гор. Одессы.., по окончании предположено к разбирательству в военно-окружном суде.

Со 2 мая сего года в городе Одессе началась частичная забастовка на местных фабриках, заводах и мастерских, которая в первое время поддерживалась местными социал-демократическими организациями, посылавшими на заводы своих ораторов, снабжавшими не работавших денежными средствами и принимавшими меры к прекращению работ на всех заводах.

Меры эти успеха не имели, материальные средства иссякали, фабриканты делали рабочим некоторые уступки в предъявленных ими требованиях, и в конце мая и в первых числах июня не работало около 10 заводов, насчитывавших у себя до 2.000 рабочих. Означенные заводы имели своих выборных рабочих, на обязанности которых лежало отстаивание их интересов.

Нежелание владельцев этих заводов удовлетворить требования рабочих — с одной стороны — и нежелание самих рабочих идти на уступки, с другой, усилило агитацию выборных, которые стали помышлять о всеобщей забастовке. На собраниях рабочих, происходивших почти ежедневно у завода Гена под руководством выборного от рабочих этого завода Ивана Семеновича Алексеева, проводилась та мысль, что некоторые фабрики и заводы удовлетворили требования своих рабочих лишь для того, чтобы разбить их силы и этим принудить рабочих упорствующих заводов принять прежние условия хозяев; когда же рабочие успокоятся и станут все на работу, владельцы заводов первой категории постараются вновь установить для рабочих

прежние условия; таким образом, рабочие, якобы, вводятся в обман. На собрании в числе 33 человек [1]), бывшем 8 июня на Пересыпи у дока за заводом Гена, на котором, главным образом, агитировал Алексеев, было окончательно решено добиться всеобщей забастовки и принять меры к вооружению рабочих на случай неизбежного столкновения с полицией и войсками, так как мирным путем рабочим не добиться удовлетворения своих требований. В дальнейшем выборные решили за руководством и оружием обратиться к местным революционным организациям и с этой целью устроили собрание 10 июня, на которое был приглашен член местной группы при Центральном Комитете [2]), аптекарский помощник, Илья Львович Левин. Высказавшись за всеобщую забастовку, они просили Левина снабдить рабочих оружием, на что он ответил, что рабочим нужно вооружаться самим и за свой счет, в виду чего от руководительства этой группы они отказались. 11 июня трое выборных, в том числе Алексеев, имели конспиративное совещание с членом местного комитета партии социалистов-революционеров, известным в организации под именем „Андрея Юрьевича“, который им передал, что „Комитет“ соглашается снабдить рабочих револьверами и разрывными снарядами. Вечером этого же дня состоялась сходка выборных и рабочих на Пересыпи, близ Жеваховой горы, где были переданы результаты совещания с Левиным и „Андреем Юрьевичем“. На этой сходке было решено принять руководительство местного комитета партии социалистов - революционеров, при чем для окончательного решения и согласования действий назначено было еще одно собрание выборных, с участием члена комитета — „Андрея Юрьевича“, на той же Жеваховой горе в 5 часов дня 12 июня. Заблаговременно высланный для задержания этого собрания, в видах предотвращения всеобщей забастовки наряд полиции был замечен собравшимися рабочими, которые перенесли место сходки на берег моря, вблизи дачи Хайладжогло по Французскому бульвару, где и были задержаны

[1]) Выборных, что видно из дальнейшего, а также согласуется со сводками, посылавшимися в департамент полиции.

[2]) Фракции меньшевиков.

32 человека и в том числе вышеназванные Левин и „Андрей Юрьевич“ [1]). На утро 13 июня у завода Гена собралась обычная толпа рабочих для обсуждения дальнейшего образа действий в виду арестования накануне выборных; так как толпа держала себя вызывающе, на требование разойтись отказалась и даже оказала вооруженное сопротивление, то для рассеивания ее были произведены три залпа, коими убиты два рабочих и ранен один. Это несомненно раздразнило рабочую массу и послужило главным поводом к постепенному оставлению на заводах работ и к дальнейшим событиям. Вечером 13 июня по агентурным данным стало известно, что 14 числа предполагается произвести в городе большие беспорядки и оказать вооруженное сопротивление полиции и войскам, для чего местный комитет социал-революционеров решил снабдить членов боевой рабочей дружины комитета и других активных деятелей означенной организации револьверами и разрывными снарядами, за которыми он обратился к служившему в чайной торговле Высоцкого Льву Фрейфельду, как представителю партии,

---

[1]) Сопоставляя это показание об аресте „выборных“ от рабочих со списком арестованных на сходке 12 июня и затем в июле административно высланных из Одессы (дело Одесск. жандармского управления 1905 г., № 15, т. I, лист. 179 и далее) можно установить и фамилии выборных, которых нет в показании начальника охранки.

Список, выборных от рабочих, арестованных на сходке 12 июня 1905 г., по делу № 15 т. I, устанавливается такой: 1) Левин И. Л. (от группы меньшевиков); 2) Стоян П. Е. — студент университета. 15 июня выслан в Пермскую губернию за руководство сходкой 12 июня и принадлежность к комитету соц.-р.; 3) Нахманберг Ефим — впоследствии в ноябре член Совета Рабочих Депутатов; 4) Альтшулер А.; 5) Зайцик С. Д.; 6) Батха Иосиф, потом в ноябре тов. председателя исполкома Совета Раб. Депутатов; 7) Соколаченко М. Н. — крестьянин; 8) Бойко А. А. — выборный жел.-дорожных мастерских, потом член Сов. Раб. Депутатов; 9) Дубинский Г. М. — потом в ноябре член Совета Раб. Депут; 10) Беззубов Н. С.; 11) Купельман А. К.; 12) Коваленко Я. Т. — потом член Совета Раб. Депутатов; 13) Павлов И. П.; 14) Вербицкий М. Б.; 15) Горобец Н. П.; 16) Ханский С. И.; 17) Хаймович Э. Л.; 18) Гольдин С. З.; 19) Коган М. Ф.; 20) Поповиченко Г. М.; 21) Хаймович А. С.— в ноябре член исполкома Совета Раб. Деп.; 22) Монин А. С.; 23) Рабинович З. Г.; 24) Фридман Е. Д.; 25) Космачевский Е. И.; 26) Чекарев И. М.; 27) Рогаш Р.; 28) Романовский Н. Я. — потом в ноябре член Совета Раб. Деп.

в распоряжении которого находилась мастерская для изготовления этих снарядов. Последняя помещалась на даче М. С. Ламе, прибывшего в первых числах мая в Одессу из Женевы, где он вращался в среде русских эмигрантов соц.-револ. и изучал изготовление разрывных снарядов [1])...

На следующий день, т. е. 15 июня, в разъезд казаков на Екатерининской площади была брошена бомба,... а от имени боевой дружины появилось затем „Извещение", в котором сообщалось, что брошенные членами ее бомбы на Соборной площади и Екатерининской улице были употреблены лишь для самозащиты, т. к. достижение намеченной цели оказалось по непредвиденным обстоятельствам невозможно.

14 июня толпа, численностью до 1500 человек сгруппировалась в 12 часов дня около здания Лионского Кредита, в котором разбила одно большое оконное стекло, после чего была рассеяна, при чем оказавший содействие полиции вольноопределяющийся Самарин ранен в голову и в него произведено 2 выстрела членом боевой дружины Столяром (Столярский). Те же агентурные сведения указывают, что утром 15 июня Столярский, находясь в толпе в порту у трупа, свезенного на берег с броненосца „Потемкин" матроса Вакуленчука, несколькими выстрелами из револьвера убил находившегося в толпе переодетого в статское платье, стражника Глотова, который выражал порицание, говорившим противоправительственные речи.

14 июня служащие в городских больницах, ходатайствуя об освобождении трех своих выборных, арестованных на сходке у дачи Хадлагжогло 12 июня, заявили, что если это ходатайство не будет удовлетворено, то они прекратят работу; требование служащих поддерживали городские врачи, объяснившие, что, в случае отсутствия ухода за больными, они считают подачу медицинской помощи невозможной. Ходатайство это было удовлетворено.

На рассвете 15 июня с броненосца „Потемкин" был спущен труп матроса Вакуленчука, помещенный на Новом моле. Весть об этом быстро разнеслась по городу, и в порт устремились многие забастовавшие рабочие и большое

[1]) Далее изложена история изготовления снарядов.

количество публики и, таким образом, беспорядки, почти прекратившиеся в городе, перешли на территорию порта, куда направились также местные революционные элементы, главным образом, представители социал-демократических организаций.

Пользуясь свободным пребыванием в порту, многие устремились на броненосец, при чем из числа бывших на нем отдельно известен крестьянин Прокофьев. Из числа же оставшихся на броненосце известны были Константин Фельдман и некто „Кирилл", известный социал-демократической организации под кличкой „Рыжий". Утром 16 июня с броненосца были спущены на берег 9 офицеров, из коих капитан Гурин объяснил мне, что ему удалось видеть, что на броненосец действительно приезжало много публики, в большинстве любопытствующей, которая вскоре оставляла броненосец и возвращалась в порт. Что же касается оставшихся на броненосце — Фельдмана, задержанного в Феодосии, и „Кирилла", высадившегося в Румынии, — то, по имеющимся у меня сведениям, они состояли в роли советчиков при комиссии, состоявшей из 30—40 человек выбранных матросов под председательством известного Матюшенко, в заседаниях которой говорили речи, обрисовывающие положение России. Фельдман настаивал на предъявлении командующему войсками округа требования экипажа о прекращении войны, созыве народных представителей, освобождении в Одессе всех политических арестованных и прекращении стрельбы в городе; он убеждал матросов, что войска Одесского гарнизона готовы примкнуть к ним, и необходимо лишь дать толчок, для чего он и советовал стрелять в город. Комиссиею были изданы воззвания: „От команды броненосца „Князь Потемкин-Таврический", отпечатанное в типографии одесской группы социал-демократов и получившее распространение в городе Одессе, „Ко всему цивилизованному миру" и „К державам", при чем содержание двух последних отделению не известно, и в городе они не появлялись. Кроме того, обращает на себя внимание то обстоятельство, что во второй половине мая в Одессе было отпечатано воззвание от имени „Группы офицеров военной организации политического переворота", распространившееся, как в Одессе, так и в Севастополе, откуда

оно присылалось сюда по почте. Копия этого воззвания при сем прилагается.

ВЫПИСКА ИЗ ЗАПИСКИ ПРОКУРОРА ОДЕССКОГО ОКРУЖНОГО СУДА О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ОДЕССЕ.

Записка, поданная 11 июля 1905 года прокурором Одесского Окружного Суда генерал-адъютанту графу Игнатьеву, носит название: „Краткие заметки о революционном движении в гор. Одессе“ [1]).

Вот ее существенная часть:

„В городе Одессе с давнего времени наблюдается революционное движение, при чем, бесспорно, деятельность агитаторов усиленно направляется на рабочую среду, а в последнее время и на войска, особенно если судить по значительному количеству прокламаций, разбрасываемых возле казарм.

„В июле 1903 года в Одессе была устроена всеобщая забастовка рабочих, при чем забастовщики силою удаляли рабочих из разных заводов, мастерских и прислугу ресторанов. Число забастовавших определялось, приблизительно, в 30 тысяч человек. Первоначально казалось, что забастовка происходит на экономической почве, но тотчас же стало очевидно, что к ней примкнули революционные элементы, так как движение сопровождалось политическими демонстрациями... Затем революционное движение делается все более и более интенсивным, агитаторы делаются смелыми“...

Далее записка перечисляет ряд революционных фактов:

1) 30 апреля 1904 года в Одессе арестовано две тайных типографии.

2) 13 апреля 1904 года арестована группа „непримиримых“, имеющая своей целью добывание материальных средств.

3) 9 сентября 1904 года покушение на одесского градоначальника Нейдгарта выстрелом из револьвера.

4) 25 сентября 1904 года убит филер охранного отделения.

5) 4 октября 1904 г. оказано вооруженное сопротивление полиции и ранен околодочный надзиратель.

6) 15... 1904 года арестована тайная типография (записка называет ее „обширная“).

---

[1]) Производство прокурора Одес. Окр. Суда 1905 г. № 104.

7) 19 января 1905 года покушение на одесского полицеймейстера выстрелом из револьвера.

8) 17 января 1905 года арестована тайная типография,

9) 31 января 1905 года арестована группа анархистов-коммунистов.

10) 3 марта 1905 года арестована тайная типография[1]).

11) 31 марта 1905 года покушение на пристава полиции.

12) 20 апреля 1905 года на квартире студента Гологорского обнаружены 2 разрывных бомбы.

13) 21 апреля 1905 года арестована тайная типография.

14) 15 мая 1905 года арестован кружок еврейской самообороны, при чем задержан склад револьверов.

15) 4 июня 1905 года обнаружено покушение на взрыв внешней ограды тюрьмы.

16) 12 июня 1905 г. неудавшееся покушение на пристава.

17) 14 июня 1905 года взрывом брошенной бомбы убит городовой на Соборной площади.

18) 16 июня 1905 г. таким же взрывом ранено 7 казаков и 2 околоточных надзирателя.

„В заключение надлежит заметить, — говорит записка, — что Одесса наводняется революционными прокламациями, которые разбрасываются по улицам города в огромном количестве и при том весьма часто.

„Агитаторы нередко устраивают разного рода политические демонстрации при всяком удобном случае, например, на публичных лекциях, на заседаниях ученых обществ, на публичных юбилейных обедах, даже на университетских диспутах и т. д. При этом обыкновенно возле подлежащего здания заранее собирается толпа, из чего можно заключить, что все это имеет характер организации".

ВЫПИСКА ИЗ ПОКАЗАНИЯ ГЕНЕРАЛА КОХАНОВА, КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ[2]).

События 15 июня.

Беспорядки в городе и народные волнения в дни, предшествовавшие 15 июня, усиливались изо дня в день, с особой

[1]) В записке пропущен арест типографии соц.-демократов меньшевиков 17 февраля 1905 года.

[2]) Следствие Головни, т. I.

дерзостью проявились 14 июня, когда они перенесены были в центр города и сопровождались стрельбою из револьверов, устройством баррикад и воспрепятствованием движению конки. Все это заставляло предполагать, что 15 июня беспорядки проявятся еще с большей силой и заставят вызвать из лагеря все войска, там расположенные.

Действительно, в 7 часов утра я получил от градоначальника записку, помеченную 6 ч. утра 15 июня, в которой он просил меня сделать распоряжение о вызове всех войск одесского гарнизона; тотчас же мною сделаны соответствующие распоряжения.

В 8 часов утра ко мне прибыл полицейский чиновник и от имени градоначальника доложил, что в 6 часов утра с борта броненосца „Потемкин", прибывшего на Одесский рейд накануне вечером, выгружен на мол труп матроса, на груди которого приколота записка, гласившая, что матрос этот убит старшим офицером невинно; этот чиновник доложил, что с броненосца воспрепятствовали полиции убрать труп, что все офицеры на нем перебиты и что вслед за броненосцем „Потемкин" идет весь Черноморский флот и что броненосец будет бомбардировать город, если со стороны полиции и войска проявятся попытки убрать труп.

В $9^1/_4$ час. утра прибыл ко мне градоначальник и, повторив все то, что мне было уже известно, добавил, что на борт броненосца отправилось несколько революционеров из Одессы, в числе которых имеются прибывшие из-за границы и что в порту произносятся революционные речи; затем объявил, что, при таких обстоятельствах, гражданские власти бессильны водворить порядок и что он передает все дальнейшие распоряжения военному начальству.

По получении такого заявления, я, имея в виду, что все особенно неблагонадежные элементы населения города находятся в порту, решил уединить происходящие в нем беспорядки и не дать им распространиться на город, а вместе с тем не давать броненосцу повода бомбардировать его. Это было единственное решение, отвечающее обстановке, так как с началом бомбардирования города, беспорядки неминуемо распространились бы по всему городу и порту, и город все равно пострадал бы вместе с ними. Поэтому я приказал вывести полицию и войска из порта, а войскам

занять все выходы из него, не пропуская никого из порта в город и из города в порт.

Вместе с тем я приказал вызвать из Тирасполя 15-ю артиллерийскую бригаду, из Белец — Вознесенский драгунский полк, из Бендер — Ларго-Кагульский, Ставучанский и Хотинский пехотные полки и из Екатеринослава — Симферопольский пехотный полк.

Войска прибыли из лагеря в первом часу дня, новые же места, согласно моему приказанию, войска эти заняли к четырем часам дня.

Около 9½ часов, вечера в казаков, стоявших около памятника Екатерины были брошены две бомбы, которыми ранено 6 казаков и 8 лошадей, затем около 11 часов вечера начались в разных местах напоры толпы на войска, как со стороны города, так и со стороны порта, сопровождавшиеся выстрелами из револьверов; все эти напоры встречались войсками залпами, после которых толпы рассеивались; из окон соседнего со дворцом дома производилась мятежниками стрельба из револьверов по заднему двору дворца, на котором была расположена полусотня казаков. Залпы и одиночная стрельба продолжались до четырех часов утра, когда наступила тишина, изредка прерываемая одиночными выстрелами до шести часов утра. В час ночи была получена телеграмма министра внутренних дел о введении военного положения в г. Одессе и Одесском уезде.

16 июня.

Рано утром была получена телеграмма штаба флота, что эскадра прибудет в Одессу в этот же день, в 3½ часа. В 9 — 9½ часов утра явилась с броненосца „Князь Потемкин“ депутация матросов, с игуменом Парменом во главе, с просьбой разрешить похоронить убитого матроса; разрешение было дано, и похороны состоялись в 4 часа дня при участии портового священника и 12 матросов с броненосца. Похороны прошли тихо, и все ограничилось речами на кладбище нескольких революционеров. В 11 часов утра явились 9 офицеров, отпущенных с броненосца „Кн. Потемкин“ и с миноносца № 267. Я выслушал доклады о случившемся на броненосце. Кроме того, все офицеры единогласно заявили, что накануне в 5 часов дня все было готово

к бомбардированию города. Среди агитаторов из города особенно выдавался один с рыжей бородой, который говорил очень увлекательно и своими речами производил сильное впечатление на значительную часть команды... Равновесие среди команды броненосца было весьма неустойчивое, и достаточно было какого-либо самого незначительного повода, чтобы заправилы окончательно взяли верх и стали действовать по-своему, т. е. громить все и всюду.

Около 7 часов вечера с броненосца было произведено пять выстрелов: три холостых и два боевых, из орудия 6-дюймового калибра, при чем снаряды боевых выстрелов летели по направлению от броненосца через дворец и собор, а затем оба упали в черте города.

Случилось так, что в это самое время возвращались матросы с похорон; трое из них прямо с кладбища сами прибежали сдаться, а по остальным был произведен залп одною из рот, при чем два были убиты, два задержаны, а остальные успели спастись, сев на шлюпку.

В 9 часов вечера явилась новая депутация от матросов с судовым флагом, при чем заявила требование, чтобы для переговоров прибыли на броненосец командующий войсками, градоначальник и городской голова.

Эскадра должна была прибыть в Одессу в $3^1/_2$ часа дня. Она в этот день не прибыла, и о ней не имелось никаких сведений до 11 часов вечера, когда совершенно случайно стало мне известно, что она стоит у Тендры и, занимаясь ни к чему не ведущими запросами, упускает самое благоприятное для нас ночное время.

В этот день, поздно вечером, стали прибывать вызванные из других пунктов войска, которые начали сменять войска одесского гарнизона; прибывшая батарея 15 артиллерийской бригады заняла позицию на Ланжероне под прикрытием двух рот.

17 июня.

В $8^1/_2$ часов утра появилась у Большого Фонтана эскадра адмирала Вишневецкого с Тендры, а в $12^1/_2$ часов дня прибыла и эскадра адм. Кригера. Эскадры эти, соединившись, направились к Одесскому рейду и, когда они были

на высоте мола, к ним навстречу пошел полным ходом броненосец „Потемкин"; пройдя версты две, броненосец этот остановился, а суда обеих эскадр начали окружать его с двух сторон. Вслед за тем начались непонятные эволюции судов эскадры, суда эти, в конце концов, начали удаляться от Одессы, оставив один из своих броненосцев при броненосце „Кн. Потемкин". Все эти события оставались непонятными для наблюдавших с берега... Дело разъяснилось только поздно вечером, когда от казачьей сотни, стоявшей у Дофиновки, было получено донесение, что взбунтовался и броненосец „Георгий Победоносец", команда котораго высадила на берег всех своих офицеров.

В течение 16 и 17 июня посещали меня консулы Франции, Германии, Англии, Австрии и Италии, которые высказывали опасения за безопасность, как своих консульств, так и подданных держав, представителями коих они состояли, а также требовали разных разъяснений. Консулам я объявил, чтобы они за разъяснениями обращались к агенту министерства иностранных дел Юреневу, которому я буду сообщать о положении дел в Одессе; для охраны же консульств назначается по 2 пехотинца к каждому из состоящих в Одессе 18 консульств.

Когда вечером выяснилось, что команда броненосца „Георгий Победоносец" также взбунтовалась, а эскадра возвратилась в Севастополь не только не усмирив команду броненосца „Потемкин", но усилив последний еще одним броненосцем, то пришлось уже в дальнейших действиях не рассчитывать на помощь морского ведомства, а бороться с двумя броненосцами исключительно своими средствами, вследствие этого мною приказано было вызвать из лагеря II саперный батальон для постройки батареи на Жеваховой горе для восьми — девяти дюймовых мортир; начальник склада крепостного имущества в г. Одессе приказал вооружить эту батарею имевшимися в складе орудиями, вытребовав к этим орудиям снаряды из Очакова; вызвал из той же крепости командира минной роты для разъяснения вопроса о возможности имеющимися в Очакове подрывными средствами взорвать бунтующие броненосцы и, наконец, телеграммой военному министру просилось о доставлении дальнобойных орудий из внутренних складов.

18 июня.

В 10 часов утра явилась депутация с броненосца „Кн. Потемкин“ с просьбой пропустить матросов в город за покупкой перевязочных средств и лекарств для больных, а также провизии для команды броненосца. Мной воспрещен пропуск матросов в город и отказано в приобретении припасов для команды; что же касается перевязочных средств и лекарств для больных, то сделано было распоряжение о доставлении этих предметов в порт и о выдаче их там матросам[1]).

Около 12 часов дня явилась другая депутация с требованием освободить арестованных матросов и доставить припасы, в случае неисполнения этих требований, угрожала начать бомбардирование города в 9 часов вечера.

В 4 часа дня, неожиданно для всех, броненосец „Георгий Победоносец“, отделившись от броненосца „Кн. Потемкин“, начал медленно входить в порт. Этот вход могли на берегу объяснить единственно приготовлением к обещанному бомбардированию города и началом каких-либо иных враждебных со стороны броненосцев действий; поэтому войска на берегу были усилены, а с Ланжерона вызвана одна батарея 15-й артиллерийской бригады и поставлена около здания думы.

Через полчаса прибыл градоначальник и заявил, что броненосец этот сдается, что о сдаче объявил боцман, начальствующий над броненосцем и привезший его знамя, а также артиллерийский кондуктор, и что, по заявлении этих лиц, необходимо послать на броненосец две роты для занятия его. Когда же явился ко мне боцман и представил знамя, то оказалось не совсем то; боцман утверждал, что поставил броненосец на мель, тогда как, видимо, броненосец на мели не стоял; затем, что он тайком от команды вывез знамя, что команде ничего неизвестно о его предложении сдачи и что, по его мнению, с появлением двух рот благонадежная часть команды возьмет перевес и броненосец сдастся. Для разъяснения дела я предложил ген. Карангозову подъехать на паровом катере к броненосцу и переговорить

[1]) В показании вр. ген-губернатора Карангозова добавлено: „и некоторую часть провизии, необходимую больным: молоко, яйца, вино и проч.“

с матросами, уяснить насколько они податливы до сдачи. Вскоре по входе броненосца „Георгий Победоносец“ в порт, броненосец „Потемкин“ быстро отошел с рейда в море и остановился у Малого Фонтана; за этим последним броненосцем пошел и английский пароход „Кранлей“, который все время стоял на рейде у броненосца.

О всех событиях телеграфировано в Петербург и Севастополь.

В городе весь день было спокойно.

19 июня.

Утром броненосца „Потемкин“ в виду Одессы не оказалось. Вследствие этого сделано распоряжение о наблюдении за всем побережьем округа и о недопущении команды броненосца сходить на берег и запасаться продовольствием.

20 июня.

Команда броненосца „Георгий Победоносец“ выдала 67 зачинщиков. Выданные были свезены на берег и арестованы.

Вследствии дошедших до меня слухов о том, что броненосец „Потемкин“ направился к румынским берегам, я телеграфировал нашему консулу в Констанце о том, чтобы этому броненосцу не давали провизии, воды и угля, а также просил его предупредить о том же других русских консулов.

21 июня.

В 4 часа 25 минут получена была от нашего военного агента в Румынии и от вице-консула из Констанцы телеграмма с извещением о прибытии 19 июня в 5 часов дня в Констанцу броненосца „Кн. Потемкин“, который, не приняв условий румынского правительства, ушел на восток. Об этом телеграммой сообщено командиру Черноморского флота: телеграммами же повторено (приказание) командиру 7-го корпуса (Крым) и комендантам всех трех крепостей (Севастополь, Очаков, Керчь) о недопуске команды броненосца запасаться на берегу провизией, водой и углем, а также об арестовании всех съезжающих с него на берег,

Получено было разрешение военного министра воспользоваться орудиями крепостей округа для усиления береговой обороны Одессы; вследствие этого сделано распоряжение

о подготовке к отправлению в Одессу 28 орудий из Очакова и Керчи.

22 июня.

В 11 часов утра получена была телеграмма от начальника гарнизона города Феодосии, извещавшая о прибытии в Феодосию броненосца „Потемкин". Так как вместе с тем он доносил, что в виду настроения жителей, имеющихся в Феодосии войск недостаточно, то я сделал распоряжение об отправлении туда двух батальонов Бердянского полка из Екатеринослава. В 12 часов дня на Одесский рейд прибыла эскадра Кригера, состоявшая из двух броненосцев и шести миноносок, для отвода броненосца „Георгий Победоносец" в Севастополь. Около трех часов дня эскадра, вместе с броненосцем „Георгий Победоносец", отбыла в Севастополь,

По моей просьбе Кригер оставил в Одессе две миноноски №№ 272 и 273 для действия против броненосца „Кн. Потемкин", если бы последний снова появился на Одесском рейде. Так как миноноски эти могли действовать с успехом только в ночное время, а при появлении броненосца днем, были бы им неминуемо уничтожены, то мною было им приказано уйти в Очаков под охрану крепости и прибыть в Одессу в первую же ночь по получении о том моего приказания по телеграфу.

23 июня.

В 11 часов вечера получена была из Феодосии телеграмма начальника гарнизона о стрельбе по пытавшимся высадиться на берег матросам броненосца „Кн. Потемкин" и об уходе последнего по направлению на Севастополь.

25 июня.

Утром получено было по телеграфу из Констанцы донесение нашего военного агента и консула о прибытии туда в полночь броненосца „Потемкин", а затем и о согласии его сдаться румынским властям. Об этом мною было телеграфировано командиру Черноморского флота, который в тот же день уведомил меня о посылке в Констанцу эскадры адмирала Писаревского и просил направить туда миноноски №№ 272 и 273, что мною и было исполнено.

26 июня.

Утром была получена телеграмма из Констанцы от военного агента Занкевича с уведомлением о сдаче 25 июня броненосца „Потемкин“ румынским властям, при чем команда броненосца спущена на берег и отпущена на свободу, а миноносец № 267 не пожелал сдаться и ушел в Севастополь. В 8 часов вечера получена вторая телеграмма от Занкевича, которой он сообщал о прибытии в 11 часов утра этого дня в Констанцу эскадры Писаревского, которому и сдан был броненосец „Потемкин“.

ВЫПИСКА ИЗ ПОКАЗАНИЯ ГРАДОНАЧАЛЬНИКА НЕЙДГАРТА [1]).

По сведениям охранного отделения с понедельника 13 июня должна была начаться политическая забастовка, которая разыгралась во всем согласно с этими сведениями. Были предположены меры терроризации полиции и войск выстрелами и бомбами и, действительно, и то и другое применялось в течение трех дней.

13 июня толпа встретила камнями казачью сотню у завода Гена, что вызвало залпы и убийство двух рабочих. Вечером, большие толпы рабочих двигались по Пересыпи, но казачий офицер, на предложение помощника полицеймейстера разогнать толпу отвечал: „что же их разгонять, когда они смирно стоят“. Толпа, сильно увеличившись, заняла железнодорожную насыпь, пути на лиманы и остановила два поезда; толпа достигла тут тысячного размера. Насыпь была настолько крута, даже пехоте было взбираться на нее затруднительно, а казакам невозможно. Толпа вооружилась камнями с железнодорожного полотна...

14-го были многочисленные столкновения во всех частях города, а вечером убит бомбой городовой. Бомба предназначалась для войск, стоявших на Соборной площади.

15 июня в 5 часов утра мне доложил пристав портового участка, что на Новый мол привезено матросами с броненосца „Князь Потемкин-Таврический“ тело с приколотой на груди печатной прокламацией, при чем привезшие тело

[1]) Следствие Головни т. I.

матросы, объявили портовым рабочим, что на броненосце нет уже офицеров и что они пришли поддержать народное восстание в Одессе. В виду такого неожиданного осложнения, как поддержка мятежа военным флотом, я решил прибегнуть к вызову всех войск гарнизона, что, естественно, передавало распоряжение ими в руки старшего военного начальника. В 7 часов утра я просил командующего войсками занять город войсками. По распоряжению коменданта Карангозова в порт были допущены все желающие, и около трупа убитого матроса собралась огромная многотысячная толпа. Хотя я и предлагал прекратить доступ в порт, но мое предложение было отвергнуто. Революционеры, примкнувши к движению, переехали на броненосце и стали руководить действиями его, отдав приказание стрелять, если полиция или войско появятся в порту. Казаки, узнав это, ускакали. Предоставленная с 15 числа самой себе толпа возросла в многотысячную... Я просил преградить войсками доступ в порт, но и это не было сделано. Весь день стекались к трупу революционные элементы, и шла непрерывная политическая сходка... К вечеру войска спустились в порт. День 15-го в городе прошел без стычек войск с толпами. Всю ночь с 15-го на 16-ое гремела ружейная пальба по толпам, бывшим в порту. По сведениям, доставленным врачебным инспектором, 16-го числа было привезено в больницы 94 раненых и в приемные покои 50 убитых; сколько же утонуло, сгорело и лечится у родственников — выяснить нельзя.

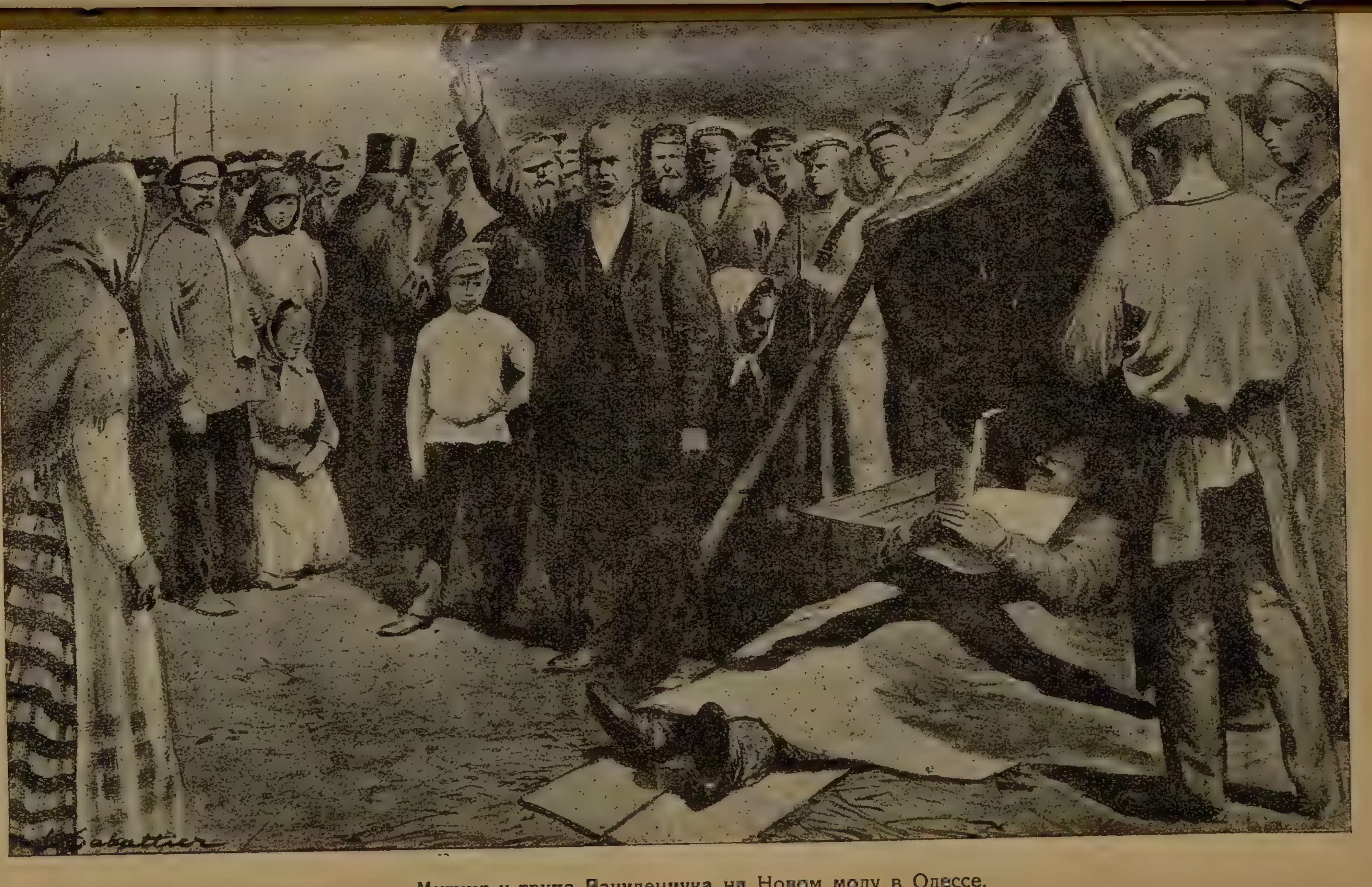
16 июня стечение народа на улицах продолжалось. Были предупреждены арестами взрывы шести бомб, — разорвалась одна, брошенная в казаков.

17 и 18 июня из города заметно было значительное выселение жителей [1]), при чем порядок более не нарушался...

Изложив исторический ход дела, я выражаю уверенность, что все события в Одессе были делом рук революционных организаций, которые возымели дерзновение ввести в борьбу распропагандированный, деморализованный хроническим отсутствием дисциплины флот. По частным агентурным данным есть основание предположить, что усилия

---

[1]) Показания Нейдгарта за 16 - 18 числа носят сбивчивый характер и не представляют интереса.

Митинг у трупа Вакуленчука на Новом молу в Одессе.

революционеров теперь направляются на повторение подобного же факта измены в каком-нибудь из сухопутных полков, против которого остальные откажутся стрелять, и дело будет сделано, как они выражаются, т. е. законные представители власти будут заменены комитетами, все начальство будет перебито и заменено выборными из нижних чинов[1]).

---

[1]) Последний абзац Нейдгарта написан им собственноручно, что показывает, какое оно имело значение в умах властей, запуганных призраком Потемкинского восстания.

Потемкинское восстание 14 (27)—25(7) июля 1905 года [1]).

ПОКАЗАНИЕ КОМАНДОВАВШЕГО БРОНЕНОСЦЕМ „ПОТЕМКИН“ ПРАПОРЩИКА АЛЕКСЕЕВА.

В марте 1904 года я был призван на действительную службу и зачислен в 28-й флотский экипаж нижним чином. В июне 1904 г. я был допущен к экзамену на прапорщика по морской части, и 5 июля, по сдаче экзамена, был произведен в прапорщики и зачислен в 36-й флотский экипаж, находящийся в Севастополе. Мои обязанности, главным образом, заключались в дежурстве по экипажу... два дня в неделю. В 36-м экипаже мне мало приходилось следить за внутренней жизнью матросов, и потому я не могу сказать, как проводили время матросы и что их интересовало. Мне не приходилось замечать, чтобы среди команды производилась пропаганда и не помню ни одного случая появления у команды какой-либо прокламации. По распоряжению командира экипажа, Голикова, у матросов в казармах производились довольно часто обыски, но ничего подозрительного не находили [2]).

12 апреля я был назначен в плавание на броненосец „Князь Потемкин-Таврический“. Команда „Потемкина“ состояла преимущественно из 36-го экипажа, но были на нем и из других экипажей. На броненосце я нес обязанности вахтенного начальника. С командой мне почти не приходилось соприкасаться, так как ею распоряжался старший офицер Гиляровский.

В конце мая команда заявила, что в каше замечается песок и что не хватает пайков на всю команду. Комиссия

---

[1]) Приводимые здесь материалы имеют ценность лишь, как дополнения к опубликованным воспоминаниям и документам о „Потемкине“.

[2]) Алексеев совсем не упоминает о революционном выступлении этого 36-го экипажа, которое известно под названием „бунта 3—4 ноября 1904 года“.

установила, что, действительно, на команду не хватает пятидесяти пайков и что нехватка эта была следствием кражи мяса со стороны артельщика, который был подвергнут взысканию. В начале июня лейтенантом Вахтеном и командиром Голиковым были получены по почте прокламации. Командир представил прокламации начальству, а что сделал Вахтен, я не знаю.

12 июня „Потемкин" ушел из Севастополя на испытание артиллерии на Тендру, куда прибыл 13-го утром.

Во время перехода вся команда исполняла свои обязанности добросовестно и не было заметно никакого недовольства. Часа в четыре дня 13 июня была послана в Одессу за мясом и провизией миноноска № 267. Возвратилась миноноска после 12 часов ночи. Привезенное мясо было осмотрено. По словам доктора Смирнова мясо было хорошее.

В 11 часов дня 14 июня, когда все офицеры обедали в кают-компании, снизу с батарейной палубы, где обедала вся команда из 760 лиц, послышался сильный шум. Сейчас же туда отправился Гиляровский, а вслед за ним и доктор Смирнов. В то же время послышался бой барабана, призывающий команду наверх для сбора, и вслед затем команда рожком: „офицеры на шканцы, а караул наверх".

Прибежав на шканцы, я увидел стоящего на левой стороне командира Голикова, около котораго был караул из 12 человек с ружьями; на другой стороне шканцев стояла толпа матросов человек 70, все они были без оружия. Командир приказал мне вызвать команду из батарейной палубы на шканцы и переписать находившихся уже на шканцах. Лишь только я приступил к переписке матросов, как шум и крики на батарейной палубе усилились. В это время из батарейной палубы выскочил минно-машинный квартирмейстер Матюшенко с изломанной винтовкой в руках и, обратившись к командиру Голикову, кричал, что повесит Голикова. Затем Матюшенко скрылся в батарейную палубу.

Голиков приказал Гиляровскому взять шесть человек из бывшего на шканцах караула и отправиться в батарейную палубу, чтобы узнать, что там происходит. Едва Гиляровский успел войти в одну дверь батарейной палубы, как из другой двери раздался выстрел, которым был убит лейтенант Неупокоев, бывший на шканцах. После выстрела

МАТЮШЕНКО

В момент ареста в 1907 г. в Николаеве (снят в жандармском управлении).

В начале его службы на броненосце „Потемкин“.

В бытность рабочим Харьковского депо.

все находившиеся на шканцах матросы бросились через люки в адмиральское помещение, туда же убежал и командир Голиков. Спустившись в адмиральское помещение, я застал там прапорщика Левенцова, который при мне бросился за борт в море, но едва он вынырнул, как со шканцев раздались выстрелы и Левенцов был убит в воде. В то же время я увидел человек 30 матросов плывущих от кормы броненосца к стоящему вблизи миноносцу, в них также стали стрелять и все они были убиты [1]). Все это происходило на глазах командира Голикова; он, обратившись ко мне, сказал, что остается одно средство для прекращения бунта — это взорвать пороховую носовую камеру и затем приказал мне исполнить это. Я пошел, но по дороге встретил лейтенанта Тона, который сказал мне, что крют-камера охраняется вооруженными мятежниками. Пройдя дальше, я сам убедился, что камера занята, вернулся и доложил командиру, что исполнить его приказание невозможно. От пробегавшего матроса я узнал, что старший офицер Гиляровский убит в батарейной палубе. Вслед затем со шканцев послышались крики: „позвать сюда Алексеева!“ Я спросил командира, идти мне или нет. И он ответил: „все равно, идите“.

Я поднялся на шканцы, где увидел человек 60 вооруженных матросов и в числе их был Матюшенко; некоторые матросы навели на меня винтовки, но Матюшенко не велел стрелять, сказав мне: „успокойтесь, мы вас убивать не будем“. Потом несколько матросов, из которых я узнал только одного Сырова, повели меня на бак, а затем снова привели на шканцы, где я увидел сидящих у орудий Назарова, Заушкевича и командира миноноски Клодта. На шканцы вошел лейтенант Тон. Матюшенко сказал ему: „успокойтесь, вас убивать не будут“. Тот ответил: „сам успокойся, что ты делаешь?“ Тон обругал Матюшенко дураком, а последний крикнул: „долой погоны!“ Тон ответил: „ты мне их не давал, а потому снимать не будешь“. После этих слов Матюшенко закричал матросам, бывшим на шканцах, чтобы они разошлись, и затем выстрелил в Тона. Я узнал, что в мое отсутствие Матюшенко и фельдфебель

[1]) О гибели этих матросов говорится также в показании Клодта.

Курилов убили Голикова и выбросили в море. В то же время убит лейтенант Григорьев, который выбросился за борт. Машинный квартирмейстер Шестидесятый, принимавший видное участие в бунте, приказал мне сходить за старшим механиком Цветковым в машинное отделение, и если тот не явится, то будет убит.

Я пошел и привел Цветкова на шканцы. После этого я пошел на бак, где была собрана команда, которая хором обратилась ко мне с вопросом „что ей делать теперь?“ Я ответил, что необходимо отправиться в Севастополь и там заявить о происшедшем властям. Команда, повидимому, согласилась с моим предложением и закричала: „мы выбираем вас командиром судна, ведите нас, но только не в Севастополь, а в Одессу, так как Одесса ближе“. На баке присутствовало человек 400 более спокойных матросов, а главных бунтовщиков — Матюшенко, Шестидесятого, Кулика, Сырова, Курилова, Дымченко и Денисенко не было. Избрание меня командиром было произведено с согласия указанных главных бунтовщиков [1]), так как Матюшенко и Шестидесятый говорили мне, что они присоединились к просьбе всей команды. 14 июня, часа в 4 дня, „Потемкин“ снялся с якоря и пошел с Тендры в Одессу. Во время перехода до Одессы команда собиралась кучками, особенное участие в разговорах принимали: Матюшенко, Шестидесятый, Кулик и Денисенко. В Одессу мы прибыли в 7 часов вечера 14 июня и остановились на внешнем рейде, недалеко от волнореза.

В кают-компанию явился Кулик и сказал мне, что команда зовет меня в адмиральское помещение. Там я застал человек 100, среди которых были Матюшенко, Шестидесятый, Денисенко, Дымченко, Журавлев, Сыров, других фамилий не помню. Названные лица объявили мне, что они проверят в моем присутствии кассу и сдадут мне от нее ключ. Я спросил, зачем мне будет сдана касса, но Денисенко не дал мне даже договорить, закричав: „не ваше дело рассуждать, делайте так, как просят, иначе будет пролита кровь“. Тогда же мне передали ключ от кассы, в которой было около 24.000 руб. бумажками и золотом. При передаче

[1]) Стало быть, избрание Алексеева произведено до выбора комиссии.

ключа мне сказали, что сам я не должен распоряжаться кассой и что все расходы должен буду делать с разрешения особой комиссии, которая имеет быть избранной командой. Тогда же мне объявили, что Матюшенко и другие главари решили составить протокол о всем случившемся и передать таковой одесским властям. Ночью был составлен протокол[1]).

Об убийстве Вакуленчука, имевшем место еще во время начала бунта, я знаю из рассказов матросов. По их словам, Вакуленчук был убит старшим офицером Гиляровским за то, что отказался стрелять в бунтовщиков. 15 июня, часов в 7 утра, я увидел портовой катер, который подходил к броненосцу, на нем были два жандарма. Навстречу катеру пошли наш катер и шлюпка с вооруженными матросами, среди которых был Матюшенко, он крикнул жандармам, чтобы бросили в воду оружие и убирались. Жандармы исполнили. Ночью была избрана комиссия.

Часов с девяти утра к броненосцу начали подходить разные частные шлюпки, публика с которых без всякого стеснения входила по спущенному трапу на броненосец, осматривала его, разговаривала с матросами и уходила так продолжалось часов до четырех дня.

В 4 часа явился Курилов и доложил, что идет „Веха". Но в это время я услышал крик с пардека боцмана Журавлева, приказывающего „Вехе" пристать к борту броненосца. „Веха" стала на якорь близ „Потемкина". 15 июня, около пяти часов дня, я был вызван из кают-компании в адмиральскую каюту, где застал почти всю комиссию и четырех частных лиц, из которых трое были в студенческих фуражках, а один, с рыжей большой бородой — во всем штатском[2]). Один, но не тот, который впоследствии остался на броненосце, говорил речь, в которой сообщал, что в Одессе происходят беспорядки и советовал оказать помощь производящим беспорядки[3]).

---

[1]) Мысль о протоколе возникла в первой стадии восстания, когда оно еще имело характер стихийного бунта и надобность в нем отпала уже 15-го, когда ясно сознавалась „революция".

[2]) „Кирилл", Иванов (Фельдман), „Афанасий" (Плесков) и Александр (как называет четвертого „Кирилл" в своих воспоминаниях).

[3]) Повидимому это был „Афанасий" (Плесков).

Около восьми часов вечера я узнал, что собравшаяся в адмиральской каюте комиссия разрешает вопрос о высылке арестованных офицеров на берег. Я пошел в каюту и стал просить, чтобы меня тоже отпустили на берег, но комиссия объявила мне, что команда не желает меня отпускать. В каюте, кроме матросов, были два частных лица — называвший себя „Кириллом“ и называвший себя Ивановым, впоследствии оказавшийся Фельдманом.

В десятом часу вечера в комиссии решался вопрос о бомбардировке города. „Кирилл“, избранный председателем, говорил, что теперь настал момент, когда мы должны помочь одесским революционерам, и с этой целью начать бомбардировку города. Я остановил оратора и стал убеждать его не принимать такой ужасной меры и, в конце концов, мне удалось убедить

16 июня в 7 часов утра вся команда была собрана на шканцах, и тут Матюшенко объявил команде о том, что комиссия решила отпустить офицеров на берег. Я обратился к команде с просьбой отпустить и меня, но команда не согласилась.

На броненосце, кроме меня, остались: Калюжников, Коваленко и доктор Голенко (Галенко). Имели ли Коваленко и Галенко влияние на команду мне неизвестно, но поведение их мне казалось странным, тем более, что оба они заявили желание быть членами комиссии и были избраны, при чем принимали участие в заседаниях комиссии с 16 числа. Коваленко не только участвовал в заседаниях комиссии, но даже сам собирал ее.

Часов в 12 дня 16 июня на броненосец приехало со стороны Малого Фонтана на частной шлюпке человек 12 в студенческих фуражках и с ними 3 женщины, по виду курсистки. Все эти лица были в адмиральской каюте между членами комиссии [1]). Пробыли они часов до четырех, а затем все уехали. „Кирилл“ и „Иванов“ (Фельдман) совсем не сходили с броненосца и все время проводили с членами комиссии.

---

[1]) „Кирилл“ в воспоминаниях называет приезжавших членами организации, привозившими планы порта и города и устанавливавшими связь с берега.

Еще днем 16-го квартирмейстер Дымченко, вернувшись из города, собрал команду на шканцах и говорил ей, что, будучи в Одессе, встретил армейских солдат и офицера, которые говорили ему, что готовы перейти на сторону мятежников, лишь бы с броненосца сделали несколько выстрелов по городу [1]). Однако команда не убедилась словами Дымченко, так как, когда он, Матюшенко и „Кирилл“ стали предлагать открыть бомбардировку, команда воспротивилась. Тогда те же лица стали просить команду сделать три холостых выстрела, на это команда согласилась. Несколько матросов отправились на марс и сделали три холостых выстрела один за другим. Едва замолк последний выстрел, как с кормы раздалось два боевых выстрела, произведенных, как узнал после, Матюшенко, Шестидесятым и Куликом. Удивленная команда бросилась на корму и закричала, что не позволяет стрелять снарядами. Матюшенко, скрывшись на минуту, снова появился на палубе со снарядом в руках и побежал на спардек к орудию, но зарядить орудие ему не дал комендор Линник.

Утром 17-го на горизонте появилась эскадра Вишневецкого, с которой была получена телеграмма по беспроволочному телеграфу:

„Черноморцы удручены вашим поступком, смиритесь — повинную голову меч не сечет“.

На эту телеграмму по распоряжению комиссии был дан следующий ответ:

„Команда броненосца просит адмирала для переговоров“.

После этого ответа эскадра скрылась. В тот же день часов в пять, эскадра вновь появилась уже в большем составе, именно — броненосцы: „Три Святителя“, „Двенадцать Апостолов“, „Ростислав“, „Георгий Победоносец“ и „Синоп“ и несколько миноносок. При приближении эскадры на „Потемкине“ пробили тревогу и в то же время ко мне явились Матюшенко и Шестидесятый и сказали, чтобы я шел в боевую рубку, но (не?) смел командовать. Я пошел в рубку. куда вскоре пришли боцман Мурза и кондуктор Шопарев, которым я велел позвать в рубку горниста и барабанщика

---

[1]) „Кирилл“ в своих воспоминаниях указывает, что депутация одесского морского батальона просила об этом же.

с той целью, чтобы они не могли исполнить приказание комиссии дать сигнал открыть огонь, если таковое приказание последовало бы. По приходе названных лиц я запер рубку. „Потемкин" в это время уже шел навстречу эскадре, командовал им рулевой квартирмейстер Костенко и вел его прямо на „Ростислава". Тут боцман Мурзак сказал мне, что он слышал от Матюшенко, что тот предполагал ударить „Ростислава" тараном, а „Три Святителя" взорвать миной. Узнав о таком плане, я решил помешать исполнению его и для этого дал телеграфом в машинное отделение приказание: „левой машине полный ход вперед, а правой назад". Этим маневром я изменил направление судна, и оно прошло между броненосцами „12 апостолов" и „Георгий Победоносец" [1]), „Потемкин" ушел далеко вперед, а эскадра проследовала к Одессе. Затем эскадра, шедшая фронтом, а не кильватером, повернула обратно, и в то же время повернул и „Потемкин" и снова пошел навстречу эскадре и прошел между теми же броненосцами саженях в тридцати от них. Бывшая на обоих броненосцах команда кричала „ура", с „Потемкина" отвечали. Когда „Потемкин" миновал эскадру, то броненосец „Георгий Победоносец" стал отставать от фронта и вскоре совсем отстал, а эскадра скрылась за горизонтом. К отставшему „Георгию" подошел „Потемкин" и стал саженях в пятидесяти. Тотчас же с „Потемкина" отвалили миноноска и катер, на котором были вооруженные матросы с Матюшенко и „Кириллом".

Вскоре от „Георгия" отвалили катер и шлюпка, на которых находились все офицеры; шлюпка и катер подошли к „Потемкину" и затем пошли к Дофиновке [2]), где все офицеры были высажены на берег. Оба броненосца повернули и пошли к Одессе и стали на якорь на внешнем рейде, недалеко от волнореза. Это было часов в 7 вечера.

Весь вечер команды обоих броненосцев посещали друг друга. В тот же вечер на „Георгий" ездили механик Коваленко, доктор Галенко, кондукторы Бурдюков и Бровко.

---

[1]) Фельдман и „Кирилл" в своих воспоминаниях только догадывались о предательской роли Алексеева при встрече с эскадрой. Читая же это показание, мы видели, что Алексеев сознательно провалил весь план комиссии.

[2]) Деревня против Одессы на север от порта.

18 июня на „Потемкине“ разнесся слух, что „Георгий не хочет подчиняться „Потемкину“ и намерен идти в Севастополь. Этот слух сильно повлиял на революционную часть команды „Потемкина“, настроение сделалось минорное.

В это время на „Потемкин“ приехал портовой лоцман, который беседовал о чем-то с Матюшенко и другими [1]).

После его отъезда с палубы послышалась боевая тревога, а вслед затем крики: „Георгий снялся и уходит“. Я бросился к команде на палубу, но упал и потерял сознание. Очнулся я спустя часа три, броненосец был уже в открытом море, и я узнал, что идем в Румынию. Броненосцем управлял Костенко. В Кюстенджи пришли в 4 часа дня 19 июня.

По приезде в Кюстенджи с броненосца был произведен салют, на который ответа не последовало. Вскоре на броненосец явились капитан над портом и человека три в военной форме. Их встретили Коваленко, „Кирил“ и Матюшенко; говорили Коваленко и „Кирилл“ по-немецки и по-французски, а Матюшенко объяснялся через переводчика.

В Кюстенджи „Потемкин“ простоял до 11 часов утра 20 июня. По выходе из Кюстенджи команда не знала, куда направляется и только уже в пути комиссия объявила, что идет в Феодосию с целью получить там провизию и уголь. Броненосцем управлял Костенко. В команде замечался большой разлад, многие приходили ко мне советоваться, что им делать, я говорил, что необходимо идти в Севастополь.

22-го утром пришли в Феодосию и остановились на внешнем рейде. Еще в пути комиссия приготовила красный флаг с белой надписью: „свобода, равенство и братство“. По приходе в Феодосию комиссия намеревалась спустить андреевский флаг и поднять названный, но команда воспротивилась спуску по моему совету и тогда, по распоряжению комиссии, красный флаг был повешен на гафеле. Когда пришли на рейд, то с броненосца поехал на берег Шестидесятый с письменным приглашением от комиссии к городскому голове явиться на броненосец для переговоров. Вслед за Шестидесятым на броненосец прибыли городской голова,

---

[1]) Роль этого лоцмана (Романенко) в измене „Георгия“ отмечена Фельдманом и освещается его (Романенко) показанием.

член управы и два доктора. Все эти лица были приняты комиссией в адмиральской каюте[1]). Часа через два после отъезда головы, на броненосец было доставлено 4 коровы и 200 пудов муки, уголь же не был доставлен.

22 июня Матюшенко, Шестидесятый, „Кирилл“ и Фельдман ездили на берег. По возвращении они собрали команду, и „Кирилл“ говорил команде, что видели на берегу войска, среди которых был городской голова и что последний хотел дать уголь, но военные власти не позволяют и что поэтому не нужно бомбардировать город. Я стал убеждать команду слушать „Кирилла“, и команда разошлась. Ночью было написано комиссией обращение к феодосийским властям с угрозой, что если к десяти часам утра 23 июня не будет доставлен уголь, то город подвергнется бомбардировке и должен быть очищен от жителей.

Утром 23-го я видел, что жители Феодосии устремляются целыми массами в горы. Уголь все-таки не доставили. Комиссия послала в порт миноноску и катер с вооруженными людьми, и с ними поехали Матюшенко, Заволошин, Никишкин, Козленко и Фельдман, бывший в матросской форме, которую он, а также и „Кирилл“, носили с 16 июня. Вскоре после их отъезда в кают-компанию прибежал матрос и сказал мне и бывшим тут же Шестидесятому и „Кириллу“, что с берега стреляют по броненосцу из ружей. Шестидесятый и „Кирилл“ бросились к команде, призывая ее к орудиям и крича, что нужно выручить уехавших товарищей. Я с своей стороны стал уговаривать команду не слушать их и тогда среди команды поднялись крики „идем в Румынию“ [2]). Вскоре к броненосцу подошли миноноска и катер, на которых вернулась часть команды с Матюшенко, другие же члены комиссии — Заволошин, Фельдман и Никишкин и часть команды не вернулись. Броненосец поднял якорь и ушел по курсу в открытое море. В пути Шестидесятый, Кулик,

---

[1]) Речь „Кирилла“ приведена в документе о посещении „Потемкиным“ Феодосии. Алексеев вообще исправно отмечал факты, но не речи, которых он и не понимал.

[2]) Комиссия сделала, может быть, невольную ошибку, возложив поручение взять уголь на часть команды, наиболее отважную и революционно настроенную, и оставив на время броненосец без противодействия агитации Алексеева.

Денисенко, Дымченко и „Кирилл“ убеждали команду идти на Кавказ и там, взорвав броненосец, присоединиться к восставшим народам[1]).

Но команда не пожелала и решила идти в Румынию.

В Кюстенджи броненосец пришел в 12 часов ночи 24 июня. По приходе было заявлено властям о том, что команда желает сдаться под условием, что не будет выдана русскому правительству. 25-го переговоры велись Коваленко, Матюшенко, Шестидесятым и Кириллом при помощи прибывшего на броненосец доктора Раковского.

ВЫПИСКА ИЗ ПОКАЗАНИЙ МЕХАНИКА КАЛЮЖНОГО[2]).

14 июня во время обеда в кают-компанию вошел строевой квартирмейстер и доложил старшему офицеру, что команда не ест щей; старший офицер вышел. Через несколько времени проиграли сбор команды на шканцы, в кают-компанию пришел опять вахтенный и попросил на шканцы старшего врача Смирнова. Через несколько времени на шканцах послышался шум, в кают-компанию вошел Смирнов и попросил младшего доктора Галенко достать какую-нибудь банку, чтобы взять пробу щей для исследования. Вскоре шум на шканцах усилился, и я услышал команду „караул наверх“, „Офицеры наверх“. Услышав эту команду, я вышел на шканцы. Там командир отдавал приказания фельдфебелям и боцманам, чтобы они звали на шканцы тех, которые не хотят принимать участие в бунте. Когда матросы больше уже не приходили, командир велел офицерам переписать собравшихся, а сам отошел на левые шканцы. В это время из батарейной палубы вышел матрос, как я потом узнал — Матюшенко, сломал о палубу бывшую у него в руках винтовку и бросил ее командиру под ноги, так что тому пришлось отскочить и кричать: „караул, не стреляй!“ После этого командир перешел на правую сторону и отдал

[1]) Переход от Одессы до Кавказа мог быть совершен с тем запасом угля, который имел „Потемкин“ 18 июня и который он потратил на переходы Одесса — Кюстенджи — Феодосия — Кюстенджи. Появление же восставшего „Потемкина“ у берегов Кавказа, где уже в июне развернулось сильное революционное движение, могло дать сильный толчек к его развитию.

[2]) Из следствия Головни, т. II.

приказание старшему офицеру взять часть караула и пойти с ним в батарейную палубу разогнать бунтовщиков. Старший офицер ушел. До этого я видел, что караул заряжал ружья, и старший офицер брал у некоторых и проверял, заряжены ли они — были заряжены, что я видел и сам.

Когда старший офицер ушел в батарейную палубу, вскоре там раздались один за другим два выстрела и почти сейчас же был сделан выстрел из дверей на шканцы. Этим выстрелом убит лейтенант Неупокоев. Офицеры, а также матросы стали разбегаться. Караул, не сделав ни одного выстрела в бунтовщиков, побежал в батарейную палубу, я побежал за ним, вошел в свою каюту. Из каюты я также слышал как доставали снаряды и сделали три выстрела по миноносцу № 267. Когда выстрелы прекратились и крики стихли, я, выждав еще немного, вышел из кают-компании.

Я узнал, что у бунтовщиков составилась комиссия, которая написала протокол происшедшего и давала его подписывать часа в 2 ночи офицерам.

Утром 16-го в кают-компанию вошел Матюшенко и сказал нам: „Можете собираться“. Я не рискнул съехать... Остались на корабле: прапорщик Алексеев, которого не пустила команда, доктор Галенко и механик Коваленко. Этот сказал мне, что он остался, чтобы действовать на команду в лучшую сторону, но, как потом я увидел, он удерживал команду только от крайностей, но нисколько не старался ее усмирить и даже напротив — принимал самое деятельное участие в комиссии и часто был председателем.

Я решил съехать в этот день и спросил у Коваленко, в то время уже имевшего общение с комиссией, как мне поступить; тот сказал, что теперь будет трудно мне съехать, так как команда решила больше никого не пускать и что мне теперь придется просить всю команду. Через некоторое время команда была собрана по какому-то случаю. Я и прапорщик Алексеев вышли на шканцы просить команду отпустить нас. Команда вся кричала: „Оставить, никого не пускать“. Часа в 4 дня команда была опять собрана на шканцы. Потребовали туда и меня. Студент (Фельдман) говорил там, что армия на берегу на стороне народа и „Потемкина“ и ждет только, в виде сигнала, выстрелов с „Потемкина“ по Одессе, чтобы окончательно и открыто

перейти на сторону поднявшихся. Затем почти то же говорили „Кирилл“ и Матюшенко.

Ко мне в это время подошли человек 5—6 матросов, которые спросили меня: „А вы как думаете?“ Я ответил им, что по городу стрелять нельзя. Тогда матросы сказали мне: „И мы так думаем“. Когда Матюшенко спросил потом команду, согласна ли она с тем, что предлагали говорившие, команда кричала „согласны“, были голоса „стрелять не надо“. Сбор кончился тем, что команда не позволила стрелять по городу боевыми снарядами и согласилась только на холостые выстрелы. Два же боевых выстрела были сделаны Матюшенко, несмотря на сопротивление команды. После сбора „Потемкин“ снялся с якоря, отошел от города и сделал три холостых выстрела и два боевых и, затем, подойдя немного опять к городу, стал на якорь. 17 июня утром появились 3 броненосца; „Потемкин“ вышел им навстречу. Броненосцы удалились. В 3 часа появилась эскадра, состоявшая из нескольких броненосцев и миноносцев. Эскадра ушла, и от нее отстал броненосец „Георгий Победоносец“. Я увидел, что с „Потемкина“ отошел баркас с караулом и на нем „Кирилл“ в матроской форме. К „Георгию“ подошел также миноносец № 267. Через несколько времени к „Потемкину“ подошла шлюпка с офицерами „Георгия“. Миноносец № 267 отбуксировал эту шлюпку на берег. „Георгий“ после этого подошел и стал рядом с „Потемкиным“. Коваленко и доктор Галенко ездили на „Георгий Победоносец“. Вечером этого дня „Потемкин“ получил по беспроволочному телеграфу телеграмму, которую потом читали

„Кирилл“ (А. П. Бжезовский) с.-д., руководитель Потемкинского восстания. Снимок 1912 г., передан Истпарту женой т. „Кирилла“.

в кают-компании. Содержание ее приблизительно такое: „Посылаю на миноносцы офицера и священника, которым прошу сообщить, что надо. Старший флагман“. По получении этой телеграммы комиссия собралась в первый раз в кают-компании, и здесь я узнал ее состав: студент (Фельдман) и „Кирилл“, матросы — Матюшенко, Дымченко, Шестидесятый, Кулик, Денисенко и Заволошин, — остальных не знаю. „Кирилл“ предложил захватить посланный адмиралом миноносец, некоторые были против, — я подошел и просил не захватывать миноносца; комиссия решила послать навстречу № 267 и на нем „Кирилла“ для переговоров. 18-го числа „Кирилл“ разсказывал, что когда миноносец № 267 подходил к миноносцу, посланному адмиралом, то последний круто повернулся и направился к эскадре; переговоров поэтому не было. В этот день Коваленко и Галенко опять ездили на „Георгий“ и вернулся только Коваленко. Часов около пяти дня „Георгий“ снялся с якоря и поднял сигнал, что идет в Севастополь; „Потемкин“ тоже снялся и пробил боевую тревогу, после чего „Георгий“ круто повернул и вошел в гавань, а „Потемкин“ пошел в Румынию.

На переходе в Кюстенджи собралась опять комиссия; Кирилл начал говорить, что нужно написать воззвание и при помощи консулов разослать во все государства; он говорил, что этим воззванием, а также своим приходом за границу „Потемкин“ произведет важную демонстрацию. Студентом (Фельдманом) было написано это воззвание. Студент читал, что они требуют прекращения войны и созыва Учредительного собрания. Денисенко сказал, что нужно написать не „прекращения войны“, а „перемирия“ и объяснял это тем, что народ может быть не захочет, не согласится на позорный мир и плату большой контрибуции; тоже говорил и Коваленко, и текст решили изменить так, как говорил Денисенко. На этом же переходе в Кюстенджи „Кирилл“ предложил сделать красный флаг со словами: „Свобода, равенство и братство“. Он говорил, что „Потемкин“ не принадлежит больше правительству, и поэтому нужно спустить андреевский флаг и поднять красный, но команда, окружавшая по обыкновению комиссию, начала шуметь и говорить, что андреевского флага спускать нельзя; тогда „Кирилл“ предложил, не спуская андреевского флага, красный поднять

на гафеле. Красного флага в Кюстенджи не поднимали. Когда „Потемкин“ пришел в Кюстенджи, на него явились капитан над портом и еще какой-то офицер. Коваленко и „Кирилл“ вели с ними переговоры относительно угля и провизии при помощи барабанщика Погарняц, говорившего по румынски. Капитану над портом и офицеру дано было воззвание, к которому Коваленко раньше прикладывал судовую печать.

На другой день, т. е. 20 июня, была получена „Потемкиным“ телеграмма из Бухареста на румынском языке с предложением и условиями сдачи броненосца. В провизии и угле было отказано, и собравшаяся комиссия решила идти в Феодосию и, если там не удастся достать угля и провизии, то идти и высадиться десантом на Кавказе, а в крайнем случае даже взорвать броненосец.

Еще когда „Потемкин“ был в Одессе, я слышал, как Матюшенко говорил „Кириллу“, что у них давно подготовлялось восстание, что у них бывали сходки за Малаховым курганом, на которых бывали и частные лица и студенты, что оно должно было произойти, когда вся эскадра соберется на Тендре, и произошло преждевременно потому, что командир вызвал караул. Также я слышал, что к прапорщику Алексееву подошел однажды матрос и жалел, что не сказал ему о готовящемся восстании еще тогда, когда „Потемкин“ был на Севастопольском рейде.

Когда „Потемкин“ пришел в Феодосию, на него явились трое штатских из городских властей. Матюшенко и „Кирилл“ вели с ними переговоры о провизии и угле. Те обещали достать через 4 часа. Потом к „Потемкину“ подошла шаланда с провизией. На следующий день уголь не был еще получен, и „Кирилл“ предлагал и настаивал стрелять по городу, по той его части, где расположены казармы и войска, которые мешали посланным за углем матросам доставить этот уголь на броненосец. Прапорщик Алексеев и я упрашивали команду, находившуюся в это время в кают-компании, не стрелять по городу. В это время раздались выстрелы по матросам, находившимся на берегу, „Кирилл“ и Шестидесятый кричали, что надо стрелять. „Кирилл“ кричал: „Товарищи, к орудиям!“, но его никто уже не слушал, и команда требовала, чтобы шли в Румынию. После этого

броненосец снялся и пошел опять в Кюстенджи. Это было 23 июня. В ночь с 23 на 24 команда выбежала на мостик и грозила повыбрасывать за борт офицеров, кондукторов и тех, которые вели корабль, если покажутся Севастопольские огни. В Кюстенджи „Потемкин“ пришел в 12 часов ночи с 24-го на 25-ое. Утром 25-го на корабль явился капитан над портом, и какой-то офицер и штатский, который назвал себя доктором Раковским. Он был переводчиком между явившимися Коваленко и „Кириллом“. За все время, когда комиссия собиралась в кают-компании, председателем в ней чаще других были Коваленко и „Кирилл“, реже Денисенко и Кулик. Во время переговоров о сдаче „Потемкин“ вошел в гавань. Когда мы вошли на шканцы, то узнали, что команда вся уже свезена; у трапа стоял портовой катер, который и свез нас и кондукторов, затем мы (я и Алексеев) пошли в портовую контору, где и заявили о желании возвратиться в Россию. Когда мы были в портовой конторе, в нее пришел Матюшенко и дал Алексееву 51 р., мне 52 рубля, кондукторам по 11 р. 50 к. Я, Алексеев и 10 кондукторов отправились на станционер „Псезуапе“, оттуда были перевезены на „Потемкин“. Затем меня и Алексеева отправили на броненосец „Чесма“, где мы были арестованы, а затем когда пришли в Севастополь, то нас перевели на учебное судно „Прут“, где мы и находимся по сие время.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЯ МЕХАНИКА НАЗАРОВА [1]).

14-го я, после занятий с учениками-машинистами, в половине одиннадцатого часа пришел в кают-компанию броненосца и здесь из разговоров узнал, что в Одессе беспорядки. Вскоре начался обед, во время котораго разговор шел о недовольстве команды вследствие испорченного мяса, в котором команда находила червей. Среди обеда к командиру на шканцы пригласили докторов. Очень скоро после этого снизу, из батарейной, где обедали матросы, послышались крики угрожающего характера. Офицеры моментально повскакивали и бросились к дверям кают-компании, чтобы разузнать в чем дело. Я с лестницы, ведущей на спардек, в закрытую батарею, глянул вниз и увидел под

[1]) Следствие Головни т. II.

лестницей сбившихся в кучу матросов возле опущенных столов, в сильнейшем возбуждении, громко кричавших. В дверях, ведущих с закрытой батареи на шканцы, стоял лейтенант Тон; я расслышал, как он громко и внятно спросил: „Чего же вы хотите?“ На что ответили ему дружным криком: „Свободы, свободы!“ [1]).

Тон с едва заметной усмешкой ответил: „Ну, этого не будет!“ Когда я пришел на ют, то увидел в сборе большую часть офицеров и небольшую часть команды. Кто-то из вновь прибывших сказал, что бунтовщики завладели уже ружьями и патронными погребами. Командир, с рассеянным видом, приказал старшему офицеру, Гиляровскому взять часть караула и идти в батарейную. Послышалась стрельба. Почти тотчас толпа стоявших на юте матросов бросилась врассыпную. Я увидел, как из-за башни прямо в толпу бежали бунтовщики с ружьями на перевес и расстреливали в упор. Видя полуоткрытую дверь в каюту адмиральского вестового, я очутился там. Когда выстрелы и крики стихли, пришел вестовой и сказал, что все механики живы и сидят у адмиральской каюты. Я вышел из каюты и нашел их. Незадолго до ужина вызвали Коваленко. Матюшенко заявил ему: „За вашу безопасность мы ручаемся, но в случае враждебных действий пощады не будет“.

Еще до прихода в Одессу к нам в каюту пришли двое. Первый в руках держал два листа бумаги, где на пишущей машинке было напечатано обращение к командиру Одесского порта. Он нам заявил, что команда просит нас прочитать и подписать эти бумаги. Мы стали читать. Там говорилось сначала о том, что „уже давно повторялись случаи, когда команде приходится довольствоваться несвежими продуктами за обедом, затем подробно описывался ход событий за весь этот день 14 июня. „Старший офицер и командир, опираясь на слова старшего доктора Смирнова, не захотели слушать жалобы команды на несвежесть мяса, привезенного накануне из Одессы, вызвали караул и приказали стрелять, а когда караул стрелять отказался, Гиляровский убил из ружья матроса Вакуленчука. Тогда команда вступилась

---

[1]) Даже в первой стадии восстания уже замечается сознание у матросов, что они творят революцию, а не бунт.

за свои права; произошла схватка, в которой были убиты четыре офицера и доктор Смирнов, два офицера пропали без вести (утонули). Девять офицеров согласились действовать совместно с командой". Подписывать мы не согласились, а предложили мы написать то, что каждый из нас видел.

Уже поздно вечером, когда пожар (порта) был в полном разгаре, в кают-кампанию явился Матюшенко и предложил желающим (офицерам) съехать в шлюпке на берег, прибавив, что, наверно, найдутся же среди офицеров такие, которые захотят послужить правде и постоять за свободу вместе с ними. Мы делаем историю, — заметил он. Остались Галенко, Коваленко и Калюжнов. Алаксеев оставлен командой. На другой день мы съехали.

ПОКАЗАНИЯ КОНСТАНТИНА ФЕЛЬДМАНА[1]).

Постоянно живу в гор. Одессе. Я уроженец города Одессы, где проживают мой отец и мать на Херсонской улице в доме № 21, кв. 21. Окончил курс Одесской частной гимназии Ровнякова и в июне 1905 года сдал экзамен на аттестат зрелости при Одесской 4-ой гимназии. Я предполагал поступить на юридический факультет Новороссийского Университета, но прошение о зачислении меня студентом еще не успел подать. По сдаче экзамена я, как обыкновенно делают окончившие курс гимназии, надел студенческую фуражку. На вопрос какие убеждения я разделяю, я ответил, что разделяю взгляды социал-демократической партии. Выработались эти убеждения путем личного мышления. Ни к какой политической организации я не принадлежал и не принадлежу, и существует ли такая организация в Одессе мне не известно. О беспорядках в гор. Одессе я знал, как местный житель, но ничего не знал о причинах их возникновения и о времени, и никакого участия в них не принимал. 15-го, около одиннадцати часов, я вышел на улицу и заметил большую толпу народа, куда-то направляющуюся и оживленно разговаривавшую. Я присоединился к этой толпе, которая пришла в порт, где я узнал, что пришел броненосец, на котором взбунтовалась команда. К самому трупу я не

---

[1]) 1905 г., 3 августа в Севастополе на военной гауптвахте написаны собственноручно (следствие Головни т. II, листы 404 — 407).

подходил, так как громадное количество народа заграждало путь к нему. В это время у другого мола громадное количество народа садилось на пароход „Эмеранс", который буксировался миноносцем к броненосцу. Из любопытства я также сел на пароход, на котором я и прибыл к броненосцу. По приезде на корабль матросы окружили нас и стали рассказывать о том, что и как у них произошло. Они говорили, что перебили нескольких офицеров, а остальных арестовали, так как их кормили червивым мясом. По выгрузке угля я собрался уже отъехать на пароходе на берег, но тут матросы, принимая меня за студента, просили остаться с ними, обещая к вечеру свезти меня на берег. Я остался и тут я узнал, что у матросов есть уже своя комиссия, которая решает все дела, и что она решила требовать у правительства созыва народных представителей и немедленного прекращения войны. При обсуждении формулы требования, происходившем в адмиральском помещении, я настаивал на том, чтобы требовать созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права. На этом собрании находилось до 30—35 человек из чинов комиссии, а также до 100 человек посторонних матросов. Часть членов комиссии я не помню, а об отдельных личностях показания дать отказываюсь, а потому и не могу сказать, участвовали или нет здесь другие частные лица. В течение всего этого дня на броненосец приезжало большое количество частной публики, но студентов среди них не замечал. Вечером этого же дня состоялось другое заседание комиссии, в котором обсуждался вопрос о спуске офицеров. На это заседание явились два офицера: доктор Галенко и механик Коваленко,

Константин Фельдман с.-д. (меньшевик), руководивший „Потемкиным" во время восстания.

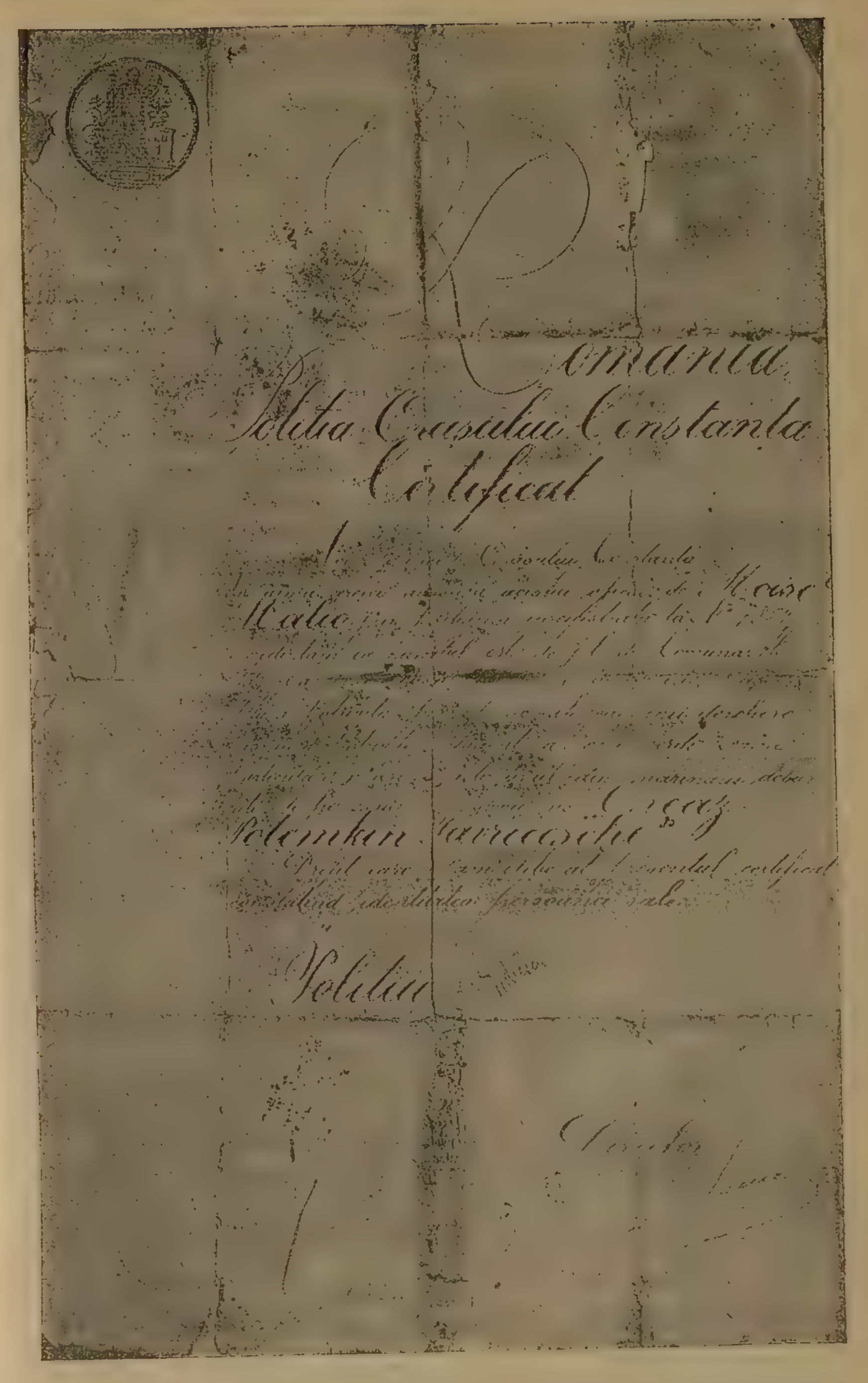
которые просили принять их в число членов комиссии и дать им работу по своим специальностям. В последующих заседаниях комиссии они принимали участие, прапорщик же Алексеев и мичман Калюжный никакого участия не принимали. В собраниях этого дня вопрос о бомбардировке города не обсуждался. На другой день утром 16 июня к порту подошла с броненосца шлюпка с целью испросить разрешение похоронить убитого матроса. В этой шлюпке отправилось человек 12 матросов, священник и я. Три человека, вместе со священником, отправились к командующему войсками, а я и остальные матросы остались у трупа. После прибытия депутации матросы отправились обратно на корабль, за исключением священника, который остался на берегу, и меня с несколькими матросами, оставшимися около трупа, чтобы предохранить его от огня. Сюда нам также прислали обед. Ко времени похорон на смену нам явились другие матросы, а мы отправились на корабль. Здесь я узнал о том, что было собрание комиссии, на котором решили дать в город три холостых выстрела, для предупреждения жителей, и 2 боевых — для угрозы. Затем решено было отправить после выстрелов депутацию к командующему войсками, с требованием явиться на броненосец, для предъявления ему следующих требований: немедленное прекращение стрельбы в городе, как гарантия этого — вывод войск из города и выпуск из тюрьмы всех политических. Лично я симпатизировал этим требованиям, но считал этот акт бесполезным. Вскоре, действительно, выстрелы были пущены, а затем послана депутация, которая решила[1]), что командующий войсками отказывается приехать для переговоров. В этот день на судне оставалось три частных лица, из которых одно вечером уехало. При этом я слышал среди матросов разговоры о том, что для усмирения „Потемкина“ придет эскадра; и высказывались мнения о том, что эскадра стрелять не будет; но никаких разговоров о подготовке восстания среди всей эскадры я не слышал. При виде ночного пожара в порту матросы не только не сочувствовали ему, но выражали негодование. 17-го утром с броненосца спрашивали по беспроволочному телеграфу: „где эскадра“, и перехвачена

[1]) Вероятно, „сообщила“.

телеграмма с „Ростислава“: „ясно вижу“. Потом появилась на горизонте эскадра, навстречу которой быстро двинулся „Потемкин“ в полной боевой готовности. Эскадра быстро скрылась за горизонтом. При встречном приближении эскадры „Потемкин“ снялся с якоря, но остался на месте. Эскадра прошла мимо его кольцом, при чем в то время, когда броненосцы приблизились, с них раздалось „ура“ команды. Тоже произошло при вторичном обратном проходе эскадры. Затем, к удивлению команды „Потемкина“, один броненосец „Георгий Победоносец“ отстал от эскадры, остановился и дал нам сигнал, что присоединяется к нам. Тотчас же туда отправлена миноноска для ареста офицеров; назвать лиц, бывших на миноноске, я не могу, так как их отправилось очень много и я не заметил всех. Когда офицеры на „Георгии“ были посажены в шлюпку, я отправился к нему, вместе с другими матросами. Здесь я присутствовал[1]) в выборе комиссии, но участия в нем (выборе) не принимал; указания же по поводу выбора комиссии давал потемкинский матрос. Затем я вернулся на „Потемкин“ и больше на „Георгий“ не ездил. 18-го утром было получено известие, что команда „Георгия“ собирается ехать к Севастополю. Для предупреждения последнего были посланы на „Георгий“ доктор Галенко и несколько матросов, с тем, чтобы они убедили команду „Георгия“ присоединиться всецело к „Потемкину“. Вскоре после их отъезда „Георгий“ дал сигнал, что идет к Севастополю и вслед затем снялся с якоря. На „Потемкине“ дали боевую тревогу, после которой „Георгий“ быстро вошел в гавань и стал на мель. В то же время на „Потемкине“ кто-то крикнул: „идем в Румынию!“ — и „Потемкин“ ушел в море. На переходе до Кюстенджи комиссией было составлено воззвание ко всем иностранным консулам под заглавием „ко всему цивилизованному миру“. Кем составлено это воззвание, я не знаю. Оно было отпечатано в нескольких экземплярах и передано румынским властям. Румынские власти предложили сойти с броненосца на берег, но матросы отказались и потребовали провизии и угля. В этом было отказано, после чего „Потемкин“ снялся с якоря.

---

[1]) В подлиннике первоначально было написано „участвовал“ и зачеркнуто.

România
Politia Orasului Constanta
Certificat

[illegible]

Potemkin [illegible]

[illegible]

Politia

Образец документов, выдаваемых Констанцской полицией матросам броненосца „Князь Потемкин“ на право жительства в Румынии.

При выходе оттуда не было никакого определенного решения о дальнейших действиях; решили только добыть уголь, зайдя с этой целью в Феодосию, или захватив встретившийся по дороге угольщик. По приходе в Феодосию были потребованы городские представители, для предъявления им требований о присылке провизии, и доктора для осмотра больных. По этому требованию прибыли городской голова с двумя членами и доктор, которые обещали похлопотать о доставке провизии и угля. Провизия действительно была доставлена, а уголь не разрешил начальник гарнизона.

В виду того, что на броненосце знали о том, что в гавани имеются суда с углем, на другой день отправили туда катер и миноноску с тем, чтобы они прибуксировали их к броненосцу. В числе матросов катера был и я. Лишь только матросы начали поднимать якорь судна, на берегу появилась пехота, без всякого предупреждения давшая залп по нас. С судна упал один матрос, и я бросился в воду с катера, чтобы спасти его. В это время катер ушел, и я направился к берегу, где и был арестован. О дальнейших событиях на броненосце мне ничего не известно. Кроме вышеуказанного воззвания к консулам, на броненосце было составлено обращение ко всем иностранным правительствам, в котором объявлялась полная неприкосновенность всем иностранным судам. Обращение было передано также румынским властям. Никаких прокламаций на броненосце не составлялось и таковых во время пребывания в Одессе не появлялось. Предъявленную мне прокламацию от команды броненосца „Князь Потемкин-Таврический“, вижу впервые сейчас. Показания записаны собственной рукой. Константин Исидорович Фельдман.

СПИСОК ЧЛЕНОВ КОМИССИИ ВОССТАВШЕГО БРОНЕНОСЦА „ПОТЕМКИН“.

(Сводка по следственному материалу, находящемуся в архиве Одесского Истпарта).

1. Матюшенко
2. Денисенко
3. Кулик
4. Дымченко
5. Костенко
6. Веденмеер
7. Соерыкин
8. Шендеров

9. Саводченко
10. Бредихин
11. Попруга
12. Логвинов
13. Никишкин
14. Резниченко
15. Заулошнев
16. Родин
17. Шестидесятый
18. Иваненко
19. Зайцев
20. Харитонов
21. Егоров
22. Мартыненко
23. Заволошин
24. Самойленко
25. Шевченко
26. Черницын
27. Алексеев (прапорщик)
28. Коваленко (механик)
29. Карпенко
30. Журавлев
31. Мурзак (боцман)
32. Орлов Кирилл (матрос)
33. „Кирилл“ (Бжезовский)[1] социал-демократ
34. Константин Фельдман („Иванов“) с.-д.
35. „Афанасий“ (Плесков) [2] социал-демократ
36. „Александр“ (находился 15-го и 16-го).

Кроме того 16—17 июня в состав комиссии входил доктор Галенко, потом переехавший на броненосец „Георгий Победоносец“, а с вечера 18-го, после отпадения „Георгия“, с последнего на „Потемкине“ был матрос Кошуба, принимавший затем видное участие вплоть до Феодосии.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ ПО ДЕЛУ ПОТЕМКИНСКОГО ВОССТАНИЯ [3]).

Обвинительный акт, которым предаются суду военно-морского суда Севастопольского порта: подпоручик корпуса Инженер-механик — Петр Калюжный, прапорщик по морской части — Дмитрий Алексеев, лекарь Алексей Галенко; старший боцман Филипп Мурзак, артиллерийский кондуктор Диомид Шопаренко и нижние чины: 37-го флотского экипажа, Иван Болдин, 36-го флотского экипажа,

---

[1]) По вопросу о том, кому принадлежал псевдоним „Кирилл“, в литературе замечается разногласие. Но по имеющимся в Истпарте сведениям можно сказать с значительной степенью достоверности, что Кириллом звался А. П. Березовский или Бжезовский, в настоящее время находящийся в Сибири.

[2]) „Афанасий“ съехал на берег 16 июня в 4 часа дня. По делу Объединенного Комитета с.-д. 1905—1906 г. (процесс 1906 г.) кличка „Афанасий“ принадлежала Плескову. Из трех членов комиссии с берега, от с.-д. делегирован был „Афанасий“, „Кирилл“ и Фельдман, как видно из их воспоминаний, явились на броненосец по собственной инициативе. Не выяснено, к какой организации принадлежал „Александр“.

[3]) Из дел военно-морского суда (архив в г. Николаеве).

Ефим Батьев, Еремей Белогрудов, Павел Волгин, Максим Выгуляр, Семен Горькавый, Дмитрий Голубов, Евдоким Горбачев, Сергей Гузь, Иван Гусенников, Дмитрий Демидов, Константин Дмитриев, Алексей Друзин, Иван Задорожный, Александр Заулошнев, Егор Журавлев, Иван Киселев, Николай Казаков, Павел Костюков, Николай Костенко, Федор Коровянский, Никита Корнилов, Феодосий Кошугин, Павел Ларионов, Федор Луцаев, Тихон Мартьянов, Василий Михайленко, Федор Мигачев, Евдоким Мищенко, Андрей Мураха, Емельян Мушенко, Филипп Неупокоев, Павел Носов, Егор Переверзев, Василий Прогорницкий, Герасим Раевский, Трофим Рыбас, Иван Сопрыкин, Иван Слонев, Николай Соловьев, Алексей Телепнев, Петр Третьяков, Андрей Трубников, Иван Угловой, Герасим Хаценко, Герасим Хвостов, Ефим Шевченко, Пахом Фатин, 33-го флотского экипажа: Николай Седаков; 28-го флотского экипажа: Василий Бондаренко, Яков Боярко, Михаил Ветренко, Яков Гончаров, Григорий Краснов, Петр Кунченко, Михаил Курта, Ефим Любимов, Иосиф Мельник, Егор Мухин, Василий Плотников, Николай Юдин, Василий Ходыкин и 13-го флотского экипажа: Иван Стрекалов [1]).

13 июня 1905 г. эскадренный броненосец „Князь Потемкин-Таврический" в сопровождении миноносца № 267 пришел из Севастополя в Тендру для производства, в присутствии прибывшей из Петербурга комиссии, опытной артиллерийской стрельбы. После отдыха ревизор броненосца, мичман Макаров, вместе с баталером Гаращенко, с двумя артельщиками и с двумя коками был послан на миноносце № 267 в Одессу для закупки провизии для команды, в числе которой мичманом Макаровым и было принято из одесского магазина Копылова 28 пудов мяса, по случаю существовавшей тогда в Одессе забастовки, хотя и не местного, а привозного убоя, срока 11 или 12 июня, тем не менее признанного, как мичманом Макаровым, так

---

1) По этому делу было привлечено 68 потемкинцев, но в это число не попало большинство активных участников и руководителей восстания, которые в это время были за границей. В руках самодержавия оказались преимущественно те матросы, которые участвовали в захвате угольника, и те, которые вернулись в Россию на „милость" правительства.

Из упоминаемых в обвинении акте лиц активную роль в восстании играли Ф. Мурзак, бывший членом Комиссии, выполнявший обязанности ст. офицера, Т. Мартьянов, участвовавший в походе за углем, Неупокоев, Завалишин, Костенко. Большинство же — рядовые матросы. Кроме того, в этот же процесс попали такие лица, как прап. Алексеев, доктор Галенко, подпоручик Калюжный, являвшиеся по существу враждебными восстанию, которые сыграли на „Потемкине" или откровенно предательскую роль (Галенко) или роль скрытых предателей и соглядатаев (Алексеев и Калюжный).

К этой группе суд, как видно из приговора, отнесся достаточно снисходительно.

и сопровождавшими его нижними чинами, а в том числе и артельщиком Григорашем, вполне пригодным к употреблению. По возвращении миноносца в ночь на 14 июня на Тендру, часть этого мяса была отпущена на дневную варку борща для команды, а оставшееся количество было подвешено в мешках на спардеке.

14 июня, незадолго до обеда, стоявшему на вахте за шканечного картирмейстера матросу Луцаеву кем-то из команды было замечено, что борщ сварен из плохого мяса, что почти вслед за этим подтвердил Луцаеву и артельщик Григораш. Луцаев доложил об этом заявлении на вахту, после чего, висевшее на спардеке мясо было освидетельствовано в присутствии мичмана Макарова старшим судовым врачем Смирновым, который нашел его в достаточной степени свежим, нуждавшимся лишь в промывке рассолом для удаления замеченных на нем местами личинок домашней мухи, в жаркое время года, вообще, легко появляющихся на всяком мясе. О результатах этого освидетельствования было доложено старшему офицеру, по распоряжению которого команде своевременно был дан обед, но лишь только началась в камбузе раздача борща по бакам, как туда вошел минный машинист квартирмейстер Матюшенко с несколькими нижними чинами, среди которых находился также матрос Гузь, которые не позволили команде разбирать борщ, говоря, что его есть не следует, потому что мясо было с червями, и затем те же нижние чины, войдя в батарейную палубу, не позволили, садящейся за обед команде спускать обеденные столы и стали выгонять ее из батарейной палубы. Это решение, ни в каком случае не есть борща, передавалось среди команды еще задолго до обеда, и некоторые из команды, находя борщ в этот день по вкусу ничем не отличающимся от обычного, даже советовались друг с другом подчиняться этому подстрекательству или нет, но когда Матюшенко со своими сообщниками стал открыто гнать всех из камбуза и батарейной палубы, то из страха перед ним часть команды, разбирая один хлеб, стала расходиться на бак, другие же стали пытаться пообедать украдкой. В то же время к вахтенному Луцаеву вновь явился артельщик Григораш и заявил ему, что команда жалуется на недоброкачественность борща, брать его не хочет, а вслед за Григорашем к Луцаеву подошли нижние чины машинной команды, — Матюшенко, Резниченко и Никишкин, которые подтвердили заявление Григораша, особенно настойчиво стали требовать от Луцаева, чтобы он доложил об этом вахтенному начальнику, что Луцаевым и было исполнено. Это заявление через старшего офицера, капитана 2-го ранга Гиляровского, было доведено немедленно до сведения командира броненосца,

капитана 1-го ранга Голикова, который сейчас же вышел на шканцы, приказал играть сбор и вызвал на шканцы врача Смирнова, а затем, когда команда выстроилась повахтенно обратился к ней с разъяснениями неосновательности выраженной ею претензии, после чего приказал желающим идти обедать — выйти из фронта. Во фронте же обеих вахт осталось свыше 30-40 нижних чинов. Вызвав караул, капитан 1-го ранга Голиков приказал старшему офицеру арестовать всех, стоящих на фронте[1]), но лишь только это приказание было отдано, как все эти нижние чины беспорядочной толпой, с криком „ура“, бросились в батарейную палубу, где стали ломать пирамиды и разбирать стоявшие в них винтовки, требуя патронов. Часть стоявшей вне фронта команды также устремилась за бунтовщиками в батарейную палубу, и тогда капитан 1-го ранга Голиков, приказав караулу зарядить ружья, велел находившимся на шканцах офицерам переписать всю оставшуюся тут команду, но лишь только он приступил к выполнению этого приказания, как из батарейной палубы выбежал Матюшенко с криком: „Что вы, братцы, неужли в своих стрелять будете“, разбил о палубу имевшуюся у него в руках винтовку и, бросив ее в сторону командира, прокричал: „Смотри, Голиков, будешь завтра висеть на ноке“. Капитан 1-го ранга Голиков приказал старшему офицеру взять часть караула и войти с ними в батарейную палубу, куда скрылся Матюшенко, но вслед за этим со спардека раздались ружейные выстрелы, которыми были убиты лейтенант Неупокоев и часовой у кормового флага. Все, находившиеся на шканцах, охваченные паникой, бросились к люку адмиральского помещения, куда спустился и капитан 1-го ранга Голиков, другие же стали бросаться за борт броненосца, ища, вплавь, спасения, на стоявшем за кормой миноносце, № 267 и невдалеке расставленных артиллерийских щитах, но со спардека и батарейной палубы по плывущим была открыта учащенная стрельба, во время которой были убиты находившиеся в воде лейтенант Григорьев, прапорщик Ливенцов и несколько нижних чинов. Оставшийся на шканцах капитан 2-го ранга Гиляровский, заслоняясь от открытой со спардека по шканцам стрельбы, стал с тремя нижними чинами из состава караула под прикрытием башни, но в это время из батарейной палубы выбежал комендор Вакуленчук и с винтовкой в руках направился к капитану 2-го ранга Гиляровскому, который, заметив его, выхватил

---

[1]) Из многочисленных воспоминаний и показаний известно, что возмущение на броненосце было вызвано не приказанием арестовать, а требованием брезента, которое было для матросов синонимом смертного приговора.

из рук одного из караульных винтовку и, выстрелив, ранил Вакуленчука, который после этого отбежал к порту, и, пошатнувшись, упал в воду[1]); со спардека же раздался новый залп, которым был убит капитан 2-го ранга Гиляровский. После этого на шканцах собралась значительная толпа нижних чинов с винтовками в руках, среди которых находились также: Луцаев, Мартьянов, Костенко, Прогорницкий, Кошугин, Задорожный и Заулошнев, которые с самого начала бунта вместе с зачинщиками бунта оставались одними из главных его руководителей, при чем Заулошнев и Мартьянов были вооружены револьверами и как они, так и Луцаев, старались ободрить команду и уговаривали ее продолжать бунт, указывая на то, что начато хорошее дело и что его надо довести до конца.

Собравшись на шканцах, эта толпа стала требовать к себе капитана 1-го ранга Голикова, но так как он не выходил, то Матюшенко при помощи других нижних чинов вывел его наверх из адмиральского помещения силой. Капитан 1-го ранга Голиков хотел что-то сказать окружавшей его на шканцах толпе, но Матюшенко не дал ему говорить и, крикнув „расступись“, выстрелил в него одновременно с несколькими другими бунтовщиками, после чего тело капитана 1-го ранга Голикова было выброшено за борт. Вслед за этим на шканцы были вызваны лейтенант Тон, к которому Матюшенко обратился с требованием снять погоны, когда же лейтенант Тон ответил на это Матюшенко: „Дурак, не ты их мне надел, не тебе их с меня и снимать“, Матюшенко ткнул лейтенанта Тона в погоны и в кокарду и проговорил: „Напились крови, а вот и вам пришел конец“, после чего отступил на несколько шагов, крикнул: „разойдись“ и выстрелил в лейтенанта Тона из винтовки. Тон, упав навзничь, выронил из рук револьвер и, лежа на палубе, стал пытаться достать его, но близ стоявшие бунтовщики и в числе их Гузь, сделали по нем еще несколько выстрелов, после чего тело лейтенанта Тона, так же как и тело капитана 2-го ранга Гиляровского и лейтенанта Неупокоева, добитого Матюшенко ружейным прикладом, было выброшено за борт, после чего бунтовщики бросились в офицерские каюты и разграбили как их, так и вещи убитых нижних чинов[2]).

---

[1]) Обв. акт старается изобразить дело так, будто Гиляровский, обороняясь, ранил Вакуленчука; в действительности инициатива нападения принадлежала Гиляровскому, и Вакуленчук вовсе не упал в воду, а умер от раны, нанесенной Гиляровским.

[2]) Здесь лживость обвинительного акта доходит до грязной и нелепой клеветы на восставших матросов. Конечно, никакого расхищения не было, офицерам еще выдали по 100 руб. на руки, а жене Гиляровского послали 1000 р.

В кают-компании ими был найден мичман Вахтин который был избит обломками стульев и затем отправлен в бессознательном состоянии в судовой лазарет, тут же был ранен и судовой священник Пармен, которого один из бунтовщиков ударил прикладом по лицу. Раненный кем-то в живот старший врач Смирнов ушел в свою каюту и лег на койку, куда для перевязки к нему пришел судовой фельдшер Бринк, но заметившие это бунтовщики стали требовать, чтобы Бринк шел к раненным из команды и, когда Бринк, исполняя это требование, ушел от доктора Смирнова, то бунтовщики наполнили его каюту, при чем кто-то из них спросил доктора Смирнова: „Ну, что, мясо-то хорошее было? вот мы тебя на котлеты изрубим"; вскоре после чего, уже после съемки броненосца с якоря, они вынесли его на верхнюю палубу и с криком: „раз, два, три", — выбросили его живого за борт [1]). Все, оставшиеся затем на судне в живых, офицеры и все кондуктора были отведены в свои кают-компании и арестованы там с приставлением ружейных часовых, причем надзор за арестованными кондукторами был возложен бунтовщиками на машиниста Мартьянова.

Решением бунтовщиков заместителями главных судовых должностей вместе с другими были избраны: прапорщик Алексеев — судовым командиром, кондуктор Мурзак — старшим офицером, кондуктор Шопаренко — артиллерийским офицером, квартирмейстеры Волгин и Коровянский — вахтенными начальниками. Никто из этих чинов не противился своему избранию и возложенные на них обязанности они выполняли при всех последующих рейсах по портам Черного моря.

Все, происшедшее на броненосце „Князь Потемкин", было немедленно замечено вахтенными стоявшего у него за кормой в расстоянии одного кабельтова миноносца № 267, которые немедленно доложили его командиру, лейтенанту барону Клодт-фон-Юргенсбург, что среди команды броненосца происходит бунт. Выйдя наверх и убедясь в справедливости этого доклада, лейтенант Клодт решил сняться с якоря и уйти от броненосца, но приступить к выхаживанию якоря не представлялось возможности, так как миноносец стали обстреливать с броненосца ружейным огнем. При намерении обрубить канат—его не взяло зубило, не помог также и задний ход машины, когда же было решено высучить канат за борт, то его захлестнуло на вьюшке. Заметив движение миноносца и опасаясь быть им взорванными, бунтовщики стали требовать, чтобы он подошел к борту броненосца, открыв затем по миноносцу огонь из 47 и 75-миллиметровых орудий. Видя, что сняться с якоря

[1]) Смирнов, как известно, сам покончил с собой, а священник ударился, упавши в суматохе и будучи, по обыкновению, пьян.

не удастся, лейтенант Клодт, отчасти уступая требованиям своей команды, просившей его не губить заранее миноносец, отправился на броненосец, где на палубе увидел прапорщика Алексеева и толпу матросов, которые подхватили его на „ура“ и, затем, предложили ему исполнять на броненосце обязанности старшего офицера, от чего лейтенант Клодт, однако-же, решительно отказался и тогда с него были сняты погоны [1]), и он был оставлен на броненосце, на котором к этому времени наступило сравнительное спокойствие. Был сварен новый обед, были окачены и отмыты от кровяных пятен палубы, после чего главари бунта решили итти в Одессу в расчете, что происходящее там в то же время брожение среди рабочего населения позволит им легче пополнить запасы угля и провизии [2]). В четыре часа дня броненосец снялся с якоря и направился в Одессу под управлением прапорщика Алексеева, которому в прокладках курса помогал также матрос Костенко. Миноносцу № 267 было приказано идти совместно. На этом переходе мятежники выбрали из своей среды комиссию, на которую возложили обязанность управления всеми судовыми делами. В состав этой комиссии вместе с другими нижними чинами вошли: фельдфебель Михайленко, писарь Сопрыкин, Заулошнев, Задорожный, Гузь, Луцаев и Мартьянов [3]). Эта комиссия завладела судовой кассой, в которой оказалось 21.391 р. 50 1/2 коп. казенных денег и 683 р. 87 коп., принадлежащих технологу Харькевичу. Касса была взломана в присутствии прапорщика Алексеева, который, после проверки денег бунтовщиками, оставил на хранение ключ у себя. По требованию и при участии этой же комиссии писарем Сопрыкиным тогда же было составлено и отпечатано на машинке описание происшедшего на броненосце, которое предлагалось затем для подписи всем арестованным на броненосце офицерам. Около восьми часов вечера броненосец, в сопровождении миноносца № 267, пришел в Одессу и стал на внешнем рейде. Все, выбранные в комиссию, нижние чины собрались в адмиральском помещении, и здесь было решено послать на берег депутацию для установления сношений с рабочей партией и для приглашения на броненосец лиц, способных руководить его дальнейшими действиями. На другой день, 15 июня, в 6 час. утра, под прикрытием вооруженной команды, на берег был свезен труп убитого матроса Вакуленчука, который, покрытый военным флагом, был положен на

---

1) Никто обязанностей старшего офицера Клодту не предлагал.

2) Обв. акт сознательно затушевывает тот факт, что движение на Одессу имело целью революционную поддержку одесскаго пролетариата, а не только снабжение корабля.

3) Как видно из имеющегося в деле и выше помещенного списка, большинство здесь упоминаемых лиц в комиссию, в действительности, не входило.

набережной Нового мола с запиской следующего содержания: „Гг. одесситы, перед вами лежит труп зверски убитого старшим офицером броненосца „Князь Потемкин - Таврический“ матроса Вакуленчука, за то, что он осмелился заявить, что борщ никуда не годится. Товарищи, осеним себя крестным знамением и постоим за себя. Смерть угнетателям, смерть вампирам, да здравствует свобода... Команда броненосца „Князь Потемкин - Таврический“. Один за всех и все за одного. Ура! Ура! Ура! „На трупе была положена и прокламация революционного содержания. Нижние чины с миноносца, катера и шлюпки, обращаясь к собравшейся на берегу толпе, возбуждали ее воззваниями к восстанию против правительства, приглашая действовать в этом направлении совместно с командами военных судов и гарантируя ей безопасность обещаниями не допустить в порт береговое войско и полицию, угрожая, в противном случае, бомбардировать город. Около восьми часов утра — старший помощник Одесскаго торгового порта, Герасимов, вместе с товарищем прокурора и помощником пристава портового участка Федоровым на портовом катере, подходили к шлюпке и катеру с броненосца, с целью опроса, но на обращенные к ним вопросы, находившиеся на этих судах, нижние чины отвечали бранью и с угрозой брали ружья на изготовку. В виду этого, дальнейшие попытки вступить в переговоры были прекращены. Около 10 часов утра миноносец, сопровождаемый паровым катером с вооруженными матросами на них, силою взял на буксир стоявший у набережной Новой гавани груженый углем купеческий пароход „Эмеранс“, швартовые которого по приказанию с миноносца были обрублены на берегу чернорабочими. Толпа рабочих около 300 чел. взошла на пароход, который на буксире миноносца был отведен к броненосцу и ошвартовался у его борта около 12 часов дня, при чем находившимися на нем рабочими, было нагружено на броненосец 15.000 пуд. угля. В этот же день, с утра, к броненосцу подъезжали частные шлюпки, которые доставили на броненосец много посторонних посетителей, среди которых многие были одеты в форму студентов. Посетители произносили речи противоправительственного характера, указывая, что прибытие Потемкина, подняло дух революционной партии города Одессы и старались разжечь мятежное настроение команды. В числе прибывших находились: член Комитета революционной рабочей партии[1]) гор. Одессы, именовавшийся

[1]) Удивляет безграмотность составителей обв. акта, которые не знали даже настоящего названия „революционной рабочей партии“, к которой принадлежали „Кирилл“ и Фельдман и многие из мятежных матросов.

Кириллом, и Алешковский мещанин, Константин Фельдман, называвший себя студентом Ивановым, которые, переодевшись в матросское платье, остались на броненосце. Около шести час. вечера на рейд пришло из Николаева-порт судно „Веха“. Став на якорь, командир „Вехи“, полковник корпуса флотских штурманов, Эйхен, ничего не подозревая, отправился на броненосец со строевым рапортом, при чем, едва полковник Эйхен поднялся на палубу „Потемкина“, как сейчас же был окружен вооруженными винтовками бунтовщиками, которые отняли у него саблю и затем отвели в адмиральское помещение, где сначала предложили ему присоединиться к мятежу, объясняя, что они упразднили начальство, что к ним присоединится и Черноморская эскадра и будет новый республиканский флот, а после его отказа насильно сняли с него погоны. Через некоторое время на броненосец были доставлены все прочие офицеры „Вехи“ и судовая касса, с находившимися в ней 1.400 руб. казенных денег, которыми завладели мятежники. Около девяти часов вечера того же дня полковник Эйхен и прочие офицеры „Вехи“ с согласия бунтовщиков, съехали на частных шлюпках на берег, за исключением доктора Королева, который по просьбе команды „Вехи“ был оставлен на судне при лазарете. Утром 16-го Матюшенко предложил оставшимся на броненосце „Потемкин“ офицерам съехать на берег, для чего к правому трапу был подан паровой катер, на котором Матюшенко и свез всех офицеров за исключением прапорщика Алексеева, поручика Коваленко, подпоручика Калюжного и лекаря Галенко, оставшихся на броненосце: Алексеев по требованию команды, а остальные трое — добровольно. В то же время были освобождены кондукторы, которых, однако, предупредили, что они, под страхом смерти, не должны вмешиваться в распоряжения комиссии, управляющей броненосцем. На „Веху“ было доставлено с „Потемкина“ 12 человек больных и раненых нижних чинов, при чем на судне было приказано поднять два флага с красным крестом и накрасить кресты на дымовой трубе. Утром же 16 июня мятежники послали на берег судового священника, отца Пармена, и депутацию нижних чинов, с Константином Фельдманом во главе, просить разрешения на похороны трупа Вакуленчука. По получении его, с броненосца были отправлены в порт для участия в похоронах назначенные для этого боцманом Мурзаком 12 низших чинов, к которым добровольно присоединились еще 8 чел. матросов. В сопровождении этих чинов и громадной толпы народа, тело Вакуленчука на катафалке было перевезено для отпевания с набережной мола в Приморскую Николаевскую церковь, а затем, сопровождаемое той же толпой, погребено на городском кладбище, при чем находившиеся в толпе революционеры

произнесли над могилой несколько речей. К этому времени, по распоряжению городских властей, ведущие в порт улицы были заняты войсками и, когда участвовавшие в похоронной процессии низшие чины броненосца „Потемкин“ возвращались на извозчиках на свои шлюпки, эти войска открыли по ним стрельбу, во время которой некоторые из низших чинов были ранены, другие же, соскочившие с извозчиков — разбежались. Из них Выгуляр и Раевский, в 12 час. ночи в тот же день добровольно явились в Управление Одесскаго Воинского Начальника, а Рыбыс и Фатин были задержаны около 11 час. патрулем сухопутного войска в гавани. В этот же день, днем, члены комиссии собрали всю команду на шканцы, и Константин Фельдман произнес речь, в которой объяснил, что народ на берегу, так же как и „Потемкин“, восстал против правительства, что армия готова к ним присоединиться и ожидает только сигнала со стороны „Потемкина“, каковым сигналом должна послужить бомбардировка броненосцем города. То же самое говорил агитатор Кирилл и минно-машинист квартирмейстер Матюшенко. Большинство голосов склонилось в пользу бомбардировки, при чем было решено стрелять в дом командующего войсками и в городской театр, в котором, по утверждению Кирилла, происходило заседание городских властей. После принятия этого решения, броненосец снялся с якоря и, отойдя на некоторое расстояние, открыл огонь, сделав из 47-миллиметровых орудий три холостых и два боевых выстрела, из коих один — разрывным снарядом. Затем броненосец возвратился на свое место и стал на якорь. Около 9 час. вечера на паровом катере съехали на берег Константин Фельдман и квартирмейстер Матюшенко, взяв с собой кормовой андреевский флаг. По прибытии на берег, они обратились к бывшему на бульваре генералу Карангозову с требованием о немедленном прибытии на броненосец командующего войсками, градоначальника, городского головы и представителей города для выслушания требований команды, причем Фельдман, обращаясь с этим требованием, предупредил, что невозвращение их к 11 часам вечера может вызвать неприятные для города последствия. После переданного генералом Карангозовым отказа командующего войсками исполнить требование мятежников, названные представители их вернулись на броненосец. 17 июня, в 7 час. утра, к стоявшему в гавани ледоколу Русского Общества Пароходства и Торговли „Смелый“ подошел паровой катер „Потемкина“ с вооруженной командой, которая потребовала, чтобы „Смелый“ подошел к борту броненосца. Капитан ледокола Кривоходкин исполнил это требование, при чем, когда он пристал к броненосцу, на ледокол вступили 12 вооруженных низших чинов; ледоколу было приказано идти на Тендру, узнать

численность и состав судов шедшей из Севастополя, эскадры. Отправившись на разведку и открыв вскоре показавшиеся на горизонте три броненосца, ледокол, по требованию бывшей на нем потемкинской команды, возвратился обратно на рейд, а „Потемкин“, снявшись с якоря, пошел навстречу подходившему к Одессе отряду контр-адмирала Вишневецкого. Отряд этот, не дойдя до Одессы, повернул обратно и скрылся за горизонтом, после чего „Потемкин“ вернулся в свою очередь на рейд и стал на якорь. В 12-ом часу дня в виду Одессы показалась практическая эскадра под начальством вице-адмирала Кригера, в составе пяти броненосцев и шести миноносцев, при приближении которой „Потемкин“ снова снялся с якоря, пробил боевую тревогу и, в полной боевой готовности, пошел навстречу эскадре. Не исполняя сигнала адмирала и продолжая идти полным ходом, броненосец „Потемкин“ прорезал линию судов эскадры, шедшей в строю фронта, при чем при расхождении, команда прокричала на нем „ура“, на что в ответ последовали такие же крики со стороны команды, входившего в состав эскадры, броненосца „Георгий Победоносец“. Эскадра повернула на 16 румбов и пошла вслед за „Потемкиным“, последний же, заметив этот маневр, в свою очередь повернул обратно и, пройдя строй эскадры, удалился к Одессе. В это же время на броненосце „Георгий Победоносец“ вспыхнуло возмущение со стороны команды, которая завладела кораблем и вывела его из строя. Когда эскадра скрылась из вида, к „Георгию Победоносцу“ подошел миноносец № 267, с которого перешли на палубу „Георгия Победоносца“ несколько вооруженных низших чинов потемкинской команды и с ними вместе Кирилл, Фельдман и Матюшенко, которые стали говорить команде речи, призывая ее присоединиться к поднятому „Потемкиным“ делу и указывая на необходимость немедленного ареста всех офицеров. Речи эти произвели свое действие, и все офицеры были арестованы командой, обезоружены и под конвоем свезены на берег, после чего на броненосце, для заведывания всеми судовыми делами, был избран комитет из двадцати человек низших чинов. Часть этих выборных в тот же день отправилась на „Потемкин“, в адмиральском помещении которого между всеми главарями бунта состоялось предварительное совещание относительно дальнейших действий обоих броненосцев. На этом совещании присутствовал также доктор Галенко, который на другой день, 18 июня, вместе с некоторыми низшими чинами бр. „Потемкина“, среди которых находился также Мурзак и Заулошнев, ездил два раза на „Георгий Победоносец“ для обсуждения того же вопроса с командой его, при чем он то уговаривал команду прекратить бунт и идти в Севастополь для явки начальству, то

говорил, что он знал много неправды и решил соединиться с командой, чтобы требовать общего равенства. Большая часть команды „Георгий Победоносец“ не пожелала, однако, перейти на сторону бунтовщиков и, когда на нем было замечено, что бр. „Потемкин“ приступил к погрузке угля с парохода „Петр Регир“, силой подведенного к нему из гавани боцманом Мурзаком, посланным за ним в сопровождении вооруженной команды, то „Георгий Победоносец“ снялся с якоря и ушел в море для следования в Севастополь [1]). После сигнала с бр. „Потемкин“: „буду стрелять“, „Георгий Победоносец“ должен был повернуть обратно, но пройдя мимо бр. „Потемкин“, он дал полный ход и, с намерением сдаться властям, вошел в Одесскую гавань, при чем доктор Галенко [2]), заметив с мостика этот маневр, крикнул команде, указывая на боцмана Кузьменко: „Братцы, это измена! Чего вы смотрите? бросьте его за борт!“ Часть команды бросилась на Кузьменко, но броненосец в это время находился уже в гавани, где и стал на якорь. Между тем „Потемкин“, прервав нагрузку угля, снялся с якоря и направляясь в море, сделал сигнал, чтобы миноносец № 267 и „Веха“, приняв уголь с „Петра Регира“, следовали за ним. Закончив погрузку, миноносец скоро догнал броненосец „Потемкин“, а „Веха“, воспользовавшись наступившей мглой, направилась в Очаков, а оттуда в Николаев, где и отдалась в распоряжение командира Николаевского порта. 19-го числа того же июня, в 5 часов пополудни, „Потемкин“ и миноносец № 267 прибыли в румынский порт Кюстенджи и стали на якорь на наружном рейде. Прибывшему на броненосец командиру нашего стационера транспорта „Псезуапе“, капитану 2-го ранга Банову, мятежники, объяснив случившееся, на „Потемкине“, объявили, что у них выбрано 20 товарищей, которые управляют броненосцем, и что они объявили войну самодержавию. По возвращении на транспорт капитан 2-го ранга Банов узнал, что съехавшие на берег нижние чины бр. „Потемкин“ намереваются склонить его команду присоединиться к мятежу, в случае же несогласия и попытки транспорта уйти — решили потопить его, в виду чего капитан 2-го ранга Банов приказал развести пары и ввел ночью транспорт в гавань. В ту же ночь миноносец № 267 сделал попытку войти туда вслед за транспортом, но был остановлен выстрелами с румынского крейсера „Елизавета“, после чего миноносец вернулся к „Потемкину“ и стал у него

[1]) Дело в том, что пароход „Петр Регир“ заградил „Георгия Победоносца“ от „Потемкина“ и этим дал „Георгию“ возможность незаметно сняться с якоря.

[2]) Тут обв. акт взводит совершенную напраслину на д-ра Галенко, который, как известно, был самым активнейшим изменником делу восстания.

на бакштове[1]). Утром 20 июня бунтовщики послали во все иностранные консульства отпечатанные на пишущей машине следующия заявления: „Ко всем Европейским державам. Заявление. Команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин-Таврический“ начала решительную борьбу против русского самодержавия. Оповещая о том, все Европейские правительства, мы считаем своим долгом заявить, что мы гарантируем полную неприкосновенность всем иностранным судам, плавающим по Черному морю и всем иностранным портам, здесь находящимся“. Под заявлением сделана подпись „Команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин-Таврический“ и приложена судовая гербовая печать. В час дня броненосец, имея миноносец на буксире, снялся с якоря и ушел в море. 22 июня в 7 час. утра „Потемкин“ и миноносец № 267 подошли к Феодосии и стали на якорь на внешнем рейде. В 8 час. утра с подъемом флага, броненосец расцветился флагами, при чем, по распоряжению бывших на броненосце агитаторов, на гафеле был поднят изготовленный на последнем переходе красный щит с надписями, с одной стороны — „да здравствует народное правление“, а с другой — „свобода,равенство и братство“. Вслед за этим с „Потемкина“ были посланы на берег миноносец и катер, и находившимися на них бунтовщиками было заявлено требование мятежной команды, чтобы на броненосец прибыла депутация города и врач. Требование мятежников было исполнено, и на броненосец, на портовом судне „Кафа“ прибыла депутация в составе городского головы, Дуранте, гласного Думы Соломона Крыма и городского врача Муралевича. Депутация была введена в адмиральское помещение, где бунтовщики предъявили требование о немедленной доставке продовольствия, воды и угля; кроме того, бунтовщики требовали созвать экстренное заседание Думы для доклада предъявленного ими городским представителям воззвания, озаглавленного: „Ко всему цивилизованному миру“. Дав обещание доставить провизию и уклонившись от определенных ответов на прочие предложения, депутация съехала на берег. Во втором часу дня с броненосца вторично прошел катер, при чем бывшие на нем бунтовщики, вызвав городского голову, заявили ему, что примут решительные меры, если немедленно не получат требуемой провизии, и, только уступая просьбам головы согласились ожидать доставки таковой еще в течение двух часов. В 4 часа дня к берегу подошел тот же катер в сопровождении миноносца, которые взяли на буксир нагруженное продовольствием судно „Запорожец“ и отвели его

[1]) Это происшествие выдумано, очевидно, для поднятия авторитета Банова, который держал себя, как известно, при явке на броненосец без достаточного самообладания и дал „веселое представление“ матросам своим испугом.

к броненосцу. В час ночи на 23 июня городской голова снова получил от бунтовщиков письменное требование доставить на броненосец уголь, с угрозами, в противном случае, бомбардировать город вследствие чего, голова, донося об этом Министру Внутренних Дел по телеграфу, в то же время оповестил жителей об угрозах бунтовщиков, рекомендуя всем покинуть город; 23 июня, в восемь часов утра, в порт пришел паровой катер с броненосца и бывшие на нем люди объявили, что, если уголь не будет отпущен, то команда броненосца возьмет его силой. После этого предупреждения катер отошел к „Потемкину", а полчаса спустя вернулся в порт в сопровождении миноносца, под охраной которого подошел к стоявшим у набережной двум баржам с углем, принадлежавшим частным лицам, с намерением завладеть ими и увести к броненосцу. С этой целью на баржи перешло несколько мятежников, которые тотчас же стали выбирать якоря. В это время роте, стоявшей на берегу, и имевшей приказание не допускать сношение бунтовщиков, с берегом, было приказано открыть огонь по катеру и миноносцу. После первого залпа несколько человек с первого катера упало в воду, а находившиеся на баржах люди попрятались в трюмы. Затем был дан второй залп по миноносцу, после чего катер и миноносец стали удаляться, при чем с последнего было сделано несколько выстрелов по направлению стрелявшей роты из орудий Гочкиса. При осмотре барж военными властями на них были обнаружены матросы: Заулошнев, Горбачев и Мартьянов, а затем к тем же властям явился сам бежавший с парового катера, после открытия по нем стрельбы, матрос Болдин[1]). Когда катер и миноносец приблизились к броненосцу, среди мятежников поднялось волнение.

Агитаторы подстрекали команду бомбардировать город, но большинство команды на это не соглашалось и потребовало итти в Румынию, чтобы там высадиться на берег. В час дня броненосец снялся с якоря и, взяв на буксир миноносец, направился к Кюстенджи, куда и прибыл в 12-му часу ночи 24 июня. На следующий день, после переговоров с румынскими властями, броненосец был введен в гавань, команда его была свезена на берег и на место ее вступило румынское войско, которое спустив русский флаг, вымпел и гюйс, подняла таковые же румынские. Миноносец № 267 не пожелал сдаться румынским властям, и, по требованию сих властей, в 5 час. дня снялся с якоря для следования в Севастополь. Сошедшая на берег команда броненосца „Потемкин" унесла с собой судовую кассу, каковую в тот же

---

[1]) Почему-то обв. акт ничего не говорит о захвате Фельдмана и Кошуба, происшедшем в этот же момент.

день Матюшенко разделил между командой. Не пожелавшие возвратиться в Россию бунтовщики были румынскими властями разделены на партии и немедленно отправлены из Кюстенджи в предназначенные им для жительства места. 26 июня на рейд Кюстенджи пришел отряд под начальством контр-адмирала Писаревского. Желавшие возвратиться в Россию 48 чел. команды „Потемкина“, с разрешения адмирала Писаревского, были посажены на бр. „Князь Потемкин-Таврический“, принятый адмиралом Писаревским от румынских властей, а прапорщик Алексеев и инженер-механик Калюжный были взяты на бр. „Чесма“. Броненосец „Потемкин“ был отведен адмиралом Писаревским в Севастополь, а миноносец № 267 прибыл туда же несколько ранее того. Затем в Севастополь возвратилось еще 62 человека той же команды и, таким образом, из общего числа 763 человек, команды бр. „Князь Потемкин-Таврический“ в наличии экипажа осталось 110 чел., из которых во время вооруженного восстания, происшедшего в командах Черноморских экипажей с 11 по 15 ноября с. г., инструктор Мурмов и матрос Шепилов были убиты на крейсере „Очаков“, куда насильственным образом были доставлены с учебного судна „Прут“, на котором они содержались под стражей, командой этого крейсера, примкнувшей к восставшим экипажам, а квартирмейстер Короткий и Калинский и матросы Шастко и Дунин, при тех же условиях, доставленные на крейсер „Очаков“, после усмирения мятежа на нем, остались неразысканными.

Произведенным по настоящему делу следствием установлено, что вооруженное восстание на броненосце „Князь Потемкин-Таврический“ произошло под влиянием общей противоправительственной пропаганды, проникшей в морские команды, и было подготовлено заранее на сходках за Малаховым курганом и в Инкермане, в которых принимали участие и частные лица, где и было решено поднять восстание одновременно на всех судах Черноморской флотской дивизии, во время пребывания ее на Тендре, почему преждевременное восстание на бр. „Князь Потемкин“ явилось случайным, вызванным, по объяснению самих бунтовщиков, неожиданным употреблением против них оружия, при заявлении ими претензии на недоброкачественность пищи.

Тем же следствием было установлено, что участие в вышеописанном возмущении принимали следующие чины: прапорщик по морской части—Дмитрий Алексеев, младший врач Алексей Галенко, старший боцман — Филипп Мурзук, артиллерийский кондуктор — Диомид Шепоренко и нижние чины: Александр Заулошнев, Сергей Гузь, Тихон Мартьянов, Иван Задорожный, Евдоким Горбачев, Иван Болдин, Федор Луцаев, Ефим Шевченко, Феодосий Кошугин, Василий

Прогорницкий, Дмитрий Голубов, Герасим Раевский, Максим Выгуляр, Пахом Фатин, Филипп Неупокоев, Иван Гусенников, Иван Сопрыкин, Василий Михайленко, Егор Журавлев, Емельян Мухин, Николай Седоков, Феодор Коровянский, Павел Волгин, Андрей Трубников, Павел Ларионов, Иван Слонев, Ефим Батиев, Павел Костюков, Еремей Белогрудов, Егор Переверзев, Алексей Телепнев, Герасим Хвостов, Иван Угловой, Иван Стрекалов, Дмитрий Демидов, Алексей Друзин, Евдоким Мищенко, Иван Киселев, Никита Корнилов, Павел Носов, Николай Казаков, Петр Третьяков, Герасим Хаценко, Семен Гарькавый, Михаил Курта, Николай Юдин, Яков Гончаров, Петр Кунченко, Григорий Краснов, Яков Боярко, Иосиф Мельник, Василий Бендосенко, Ефим Любимов, Михаил Ветренко, Василий Ходыкин, Василий Плотников, Егор Мухин, Трофим Рыбас, Николай Костенко, Федор Митачев, Афанасий Озеров, Николай Озеров.

Кроме того, в качестве обвиняемого по настоящему делу был привлечен корпуса инженер-механиков подпоручик Петр Калюжный, изобличенный в том, что оставшись добровольно после вспыхнувшего мятежа на бр. „Князь Потемкин-Таврический“, он никаких мер к усмирению его со своей стороны не принял, в чем и признал себя виновным [1]).

На основании изложенного обвиняются:

1) Подпоручик корпуса инженер-механиков Петр Калюжный в том, что состоя вахтенным механиком на эскадренном броненосце „Князь Потемкин-Таврический“, он, будучи арестован вместе с другими офицерами при вспыхнувшем на броненосце 14 июня с. г. восстании команды, добровольно согласился остаться на нем, после отъезда с него большинства, после чего был освобожден из-под ареста, а затем присутствовал на заседаниях избранного мятежниками из своей среды для управления судовыми делами комитета, и хотя, и не принимал непосредственного участия в решении обсуждавшихся в нем вопросов, тем не менее не принял со своей стороны никаких мер к прекращению мятежа, т. е. в преступном деянии пред. 144 и 145 ст. В. М. Уст. о Нак.

2) Младший врач Алексей Галенко в том, что, состоя младшим судовым врачем на эск. бр. „Кн. Пот.-Тавр.“, он добровольно остался 16 июня с. г. на названном броненосце, после вспыхнувшего на нем восстания команды, присутствовал на совещаниях выбранного мятежниками из своей среды комитета, произносил команде броненосца речи, в которых между прочим, выразил следующее: „Мой отец мужик, и я такой же мужик, как и другие, только получил образование и знаю все нужды ваши. Что задумали делать, то

---

[1]) Опускаем выписки из послужных списков, не представляющие интереса.

и надо продолжать и держаться твердо один другого“, при чем упомянул о необходимости народного представительства; после присоединения бр. „Георгий Победоносец“ к бр. „Князь Потемкин-Таврический“, ездил на первый из них, а также произносил речи команде, в которых заявлял о том, что если Одесса не даст провианта бр. „Потемкин“, то он будет бомбардировать ее и, что тогда „Георгий Победоносец“ должен принять участие в этой бомбардировке, а затем в другой речи он выразился: „Я узнал много неправды и решил соединиться с вами, чтобы потребовать, чтобы все были равны. Вы сами видите, какая неправда, все это надо искоренить“, когда же команда в ответ на это заявила о своем желании идти в Севастополь, чтобы предъявить свои требования начальству, то врач Галенко спросил ее: „Чтобы борщ был лучше, или чтобы на берег пускали чаще?“ Заметив затем с мостика, что бр. „Георгий Победоносец“, отдалившись от „Потемкина“, направляется в Одесскую гавань, крикнул команде: „Братцы, измена, чего вы смотрите, бросьте его с мостика“. После чего на боцмана Кузьменко, управляющего броненосцем, бросились несколько человек матросов, т. е. преступном деянии, предусмотренном 51 и 100 ст. Угол. Улож.

Все остальные поименованные чины в том, что с 14-го по 26 июня с. г., принимали участие в восстании команды бр. „Кн. Пот.-Тавр.“, имевшем целью ниспровержение существующего в России образа правления, при чем участие это выразилось в следующих их действиях.

3) Прапорщик по морской части Дмитрий Алексеев, состоя командиром I-й роты команды названного бр., согласился на предложение бунтовщиков принять на себя командование броненосцем и довести его до ближайшего порта, после чего распоряжался броненосцем, как действительный его командир; при переходе с Тендры в Одессу, находился на судовом мостике и управлял броненосцем. По приходе в Одессу, принимал участие в решении вопросов о посылке в город дессанта и об открытии по городу бомбардировки [1]), во время которой находился в боевой рубке; в своем присутствии дозволил взломать судовую кассу и, по проверке бунтовщиками находящихся в ней денежных сумм, оставил ключ от нее у себя. При подходе к бр. катера с свозившимися мятежниками с бр. „Георгий Победоносец“ офицерами встретил их на трапе с вопросом: „Разве между офицерами „Георгия“ нет желающих остаться с нами?“. После принятия на бр. угля с частного парахода „Эмеранс“

[1]) По воспоминаниям Фельдмана видно, что Алексеев в решении вопроса участия не принимал, но вместе с Ведермеером старался бомбардировку сорвать

разрешил дать грузившим уголь рабочим водку и табак; производил казенными суммами расчеты с поставщиками за поставки на броненосец; по доставлении с „Вехи“ на броненосец судовой кассы, потребовал у полковника Эйхен ключ от нее и, когда он был доставлен на броненосец, взял его себе.

4) Матрос Гузь 14 июня, перед обедом запрещал команде брать борщ, уверяя, что он сварен из мяса с червями; при начале бунта одним из первых вооружился винтовкой и затем распоряжался на броненосце наравне с другими главарями бунта; поносил на шканцах бранными словами командира I-го ранга Голикова и грозил убить его; после невыполнения лейтенантом Тоном обращенного к нему требования снять погоны, выстрелил в него вместе с другими бунтовщиками, вместе с которыми выбросил труп его за борт; стоял на часах при арестованных в кают-компании судовых офицеров, состоял в избранном мятежниками из своей среды для управления судовыми делами комитета.

5) Матрос Ефим Шевченко—участвовал в убийстве судовых офицеров.

6) Матрос Александр Заулошнев—был одним из главных руководителей бунта, при самом начале его вооружился винтовкой и примкнул к толпе зачинщиков, затем с револьвером в руках ходил по броненосцу, розыскивая Зибалева и Бурдюкова и грозя убить их; состоял в выбранном мятежниками распорядительном комитете, произносил команде одобряющие бунт речи, участвовал в составлении воззваний, раздававшихся затем в Одессе; принимал участие в переговорах с командой бр. „Георгий Победоносец“ о присоединении ее к восстанию на бр. „Потемкин“; съезжал вооруженный винтовкой в Одессе на берег и участвовал в похоронах Вакуленчука; вместе с другими бунтовщиками пытался в Феодосии овладеть частной баржей с углем для доставления ее к бр. „Потемкин“.

7) Матрос Федор Луцаев один из первых вооружился винтовкой и примкнул к толпе начавших бунт мятежников; призывая команду продолжать бунт и бороться за свободу, указывая на необходимость иметь начальство, избранное из среды самой команды, упрекал сомневавшихся в успешном исходе восстания, распоряжался броненосцем сообща с остальными главарями бунта, состоял в избранном мятежниками комитете.

8) Минный машинист Тихон Мартьянов — один из первых вооружился винтовкой и примкнул к толпе начавших бунт мятежников, а затем вооружился револьвером и распоряжался на броненосце, сообща с остальными главарями бунта; принял на себя надзор за арестованными в своей кают-компании кондукторами; приходя к ним, одобрительно

отзывался о восстании судовой команды и говорил, что теперь все стали равны; состоял в избранном мятежниками из своей среды распорядительном комитете; сообща с другими бунтовщиками пытался завладеть в Феодосии частной баржей с углем, на которой и был задержан.

9) Матрос Николай Костенко во время бунта команды был вооружен винтовкой; при переходе броненосца с Тендры в Одессу помогал в управлении им; услыхав на пароходе в Кюстенджи о побеге с бр. „Князь Потемкин - Таврический" нескольких человек низших чинов, высказывал необходимость повесить их.

10) Комендор Иван Задорожный—одним из первых вооружился винтовкой и примкнул к толпе начавших бунт мятежников; состоял в избранном мятежниками из своей среды распорядительном комитете; ездил в Феодосию на берег с винтовкой.

11) Машинист Феодосий Кошугин — одним из первых вооружился винтовкой и находился в толпе начавших бунт мятежников; выскочил затем на шканцы, крикнул: „бей караульного начальника, он стрелял".

12) Кочегар Василий Прогорницкий — одним из первых вооружился винтовкой и находился в толпе начавших бунт мятежников; по поручениям избранного мятежниками комитета, съезжал с броненосца вооруженный винтовкой.

13) Старший боцман Филипп Мурзак — по предложению мятежников принял на себя обязанности старшего офицера броненосца и выполнял их в продолжение всего мятежа, самостоятельно распоряжаясь всеми судовыми делами, так: 16 июня наряжал команду на похороны Вакуленчука, во время бомбардировки Одессы, находился в осевой рубке и передавал приказания в машину, посылал частный пароход „Смелый" на Тендру наблюдать за пришедшей туда Черноморской эскадрой; ездил в Одесский порт, сопровождаемый вооруженной командой и силой принудил стоявший там частный пароход „Петр Регир" снабдить углем бр. „Потемкин".

14) Боцман Егор Журавлев — во время самого бунта выражал сожаление, что нет мичмана Тихменьева, которого он желал бы убить; после подвода к бр. „Потемкину" на Одесском рейде частного парохода „Эмеранс" требовал от его шкипера, чтобы он грузил уголь на „Потемкин"; по приходе на тот же рейд портового судна „Вехи" требовал ее задержания, ссылаясь на то, что у нее есть минные аппараты и пушки; по доставлении на бр. „Потемкин" судовой кассы с „Вехи" находился около нее с ломом в руках, а когда касса была разбита, брал из нее деньги.

15) Писарь Иван Сопрыкин — состоял в избранном бунтовщиками распорядительном комитете; вместе с другими

мятежниками составил описание бунта, в котором было сказано, что возмущение явилось следствием дурного питания команды; отпечатал на пишущей машинке по требованию мятежников как это описание, так и другие составленные комитетом прокламации; в Феодосии согласился отправиться на катере для закупки провизии.

16) Строевой квартирмейстер Федор Коровянский — по предложению бунтовщиков исполнял на бр. „Потемкин" в продолжение возмущения обязанности вахтенного начальника и, однажды, во время своей вахты, приказал старшине Морозову выгнать из катера матроса Ноберду, опасаясь, что он совершит побег.

17) Квартирмейстер Павел Волгин — по поручению мятежников с 14 по 26 июня с. г. исполнял на бр. „Кн. Пот.-Тавр." обязанности вахтенного начальника.

18) Артиллерийский кондуктов Диомид Шопарев — по поручению мятежников броненосца, в продолжение того же промежутка времени, исполнял обязанности артиллерийского офицера и 16 июня, во время бомбардировки Одессы броненосцем, находился в боевой рубке; при обсуждении мятежниками вопроса о стрельбе из скорострельных орудий советовал им взять машины для подачи патронов с бр. „Георгий Победоносец", с которого советовал также передать патроны и на миноносце; при съемке и постановке миноносца на якорь, находился всегда у якоря.

19) Фельдфебель, боцман Василий Михайленко — состоял в выбранном мятежниками комитете; 14 июня, сняв с себя нашивки, заходил в машину и приказывал поднимать пары, чтобы броненосец не мог быть захвачен эскадрой.

20) Матрос Николай Седоков — 15 июня, при задержании на Одесском рейде броненосцем „Кн. Потемкин-Таврический", портового судна „Веха" — обратился к прапорщику Алексееву, советовавшему отпустить офицеров этого судна на берег, с следующими словами: „На каком основании отпускать, мы хотим с ними расправиться так же, как и с потемкинскими".

21) Матрос Дмитрий Голубов — во время стоянки бр. „Кн. Потемкин-Таврический" на Одесском рейде, ездил с него на катере на берег, вооруженный винтовкой.

22), 23) Комендор Иван Болдин и матрос Евдоким Горбачев — во время стоянки бр. „Кн. Петемкин-Таврический", в Феодосии, ездили 23 июня в порт и пытались завладеть там частной баржей с углем, в котором тогда нуждался указанный броненосец.

24) Минно-машинный квартирмейстер Федор Мигачев — 17 июня во время стоянки бр. „Кн. Потемкин-Таврический" на Одесском рейде, по поручению бунтовщиков ездил на берег за провизией.

25—31) Машинист Емельян Мухин, инструктор Герасим Раевский, матросы: Максим Выгуляр, Пахом Фатин, Филипп Неупокоев, Иван Гусенников, Трофим Рыбас — 15 июня участвовали на состоявшихся в Одессе похоранах убитого матроса Вакуленчука, причем Раевский и Выгуляр, после похорон добровольно явились в Управление Одесского Воинского Начальника.

32—44) Минный квартирмейстер Михаил Курта, машинный квартирмейстер Николай Юдин, кочегарный квартирмейстер Яков Гончаров; комендоры: Григорий Краснов и Яков Боярко, минер Иосиф Мельник, сигнальщик Василий Бендосенко, матрос Петр Кунченко, машинист Ефим Любимов и Михаил Ветренко; кочегары: Василий Ходыкин, Василий Плотников и рулевой Егор Мухин, состоя в команде миноносца сб. 267, после захвата его восставшей командой бр. „Кн. Потемкин-Таврический 14 июня с. г. на Тендровском рейде добровольно оставались на миноносце и исполняли с ним до 25 июня все нужные для мятежников поручения, т. е., совершили преступные деяния, предусмотренные 13 ст; Улож. о Нак. Угол. и Испр., 109 ст. Воен. Морск. Уст. о Нак. 51 и 100 ст., ст. Уголовного Уложения.

45)—69) Комендор Иван Киселев, гальванер Евдоким Мищенко; матросы: Андрей Трубников, Иван Слонев, Иван Батьев, Павел Костюков, Еремей Белогрудов, Егор Переверзев, Константин Дмитриев, Асексей Телепнев, Герасим Хвостов, Иван Угловой, Иван Стрекалов, Дмитрий Демидов, Алексей Друзин, Павел Носов, Николай Казаков, Петр Третьяков, Герасим Хаценко, Андрей Мураха, Афанасий Озеров, Николай Соловьев; машинисты: Павел Ларионов, Семен Горькавый, санитар Никита Корнилов — состоя в команде бр. „Кн. Потемкин Таврический“, после вспыхнувшего на нем 14 июня с. г. восстания, команды добровольно оставались на броненосце до 26-го того же июня, когда он был сдан мятежниками румынским властям. После, приняв участие в разграблении судовой кассы и не желая явиться в наличие своей команды на пришедшей в Кюстенджи эскадре адмирала Писаревского, бежали с бр. „Кн. Потемкин-Таврический“ вместе с остальными мятежниками в Румынию, откуда в разное время явились в свои экипажи, т. е. совершили преступные деяния, предусмотренные 13 ст. Улож. о Нак. Угол. и Испр. 109 и 131 ст. В. М. Уст. о Нак. и 51 и 100 ст. ст. Уголовного Уложения.

Посему, согласно приказа морского министра, сообщенного главному командиру Черноморского флота и портов Черного моря телеграммою Главного Военно-Морского прокурора от 20 июля 1905 г. за № 4104 и приказа главного командира от января с. г. за №.... все вышепоименованные чины, на основании 90 ст. В. М. Уст. о Нак. (по продол. 1898 г.),

предаются Военно-Морскому суду Севастопольского порта для обсуждения их порядком, определенным в 1255 ст. от В. М. Судебного Устава, и с применением к ним наказаний, установленных для военного времени.

Составлен декабря 31-го дня 1905 года.

В.-Мор. Прокурор Полковник *Крамаревский.*

ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ ПОТЕМКИНЦЕВ[1]).

1906 г. января 25 февраля, 4 дня. По указу Его Императорского Величества, Военно-Морской Суд Севастопольского порта, в следующем составе: Председатель-Генерал-Лейтенант Андреев, Временные члены: капитан 1-го ранга Фатаки, капитан 1-го ранга Сансай 1-й, капитан 1-го ранга Щарыгин, капитан 2-го ранга Заводов, при Военно-Морском прокуроре полковнике Крамаревском и помощн. прокурора г. Плещееве и при секретаре Коллежском секретаре Васильеве—слушал дело о подпоручике корпуса инженер-механиков флота, Петре Калюжном, 22 лет, лекаре Алексее Голенко, 27 лет, прапорщике по морской части Дмитрие Алексееве, 25 лет, старшем боцмане Филиппе Мурзак, 38 лет, артиллерийском кондукторе Диомиде Шопареве, 34 лет и нижних чинов: 37 фл. экип. Иване Болдине, 23 лет, 36 фл. экип. Ефиме Батиеве, 23 лет, Еремее Белорудове, 22 лет, Павле Волгине, 26 лет, Максиме Выгуляре, 26 лет, Семене Горькавом, 25 лет, Дмитрие Голубове, 23 лет, Евдокиме Горбачеве, 22 лет, Дмитрие Демидове, 22 лет, Константине Дмитриеве, 22 лет, Алексее Друзине, 22 лет, Иване Задорожном, 23 лет, Александре Заулошневе, 22 лет, Егоре Журавлеве, 26 лет, Иване Киселеве, 27 лет, Николае Казакове, 23 лет, Павле Костюкове, 22 лет, Николае Костенко, 22 лет, Федоре Коровянском, 26 лет, Павле Ларионове, 23 лет, Феодоре Луцаеве, 28 лет, Тихоне Мартьянове, 23 лет, Василии Михайленко, 26, лет, Феодоре Мигачеве, 27 лет, Евдокиме Мищенко, 23 лет, Сергее Гузь, 28 лет, Иване Гусенникове, 23 лет, Андрее Мурахе, 22 лет, Емельяне Мушенко (он же Мухин), 25 лет, Филиппе Неупокоеве, 23 лет, Павле Носове, 23 лет, Егоре Переверзеве, 23 лет, Василии Прогорницком, 25 лет, Герасиме Раевском, 25 лет

---

[1]) Над приговором сделана собственноручно адм. Чухниным следующая надпись:

„На основании Высочайше дарованного мне права приговор В.-Морского суда Севастопольского порта 25 января — 4-го февраля 1906 г. утверждаю на лишение матроса Стрекалова знака отличия военного ордена и медали в память боя при Чемульпо, а также с освобождением матроса Хоценко согласен. Вице-адмирал Чухнин. 23 февраля 1906“.

Восставшие моряки на „Потемкине“.

Трофиме Рыбас, 23 лет, Иване Сопрыкине, 28 лет, Иване Слоневе, 22 лет, Алексее Телепневе 22 лет, Петре Третьякове, 23 лет, Андрее Трубникове, 21 лет, Иване Угловом, 22 лет, Герасиме Хоценко, 22 лет, Герасиме Хвостове 22 лет, Ефиме Шевченко, 23 лет, Пахоме Фатине, 22 лет, 33 фл. экип., Николае Седокове, 26 лет., 28 фл. экип. Василии Бондаренко, 31 год, Якове Боярко, 26 лет, Михайле Ветренко, 27 лет, Якове Гончарове, 29 лет, Григорие Краснове, 26 лет, Петре Кунченко 26 лет, Михайле Курта, 27 лет, Ефиме Любимове, 23 лет, Иосифе Мельнике, 24 лет, Егоре Мухине, 28 лет, Василии Плотникове, 29 лет, Николае Юдине, 29 лет, Василие Ходыкине, 27 лет, 13 фл. экип. Иване Стрекалове, 25 лет, и 36 фл. экип. Афанасии Озерове 23 лет,—преданных суду по обвинению[1]:

1) Калюжного — в том, что, состоя вахтенным начальником на эскадренном броненосце „Князь Потемкин - Таврический“, будучи арестован вместе с другими офицерами, при вспыхнувшем на броненосце 14 июня 1905 года восстании команды. добровольно согласился остаться на нем после съезда с него большинства офицеров, после чего был освобожден из - под ареста, а затем, присутствовал на заседаниях, избранного мятежниками из своей среды для управления судовыми делами комитета и хотя не принимал непосредственного участия в решении обсуждавшихся в нем вопросов, тем не менее, не принял с своей стороны никаких мер к прекращению мятежа;

2) Младший врач Голенко—в том, что состоя младшим судовым врачем на эскадр. броненосце „Князь Потемкин - Таврической“: а) добровольно остался 16 июня 1905 года на названном броненосце, после вспыхнувшего на нем восстания команды, б) присутствовал на совещаниях, выбранного мятежниками из своей среды комитета; в) произносил команде броненосца речи, в которых, между прочим. выразил следующее: „Мой отец мужик, и я такой же мужик как и другие, только получил образование и я знаю все нужды ваши, что задумали делать, то и надо продолжать и держаться твердо один другого“, при чем упомянул о необходимости народного представительства; г) после присоединения брон. „Георгия Победоносца“ к брон. „Князь Потемкин - Таврический“, ездил на первый из них и также произносил речи команде, в которых заявлял о том, что если Одесса не даст провианта броненосцу „Потемкин“, то он будет бомбардировать ее, и что тогда „Георгий Победоносец“ должен принять участие в этой бомбардировке, д) затем в другой речи он выразился: „я узнал много

---

[1]) Формулировка обвинения, хотя дана в обв. акте, приводится нами вторично, так как здесь обвинения разбиты по пунктам.

неправды и решил соединиться с вами, чтобы потребовать, чтобы все были равны. Вы сами видите какая, все это надо искоренить"; когда же команда в ответ на это заявила о своем желании идти в Севастополь, чтобы предъявить свои требования начальству, то врач Голенко спросил ее: „какие требования,— чтобы борщ был лучше, или чтобы на берег пускали чаще", е) заметив затем с мостика, что броненосец „Георгий Победоносец", отделившись от „Потемкина", направляется в Одесскую гавань, крикнул команде: „Братцы, измена! Чего вы смотрите, бросьте его с мостика!" После чего на боцмана Кузьменко, управлявшего броненосцем, бросилось несколько человек матросов. Все остальные нижепоименованные чины в том, что с 14 по 26 июня сего года принимали участие в восстании команды броненосца „Князь Потемкин-Таврический", имевшем целью ниспровержение существующего в России образа правления, при чем участие выразилось в следующих их действиях:

3) Прапорщик по морской части Дмитрий Алексеев: а) состоя командиром 1-ой роты команды названного броненосца, согласился на предложение бунтовщиков принять на себя командование броненосцем и довести его до ближайшего порта, после чего распоряжался броненосцем как действительный его командир, и при переходе из Тендры в Одессу, находился на судовом мостике и управлял броненосцем; б) по приходе в Одессу, принимал участие в решении вопроса о свозе в городе десанта и об открытии по нем бомбардировки, во время которой находился в боевой рубке; в) в своем присутствии дозволил взломать судовую кассу и по проверке бунтовщиками находящихся в ней денежных сумм оставил ключ от нее у себя; г) при подходе к броненосцу катера с свозившимися мятежниками с броненосца „Георгий Победоносец" офицерами, встретил их у трапа с вопросом: „разве между офицерами „Георгия" нет желающих остаться с нами"; д) после принятия на броненосец угля с частного парохода „Эмеранс" разрешил дать грузившим уголь рабочим водку и табак и производил казенными суммами расчеты с поставщиками за поставки на броненосец и е) по доставлении с „Вехи" на броненосец судовой кассы, потребовал у полковника Эйхена ключ от нее и, когда он был доставлен на броненосец, взял его себе.

4) Матрос Гузь: а) 14 июня перед обедом запрещал команде есть борщ, уверял, что он сварен из мяса с червями; б) при начале бунта, одним из первых вооружился винтовкой, и затем распоряжался на броненосце наравне с другими главарями бунта; в) поносил на шканцах бранными словами командира капитана 1-го ранга Голикова и грозил убить его; г) после невыполнения летенантом Тоном

обращенного к нему требования снять погоны, выстрелил в него вместе с другими бунтовщиками, вместе с которыми выбросил труп его за борт; д) стоял на часах при арестованных в кают-компании судовых офицерах и е) состоял в избранном мятежниками из своей среды для управления судовыми делами комитета.

5) Матрос Ефим Шевченко участвовал в убийстве судовых офицеров.

6) Матрос Заулошнев: а) был одним из главных руководителей бунта; при самом начале его вооружился винтовкой и примкнул к толпе зачинщиков, затем, с револьвером в руках ходил по броненосцу, разыскивая Зибалева и Бурдюкова, грозя убить их; б) состоял в выбранном мятежниками распорядительном комитете; в) произносил команде ободряющие бунт речи, участвовал в составлении воззваний, раздававшихся затем в Одессе; г) принимал участие в переговорах с командой броненосца „Георгий Победоносец“ о присоединении ее к восстанию на броненосце „Потемкин“; д) съезжал вооруженный винтовкой в Одессе на берег и участвовал в похоронах Вакуленчука; вместе с другими бунтовщиками пытался в Феодосии завладеть частной баржей с углем для доставления ее к броненосцу „Потемкин“.

7) Матрос Луцаев: а) один из первых вооружился винтовкой и примкнул к толпе начавших бунт мятежников, призывая команду продолжать бунт и бороться за свободу; б) указывал на необходимость иметь начальство, избранное из среды самой команды; в) упрекал сомневавшихся в успешном исходе восстания; г) распоряжался на броненосце сообща с остальными главарями бунта и состоял в избранном мятежниками комитете.

8) Минный машинист Мартьянов: а) один из первых вооружился винтовкой и примкнул к толпе начавших бунт мятежников; б) затем вооружился револьвером и распоряжался на броненосце сообща с остальными главарями бунта; в) принял на себя надзор за арестованными в своей кают-компании кондукторами и, проходя к ним, одобрительно отзывался о восстании судовой команды и говорил, что теперь все равны; г) состоял в избранном мятежниками из своей среды распорядительном комитете; д) сообща с другими бунтовщиками пытался завладеть в Феодосии частной баржей с углем, на которой и был задержан.

9) Матрос Костенко: а) во время бунта команды был вооружен винтовкой; б) при переходе броненосца с Тендры в Одессу, помогал в управлении им, делая прокладку курса; в) услыхав на пароходе в Кюстенджи о побеге с броненосца „Потемкин“ нескольких человек нижних чинов, высказывал необходимость повесить их.

10) Комендор Задорожный: а) один из первых вооружился винтовкой и примкнул к толпе начавших бунт мятежников; б) состоял в избранном мятежниками из своей среды распорядительном комитете и в) ездил в Феодосии на берег с винтовкой.

11) Машинист Кошугин: а) один из первых вооружился винтовкой и примкнул к толпе начавших бунт мятежников и б) выскочил затем на шканцы и крикнул: „бей караульного начальника, он стрелял".

12) Кочегар Проторницкий: а) один из первых вооружился винтовкой и находился в толпе начавшей бунт мятежников и б) по поручению избранного мятежниками комитета съезжал с броненосца, вооруженный винтовкой.

13) Старший боцман Мурзак: а) по предложению мятежников принял на себя обязанности старшего офицера броненосца и выполнял их в течение всего мятежа самостоятельно, распоряжаясь всеми судовыми делами, так: 16-го июня наряжал команду на похороны Вакуленчука; б) во время бомбардировки Одессы находился в боевой рубке и передавал приказание в машину; в) посылал частный пароход „Смелый" на Тендру, наблюдать за пришедшей туда Черноморской эскадрой; г) ездил в Одесский порт, сопровождаемый вооруженной командой, и силой принудил стоявший там частный пароход „Петр Регир" снабдить углем броненосец „Потемкин".

14) Боцман Журавлев: а) во время самого бунта выражал сожаление, что нет мичмана Тихменева, которого он желал бы убить; б) после подвода к броненосцу „Потемкин" на Одесском рейде частного парохода „Эмеранс", требовал от его шкипера, чтобы он грузил уголь на „Потемкин; в) по приходе на тот же рейд портового судна „Веха" требовал его задержания, ссылаясь на то, что у него есть минные аппараты и пушки и г) по доставлении на броненосец „Потемкин" судовой кассы с „Вехи", находился около нее с ломом в руках, а когда касса была разбита, брал из нее деньги.

15) Писарь Сопрыкин: а) состоял в избранном бунтовщиками распорядительном комитете; б) вместе с другими мятежниками составил описание бунта, в котором было сказано, что возмущение явилось следствием дурного питания команды; в) отпечатал на пишущей машине, по требованию мятежников, как это описание, так и другие, составленные комитетом прокламации и г) в Феодосии согласился отправиться на катере, для закупки провизии.

16) Строевой квартирмейстер Коровянский: а) по предложению бунтовщиков, исполнял на броненосце „Потемкин" в продолжение возмущения обязанности вахтенного начальника и, однажды, во время своей вахты приказал

старшине Морозову выгнать из катера Ноберду, опасаясь, что он убежит.

17) Квартирмейстер Волгин, по поручению мятежников, с 14 по 26 июня 1905 года исполнял на броненосце „Князь Потемкин-Таврический“ обязанности вахтенного начальника.

18) Артиллерийский кондуктор Шопарев: а) по поручению мятежников, в продолжение того же промежутка времени, исполнял обязанности артиллерийского офицера; б) 16 июня 1905 г. во время бомбардировки Одессы броненосцем, находился в боевой рубке; в) при обсуждении мятежниками вопроса о стрельбе из скорострельных орудий, советовал им взять машинки для подачи патронов с броненосца „Георгий Победоносец“, с которого советовал также передать патроны и на миноносец и г) при съемке и постановке броненосца на якорь, находился всегда у якоря.

19) Фельдфебель боцман мат. Михайленко: а) состоял в выбранном мятежниками комитете и б) 14 июня, сняв с себя нашивки, заходил в машину и приказывал поднимать пары, чтобы броненосец не мог быть захвачен эскадрой.

20) Матрос Седоков: а) 15 июня, при задержании на Одесском рейде, броненосцем „Князь Потемкин-Таврический“ портового судна „Веха“, обратился к прапорщику Алексееву, советовающему отпустить офицеров этого судна на берег со следующими словами: „на каком основании отпустить, мы хотим с ними расправиться так же, как и с потемкинскими.

21) Матрос Голубов: во время стоянки броненосца „Князь Потемкин-Таврический“ на Одесском рейде, ездил с него на катере на берег, вооруженный винтовкой.

22) и 23) Комендор Болдин и матрос Горбачев: во время стоянки броненосца „Князь Потемкин-Таврический“ в Феодосии ездили 23 июня в порт и пытались завладеть там частной баржей с углем, в котором тогда нуждался броненосец.

24) Минно-машинный квартирмейстер Мигачев — 17 июня, во время стоянки броненосца „Князь Потемкин-Таврический“ на Одесском рейде, по поручению бунтовщиков, ездил на берег за провизией.

25—31) Машинист Мухин, инструктор Раевский, матросы: Выгуляр, Фатин, Неупокоев, Гусенников и Рыбас—15 июня участвовали на состоявшихся в Одессе похоронах убитого матроса Вакуленчука, при чем Раевский и Выгуляр после похорон добровольно явились в Управление Одесского Воинского Начальника.

32—44) Минно-машинный квартирмейстер Курта, машинный квартирмейстер Юдин, кочегарный квартирмейстер Гончаров, комендоры: Краснов и Боярко, минер Мельник, сигнальщик Бендосенко, матросы Ходыкин,

Плотников и рулевой Мухин (Егор), состоя в команде миноносца № 267, после захвата его восставшей командой броненосца „Князь Потемкин-Таврический“ 14 июня 1905 г. на Тендровском рейде, добровольно оставались на миноносце и исполняли с ним до 26 июня все нужные для мятежников поручения.

45) — 68) Комендор Киселев, гальванер Мищенко, матросы: Трубников, Слонев, Батиев, Костюков, Белогрудов, Переверзев, Дмитриев, Телепнев, Хвостов, Угловой, Стрекалов, Демидов, Друзин, Носов, Казаков, Третьяков, Хоценко, Мураха, Озеров, машинисты Ларионов, Горькавый и санитар Корнилов: а) состоя в команде броненосца „Князь Потемкин-Таврический“ после вспыхнувшего на нем 14 июня 1905 г. восстания команды, добровольно остались на броненосце до 26 того же июня, когда был броненосец сдан мятежниками румынским властям; б) после чего, приняв участие в разграблении судовой кассы, в) не желали явиться в наличие своей команды на пришедшей в Кюстенджи эскадре адмирала Писаревского и бежали с броненосца „Князь Потемкин-Таврический“ вместе с остальными мятежниками в Румынию, откуда в разное время явились в свои экипажи.

Решением суда из подсудимых признаны виновными 1) подпоручик Калюжный, при чем кратковременная служба его менее года и продолжительный подследственный арест признаны судом уменьшающими вину его обстоятельствами; 2) лекарь Галенко — в деяниях, описанных в п. п. а), а1) и г) представленных ему обвинений, при чем по отношению к нему признаны те же уменьшающие вину обстоятельства; 3) прапорщик Алексеев — в деяниях, указанных в п. п. а), в), д) и е) его обвинений, при чем по отношению к нему признаны те же уменьшающие вину обстоятельства и сверх того он, Галенко и Калюжный признаны действовавшими под угрозой смерти со стороны бунтовщиков; 4) матрос Гузь — в деянии, означенном в п. п. б) и д) его обвинения, но при этом, что он не имел цели ниспровержения существующего в России управления; 5) матрос Заулошнев — во всех предъявленных ему обвинениях, кроме того, что присутствовал на похоронах Вакуленчука; 6) матрос Луцаев — в деяниях, означенных в п. п. а) и б) его обвинения; 7) минный машинист Мартьянов — во всех предъявленных ему обвинениях, при чем Заулошнев, Луцаев и Мартьянов действовали с целью ниспровержения существующего в России управления; 8) комендор Задорожный — в деяниях, означенных в п. п. а) и в) его обвинения, но примкнул к мятежникам из страха смерти; 9) машинист Кошугин — в деяниях, означенных в п. п. а) и б) его обвинений, но примкнул к восставшим без цели ниспровержения

существующего в России управления; 10) старший боцман Мурзак — во всех деяниях, в которых обвинялся, кроме того, что во время бомбадировки Одессы — приказаний в машину не отдавал, но все это делал под страхом смерти от бунтовщиков; при чем продолжительная беспорочная служба признана судом уменьшающим вину его обстоятельством; 11) боцман Журавлев — в деянии, означенном в п. а) его обвинения, при чем суд признал, что он высказывал сочувствие мятежникам из страха смерти и что сравнительно высокое его положение по службе служит увеличивающим вину его обстоятельством; 12) писарь Сопрыкин — в деяниях, означенных в п. п. б) и в) его обвинения, при чем действовал под угрозой смерти и бросанье его за борт, с целью избавиться от мятежников, признано уменьшающим вину его обстоятельством; 13) и 14) квартирмейстеры Коровянский и Волгин—в деяниях, в которых обвинялись, но действовали под угрозой смерти; 15) матрос Горбачев; 16) машинист Емельян Мухин; 17) матрос Фатин; 18) матрос Неупокоев; 19) матрос Гусенников — в деяниях, в которых они обвинялись, но действовали под угрозою смерти со стороны мятежников; 20) комендор Киселев; 21) гальванер Мищенко; матросы 22) Трубников, 23) Слонев 24) Батиев, 25) Костюков, 26) Белогрудов, 27) Переверзев, 28) Дмитриев, 29) Телепнев, 30) Хвостов, 31) Угловой, 32) Стрекалов, 33) Демидов, 34) Друзин, 35) Носов, 36) Казаков, 37) Третьяков, 38) Хоценко, 39) Мураха, 40) Озеров, 41) Машинист Ларионов, 42) Машинист Горькавый и 43) санитар Корнилов — в тех деяниях, в которых обвинялись, кроме Мищенко и Ларионова, которые не признаны виновными в деянии, обозначенном в п. б) их обвинения, при чем последние 25 нижних чинов действовали под угрозою смерти со стороны мятежников, и при этом, суд признал, что кратковременное нахождение на службе Горбачева, Фатина, Неупокоева, Гусенникова, Трубникова, Слонева, Батиева, Костюкова, Белогрудова, Переверзева, Дмитриева, Телепнева, Хвостова, Углового, Стрекалова, Демидова, Друзина, Носова, Казакова, Третьякова, Хоценко, Мураха, Озерова и Ларионова и продолжительный подследственный арест всех поименованных молодых матросов и, сверх того, Горькавого, Киселева и Корнилова служит уменьшающим вину их обстоятельством. Кроме того, сверх указанных в обвинительном акте обвинений матроса Демидова — признан виновным в том, что ходил в период бунта на броненосце „Князь Потемкин-Таврический“ по кораблю с винтовкой [1]).

[1]) Снова опускаем те же выписки из алфавитных списков. *Ред.*

Обращаясь к определению ответственности подсудимых по закону, суд находит, что с момента, когда началось восстание команды на броненосце „Князь Потемкин-Таврический“ 14 июня 1905 г. и до момента сдачи его румынским властям в г. Кюстенджи, все находившиеся на броненосце были в состоянии восстания и нежелавшие присоединяться к нему военнослужащие были обязаны противодействовать этому восстанию всеми средствами, а при невозможности этого противодействия, оставить корабль при первой возможности и явиться к месту служения. В команде, находившейся в состоянии восстания, можно различить следующие 4 группы участников: 1) члены ранее организованной партии, начавшие и поддерживавшие восстание, с целью ниспровержения существующего в России государственного устройства; 2) лица присоединившиеся к восстанию добровольно или под угрозой насилия, но уже без указанной выше цели; 3) лица, из-за страха перед личной опасностью оказавшие какую-либо помощь восставшим, или по тому же побуждению исполнявшие их поручения и 4) совсем не принимавшие участия в действиях мятежников, но не противодействовавшие им и не оставившие корабля при первой возможности.

Действия участников первой группы составляют преступление, предусмотренное 100 ст. Уголовного Уложения, 22 марта 1903 г. и должны влечь за собою смертную казнь. Из обвиненных к этой группе принадлежат матросы: Луцаев, Заулошнев и минный машинист Мартьянов, которым суд и назначает это наказание через повешение. Действия участников остальных трех групп предусмотрены 109 ст. В. М. Уст. о Наказ. и должны влечь для зачинщиков и главных виновных по законам военного времени тоже смертную казнь, для остальных же участников, на основании 74 ст. Воен. Мор. Уст. о Наказ. по приказу от 24 января 1904 г. другие наказания, по усмотрению суда, в зависимости от важности вины и степени принятого участия.

В рассматриваемом случае, когда важнейшие преступники были увлечены примером других, а все остальные действовали под угрозой лишиться жизни, зачинщиков и главных виновников нет, поэтому все наказания назначаются по усмотрению суда, в зависимости от вины и степени участия. На лиц, принадлежащих ко второй группе, состоящей из трех лиц: матроса Гузь, машиниста Кошугина и комендора Задорожного — суд налагает ссылку в каторжные работы: первого на 20, второго на 12, а третьяго на 7 лет; лиц принадлежащих к 3-й группе, в зависимости от вины и сопровождавших оную обстоятельств, увеличивающих или уменьшающих вину, подвергнуть: лекаря Галенко и старшего боцмана Мурзака исключению из службы с лишением

чинов, прапорщика Алексеева — исключению из службы без лишения чинов; квартирмейстеров Коровянского и Волгина, матросов Горбачева, Фатина, Неупокоева, Гусенникова, боцмана Журавлева, машиниста Мухина и матроса Демидова отдаче в исправительные арестантские отделения: Коровянского на два года и четыре месяца, а остальных на два года каждого. Всех остальных обвиненных суд причисляет к четвертой группе и подвергает их: подпоручика Калюжного — увольнению от службы в порядке дисциплинарном; комендора Киселева, гальванера Мищенко, матросов: Трубникова, Слонева, Батиева, Костюкова, Белогрудова, Переверзева, Дмитриева, Телепнева, Хвостова, Углового, Стрекалова, Друзина, Носова, Казакова, Третьякова, Хоценко, Мураха, Озерова, машиниста Ларионова, машиниста Горькаваго и санитара Корнилова — отдать в исправительные арестантские отделения на один год каждого, а писаря Сопрыкина заключить в исправительную плавучую тюрьму г. Севастополя на три месяца.

На основании п. п. 3, 4 и 7 высочайшего манифеста от 21-го октября 1905 года, смертную казнь следует заменить каторгою на 15 лет, сроки лишения свободы сократить на половину.

Руководствуясь всем вышесказанным, суд приговорил за мятеж с целью ниспровержения существующего в России государственного строя, 36 флотского экипажа матросов: Александра Заулошнева, 22 лет, Федора Луцаева, 28 лет и минного машиниста Тихона Мартьянова, 23 лет, лишить прав состояния и сослать на каторгу на 15 лет каждого; за участие в этом преступлении матроса Сергея Гузь, 28 лет, комендора Ивана Задорожного, 23 лет, и машиниста Феодосия Кошугина, 27 лет, исключить из службы с лишением воинского звания, лишить всех прав состояния и сослать в каторжные работы: Гузя на 10, Кошугина на 6 лет и Задорожного на 3 года 6 месяцев; матросов: Евдокима Горбачева, 22 лет, Пахома Фатина, 22 лет, Филиппа Неупокоева, 23 лет, Ивана Гусенникова, 23 лет, боцмана Егора Журавлева, 26 лет, квартирмейстеров: Федора Коровянского, 26 лет, и Павла Волгина, 26 лет, машиниста Емельяна Мухина, 26 лет, комендора Ивана Киселева, 27 лет, гальванера Евдокима Мищенко, 23 лет; матросов: Андрея Трубникова, 22 лет, Ивана Слонева, 22 лет, Ивана Батиева, 23 лет, Павла Костюкова, 22 лет, Еремея Белогрудова, 22 лет, Егора Переверзева, 23 лет, Константина Дмитриева, 22 лет, Алексея Телепнева, 22 лет, Герасима Хвостова, 22 лет, Ивана Углового, 22 лет, Ивана Стрекалова, 25 лет, Дмитрия Демидова, 22 лет, Алексея Друзина, 22 лет, Павла Носова, 23 лет. Николая Казакова, 23 лет, Петра Третьякова, 23 лет, Герасима Хоценко, 22 лет, Андрея Мураха, 22 лет, Афанасия

Озерова, машиниста Павла Ларионова, 23 лет, машиниста Семена Горькаваго, 25 лет и санитара Никиту Корнилова, 24 лет, исключить из службы с лишением воинского звания, лишить всех особенно, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдать в исправительные арестанские отделения гражданского ведомства: Коровянского на один год и два месяца; Горбачева, Фатина, Неупокоева, Гусенникова, Журавлева, Волгина, Мухина, и Демидова на один год каждого; Киселева, Мищенко, Трубникова, Слонева, Батьева, Костюкова, Белогрудова, Переверзева, Дмитриева, Телепнева, Хвостова, Углового, Стрекалова, Друзина, Носова, Казакова, Третьякова, Хоценко, Мураха, Озерова, Ларионова, Горькавого и Корнилова — на шесть месяцев каждого, а по отбытии ими этого наказания отдать их под особый надзор полиции на четыре года каждого; писаря Ивана Сопрыкина, -28 лет, разжаловать в матросы, перевести в разряд штрафованных и заключить в исправительную плавучую тюрьму г. Севастополя на полтора месяца. Лекаря Алексея Галенко, 27 лет, и старшего боцмана Филиппа Мурзака, 38 лет, исключить из службы с лишением чинов и подпоручика Петра Калюжного, 22 лет, уволить от службы в порядке дисциплинарном.

По обвинению же матросов 36 флотского экипажа: Ефима Шевченко, Николая Костенко, 33 экипажа! Николая Седокова, 36 экипажа: Дмитрия Голубова, Максима Выгуляра, Трофима Рыбас, Петра Кунченко, Василия Прогорницкого, Василия Ходыкина, Василия Плотникова; фельдфебеля Василия Михайленко; кондуктора Диомида Шопарева; комендора Ивана Бодвина; маш. кварт. Федора Мигачева; мин. кварт. Михаила Курта; машин. кварт. Николая Юдина; кочег. кварт. Якова Гончарова; машинистов: Ефима Любимова, Михаила Ветренко; инструктора Герасима Раевского, комендоров: Григория Краснова, Якова Боярко; минера Иосифа Мельника; сигнальщика Василия Бендосенко и рулевого Егора Мухина в том, что приняли участие в мятеже команды броненосца „Князь Потемкин-Таврический“ и миноносца № 267, по недоказанности обвинения, виновными их не признал и на основании 1 п. 825 ст. кн. XVIII Св. Мор. Пост. определил: считать их посуду оправданными.

Принимая во внимание сверх того, что матрос Хоценко получил увечье, лишившись ноги без всякой вины, суд постановил: на основании 153 ст. Улож. о наказаниях ходатайствовать перед Главным Командиром Черноморского флота и портов Черного моря об избавлении Хоценко вовсе от наказания.

Судебные по делу издержки по вступлении приговора в законную силу и по приведению их в известность возложить на осужденных поровну, с круговою друг за друга порукою, вещественные доказательства по вступлении приговора в законную силу возвратить по принадлежности.

По вступлении приговора в законную силу, но прежде исполнения его, представить на основании 1011 ст. Воен. Морск. Уст. и Высочайшего повеления от 19-го сентября 1905 года, Главному Командиру Черноморского флота и портов Черного моря на предмет лишения матроса Ивана Стрекалова знака отличия военного ордена и медали в память боя при Чемульпо и для представления ходатайства об освобождении от наказания матроса Хоценко.

Генерал-Лейтенант *Андреев.*
Капитан 1-го ранга *Фатаки.*
Капитан 1-го ранга *Сансай 1-й.*
Капитан 1-го ранга *Шарыгин.*
Капитан 2-го ранга *Заводов.*
Кол. Секретарь *Васильев.*

1906 г. 15 февраля приговор этот объявлен мною, генерал-лейтенантом Андреевым, при открытых дверях присутствия, при помощнике в.-м. прокурора г. Плещееве и Секретаре суда г. Васильеве, в присутствии всех подсудимых — кроме лекаря Голенко, фельдфебеля Михайленко, маш. кварт. Мигачева, сигнальщика Бендосенко, машиниста Ветренко, коч. кварт. Гончарова, комендора Краснова, матроса Купченко, мин. кварт. Курта, машин. Любимова, рулевого Мухина, кочег. Плотникова и машин. кварт. (неразборчиво и оторвано). При этом мною объявлен порядок и срок обжалования приговоров.

Генерал-лейтенант *Андреев.*

Присоединение и отпадение „Георгия Победоносца“ и следственные материалы.

ПОКАЗАНИЕ ЛЕЙТЕНАНТА ФРОЛОВА[1]).

... В час ночи на 16 июня мы снялись с бочки и в составе трех броненосцев и четырех миноносцев пошли к Тендре. К пяти часам дням пришли в Тендровский залив и стали на якорь. По сигналу адмирала все командиры были приглашены на флагманский броненосец. По возвращении от начальника отряда командир приказал поставить всю команду во фронт и вызвать офицеров. Командир обратился к команде с краткой речью, затем сказал о происшествии на „Потемкине“ и прочел приказ начальника отряда.

... Вечером (16-го) пришедший ко мне старший боцман Кузьменко передал, что команда убеждена, что „Потемкин“ с самого начала будет стараться разбить наш броненосец, так как 36 экипаж (из которого состояла команда „Потемкина“) очень зол на 28-й (команда „Георгия“) за то, что он не принимал участия в беспорядках 3 ноября[2]).

Механик Скоморохов передал мне, что он слышал от машинного квартирмейстера, что команда первая в „Потемкина“ стрелять не будет.

... В 4 часа утра (17-го) мы в составе того же отряда снялись с якоря для следования к Одессе. Одесский порт был в каком-то дыму и тумане, так что его долго не могли открыть. Наконец, в трубу можно было рассмотреть по белому мостику броненосец „Потемкин“, стоявший к нам носом. Немного времени спустя, кем-то из сигнальщиков было замечено, что „Потемкин“ снимается с якоря, а через

---

[1]) Из показаний на следствии Головни о присоединении „Георгия“ к „Потемкину“ показание Фролова наиболее содержательно и изобилует фактами.

[2]) Революционное выступление, известное под названием бунта 3-го и 4 ноября 1904 года, в котором принимал участи 36-й флотский экипаж (команда „Потемкина“).

несколько минут уже ясно можно было видеть, что он идет к отряду и хорошим ходом. По сигналу адмирала отряд повернул обратно и полным ходом начал уходить в море.

... Когда отряд вышел в море настолько, что „Потемкин“ перестал быть виден — мы застопорили машины. Вскоре на горизонте показались дымки, а через некоторое время можно было уже различить идущих к нам двух броненосцев и двух контр-миноносцев („Ростислав“, „Синоп“ и два контр-миноносца эскадры Кригера). По сигналу адмирала (Кригера) эскадра, построившись в строй фронта, повернула вновь к Одессе.

Когда эскадра (соединенная) начала подходить к Одессе, „Потемкин“ снялся с якоря и направился к эскадре, которая, не уменьшая хода, шла в том же строе, прежним курсом. „Потемкин“, идя навстречу, наконец, настолько приблизился, что в трубу можно было рассмотреть лица, стоявших на мостике. Остальной команды на нем нигде не было видно; кормовая башня была повернута по траверзу и по мере сближения своим направлением переходила с „12 Апостолов“ на „Синоп“, а затем и на нас. В это время я заметил, как часть команды бросилась на другую сторону шкафута, что-бы закрыться от „Потемкина“ хотя бы машинным кожухом. Как только „Потемкин“ поровнялся с нами, команда в числе не менее 100 человек разбежалась по ближайшему к нему борту и, махая фуражками, начала кричать „ура“. На „Потемкине“ сейчас же команда выбежала из спардека и начала отвечать тем же. На бак начали выбегать снизу нижние чины и присоединяться к кричавшим. Начали раздаваться различные крики по адресу офицеров: „давайте — выбросим их за борт“. „Нам вас не надо, долой офицеров“. Весьма небольшое число команды осталось на левой стороне бака. Трудно изложить все, что происходило в этот момент: из машин передают по рупору, что кочегары побросали котлы и выбежали наверх; бунтующие вбежали на мостик и требовали остановить машины, когда же их не послушали, то сами поставили машинные телеграфы на стоп и не позволяли рулевому управляться. Броненосец в это время, следуя движению эскадры, повернул и стал носом к морю, „Потемкин“ был мористее. Кажется, в это время, командир сделал сигнал семафором на „Ростислав“, что

команда взбунтовалась, откуда последовал ответ: „идите в Севастополь“. Это приказание невозможно было исполнить, так как хода дать не позволяли; об этом было сообщено также на „Ростислав“, на что последовал тот же ответ. Эскадра, уклонившись влево, начала быстро удаляться, а „Потемкин“ пошел к Одессе. При вторичном его проходе, кричащей команды было уже много больше и сейчас же начали раздаваться голоса: „идемте к Потемкину“. Непрерывные разговоры с командой, уговоры, увещевания не действовали, требования были все прежние с тою же настойчивостью и угрозами. В это время с кормового мостика и юта семафором передавали что-то на „Потемкин“ и на миноносец [1]), последний уже и без того приближался к нам и очень скоро подошел к правому борту. Один из матросов миноносца громким голосом начал говорить все, что произошло на броненосце, из-за чего там было недовольство, как оно перешло в бунт. „Теперь, братцы, мы люди свободные, едим и пьем хорошо и всего у нас много и свободы своей теперь никому не отдадим“, — так заключил он свою речь. Команда слушала молча, а после слышанного еще больше начала бунтоваться и кричать по адресу офицеров: „нам вас не надо, долой офицеров“. Через несколько минут с броненосца на тузе прибыло, кажется, два матроса; один из них обратился к команде и повторил то же, что говорилось с миноносца. Почти вслед за ним прибыло несколько человек и с „Потемкина“, из числа которых выделился один, хотя и одетый во все матросское, но не матрос, а по его речи, обращенной сначала к команде, а потом и к офицерам — человек образованный и, вероятно, один из главных деятелей революционной партии. Содержание его речи я передать затрудняюсь, постараюсь изложить лишь то, что хорошо сохранилось у меня в памяти.

— Довольно крови, — так начал он, — маньчжурские поля и так достаточно орошены нашей кровью; теперь на нашей стороне и сила и право; мы хотим свободы и добьемся ее во чтобы то ни стало, но наша задача — достигнуть своей цели при наименьшем кровопролитии, а потому вас не

---

[1]) Показание К. Фельдмана говорит, что это был сигнал — „Георгий“ присоединяется к „Потемкину“.

тронут[1]. Если кто-нибудь из вас найдется такой, что пожелает присоединиться к нам, то мы будем очень рады, кто же не хочет, мы сейчас тех из вас свезем на берег. Нет ли между вами таких? — Офицеры ответили: „нет“. Тогда он, обратившись к команде, сказал: „Братья, в ружье, арестовать всех офицеров и свести их в кают-компанию“. Сейчас же на мостике появились вооруженные винтовками, которые под председательством того же главного революционера отвели нас в кают-компанию. Приезжавшее с „Потемкина“ частное лицо, говорившее речь команде, был блондин с большой русой бородой и одетый в матросскую форму[2].

ВЫПИСКА ИЗ ПОКАЗАНИЙ ДОКТОРА ГАЛЕНКО (ГОЛЕНКО[3]).

... Бунт на броненосце начался с заявления командой претензии на недоброкачественность пищи. Команда объявила, что не станет есть обеда, а будет есть только хлеб. Командир сказал, что пища готовится для них хорошая и они должны есть. Из команды раздались голоса протеста. Командир приказал разойтись, но команда не разошлась. Тогда старший офицер вызвал караул. По прибытии караула снова команде было отдано приказание разойтись с угрозой в противном случае стрелять. Команда не расходилась. Приказания стрелять караул не исполнил. Тогда старший офицер выхватил у ближайшего караульного ружье и убил его. Немедленно старший офицер был убит матросами и выброшен за борт. Затем, показавшийся лейтенант Неупокоев был уложен пулей в висок и выброшен. Потребовали командира и убили его. Где получил рану доктор Смирнов — никто не мог указать. Прапорщик Ливенцев и лейтенант Григорьев утонули.

---

[1]) Речь обращена к офицерам.

[2]) Это был „Кирилл“, что видно также из воспоминаний К. Фельдмана и „Кирилла“,

[3]) Предательскую роль доктора Галенко (Голенко) отметил К. И. Фельдман в своих записках (стр. 114 — 119).

Показание самого Галенко в следствии Головни подтверждает высказанное Фельдманом и обрисовывает картину ухода „Георгия“. Показание Галенко и портового лоцмана Романенко выясняет все те моменты, которые сам Фельдман мог только предполагать и угадывать.

...Броненосец стоял на Одесском рейде.

...Около трех часов пополудни к броненосцу подошел пароход. На нем было много рабочих. Они произносили речи на тему о необходимости улучшения социальных условий. Матросы устроили им шумную овацию. Около 10 часов вечера в кают-компанию зашел Матюшенко и объявил, что сейчас офицеров свезут на берег. При этом он просил желающих из офицеров остаться на броненосце. Меня он попросил не бросать больных. Я согласился. Вскоре после того меня попросили в адмиральскую каюту. Там было трое матросов и среди них трое штатских лиц. Со мной вместе пришел Коваленко в адмиральское помещение.

16 июня я вернулся в десятом часу утра из лазарета в кают-компанию. Там были Алексеев, Коваленко и Калюжный. Заходил один из трех штатских, которых вчера я видел в адмиральском помещении, блондин, с бородой. Он ответил на мой вопрос, что служит рабочим на железной дороге, по убеждениям социал-демократ, кличку имеет „Кирилл". Фельдман сказал мне, что я часть больных могу перевести на „Веху". Я занялся этим. Вечером пришел катер с броненосца за мной. Я розыскал Матюшенко и сказал ему, что теперь мне среди них делать нечего и я могу или съехать на берег или остаться на „Вехе". Матюшенко сказал мне, что он расчитывает на мое сочувствие и просит остаться на броненосце.

17 июня. Весть о присоединении „Георгия" произвела на всю команду „Потемкина" большое впечатление. Все очень радовались. Оба броненосца стали на Одесском рейде.

18-го около десяти часов утра я увидел, что отваливает катер и спросил Матюшенко, куда он едет. Он ответил, что на „Георгий". Я сказал, что может там есть больные и попросил взять меня. Он согласился. На катере был штатский „Кирилл" и Коваленко. Когда мы приехали, на „Георгие" была собрана вся команда. Матюшенко и некоторые другие матросы говорили речи. Коваленко сказал несколько слов. „Кирилл" ходил между матросами и беседовал с отдельными кучками. Одному, я слышал, он сказал: „мы сила, мы власть, от нас все зависит". Я попросил разрешения сказать несколько слов. Я указал, что горсть людей не может

задаваться широкими целями и не может вершить судьбы всего государства. Что лучше всего уйти в Севастополь, за свои нужды похлопотать перед своим прямым начальством. Это имело большое влияние на команду. Но Матюшенко сказал, что сейчас катер уходит и просил меня уезжать. Когда я вернулся на „Потемкин“, то розыскал Алексеева и предложил ему арестовать зачинщиков [1]. Он ответил, что уже делал попытки, но безуспешно — команда слишком предана заговорщикам. Меня позвали в адмиральскую. Там Фельдман говорил речь возбуждающего характера. Пришел Матюшенко и заявил, что он сейчас будет бомбардировать Одессу. Я начал его просить не делать этого. Затем сказал матросам то же, что только что сказал на „Георгие“. В это время мне сказали, что меня просят приехать на „Георгий“. Фельдман и Матюшенко хотели ехать со мной, но я воспользовался, что они куда-то ушли и уехал сам. Приехав на „Георгий“, я снова начал убеждать команду смириться. Долго мне мешали в этом приехавшие на катере матросы с „Потемкина“. Несмотря на противодействие удалось все-таки убедить команду „Георгия“ отправиться в Севастополь. Мною и боцманом был отдан приказ поднять якорь и кораблю был дан передний ход. Но на ходу потемкинские матросы стали усиленно мешать на руле и в машине, стараясь направить броненосец к Потемкину. По моему распоряжению потемкинские матросы были выгнаны из машинного и рулевого помещений и в количестве шести человек уехали на шлюпке с „Георгия“ на „Потемкин“ [2]. Из опасения, чтобы „Потемкин“ не начал бомбардировать нас, мы решили повернуть и войти в Одесскую гавань, что и было исполнено [3].

---

[1]) Однако, в показании Алексеева о подобном предложении не упоминается.

[2]) В числе шести человек был матрос „Георгия“ Кошуба, о котором мы встречаем рассказ в записках Фельдмана, в связи с попыткой захвата угля в Феодосии.

[3]) Хотя команда „Георгия Победоносца“ и сдалась на милость правительства, с революционной его частью расправились чрезвычайно жестоко. 75 человек были преданы суду, из них только 20 оправданы, а три присуждены к разстрелу. (Степанюк, Далин и Кошуба — последний был захвачен вместе с Фельдманом при нападении на угольник. На суде он произнес 24 часовую речь) см. „Искр.“ № 110, стр. 4.

ВЫПИСКА ИЗ ПОКАЗАНИЯ КОМАНДИРА БРОНЕНОСЦА „ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ“ ГУЗЕВИЧА.

15 июня в 2 ч. 20 м. дня, я был потребован сигналом экстренно прибыть к адмиралу и в 2½ часа „Георгию Победоносцу“ приказано разводить пары. Младший флагман (адмирал Вишневецкий) сообщил мне секретно, что на броненосце „Потемкин“ команда взбунтовалась, перебила всех офицеров и с броненосцем перешла из Тендры в Одессу, там спустила военный кормовой флаг и вместо него подняла красный флаг. Броненосец „Три Святителя“ и „Георгий Победоносец“ посылаются усмирить команду и заставить ее поднять военный кормовой флаг и привести броненосец в Севастополь. Посылаемые броненосцы должны экстренно разводить пары во всех котлах и как только пары будут готовы, снимутся и пойдут полным ходом.

В час ночи 16 июня, по сигналу начальника эскадры броненосцы „Три Святителя“, „Георгий Победоносец“ и „12 Апостолов“, минный крейсер „Казарский“ и миноносцы за №№ 255, 258, 272 и 273 снялись с якоря для вышеуказанной цели. В 5 часов 20 минут вечера отряд судов подошел к Тендровскому молу и стал на якорь. С 5½ часов вечера младший флагман (Вишневецкий) потребовал к себе всех командиров отряда. На совещании флагман сообщил, что если команда броненосца „Потемкин“ миролюбиво не сдастся и не спустит красного флага, он с броненосцем „Потемкин“ в бой вступать не будет, а будет морить измором, основываясь на том, что на броненосце провизии и угля мало, то и другое с берега доставлять не будут, и команда поневоле должна будет сдаться; минами с миноносцев, если удастся взорвать „Потемкин“, взорвать его, а с броненосцами он будет держаться около Одессы, чтобы не выпускать броненосец „Потемкин“ из Одессы. В крайнем только случае вступить с ними в бой, если он первый откроет огонь.

По поводу этого отдан и приказ, копии с него роздал командирам. На том же заседании адмирал Вишневецкий решил послать на броненосец „Потемкин“ парламентеров и для этой цели избрал лейтенанта Григоркова, который быть парламентером отказался. В тот же вечер посланы были

два миноносца №№ 255 и 258 в Одессу для разведок [1]) насчет броненосца „Потемкин", а остальные миноносцы и крейсер „Казарский" были поставлены на ночь сторожевыми судами вокруг броненосцев для предупреждения нападения броненосца „Потемкин" [2]). Около часа ночи 17 июня лейтенант Фролов доложил мне, что некоторые командиры наши первые стрелять в „Потемкин" не будут [3]). В 4 часа утра броненосцы „Три Святителя", Георгий Победоносец" и „12 Апостолов" снялись с якоря и пошли по направлению на Феодосийский маяк. В 7 часов утра 17 июня открыли маяк, но города Одессы и рейда не было видно, были занесены мглою, поэтому повернули на Воронцовский маяк. Вскоре открылись маяк, рейд и суда, стоящие на нем. В 7 ч. 40 м. утра броненосец „Потемкин" снялся с якоря и следовал навстречу нашему отряду полным ходом. Наш отряд по сигналу младшего флагмана повернул обратно и 12-узловым ходом стал уходить от него. Суда нашего отряда не были подготовлены к бою, боевой тревоги не билось и орудия не были заряжены. Броненосец „Потемкин" повернул обратно на Одесский рейд. В 10¼ утра начальник эскадры (Кригер), идя на броненосце „Ростислав" с броненосцем „Синоп" и двумя эскадренными миноносцами „Строгий" и „Свирепый", приблизился к отряду Вишневецкого и сделал сигнал „броненосец „Три Святителя" — в броненосец „Потемкин" не стрелять, это мое мнение, чтобы не повредить города".

Начальник эксадры Кригер построил броненосцы в строй фронта, идя прямо на Воронцовский маяк. Правофланговым шел „Ростислав", вторым „Три Святителя", третьим

---

[1]) Этих миноносцев около Одессы никто не видел, и, вероятно, они близко не подходили.

[2]) Итак, высланная эскадра из трех броненосцев боится нападения одного восставшего броненосца, укрывается от него на Тендре. А эта тактика создалась под влиянием революционного выступления команды броненосца „Екатерина" 14-го июня вечером.

[3]) Решение команды не стрелять подтверждается и показанием Фролова. Встреча „Потемкина" с эскадрой 17-го июня это было сражение, но веденное с обеих сторон моральными силами, а не снарядами. „Потемкин" одержал победу, приведя с собой в Одессу „Георгия" и вызвав сочувственные крики „ура" на „Синопе", но не докончил или не углубил свою победу 18 июня, чем и объясняется отпадение „Георгия" 18 числа.

„Георгий“, четвертым, „Синоп“ и пятым „12 Апостолов“, сзади броненосцев шли миноносцы.

Около 12-ти часов дня „Потемкин“ снялся с Одесского рейда и следовал навстречу нашей эскадре, приближаясь к ней, поднял сигнал: „Команда „Потемкина“ просит командующего флотом“. На этот сигнал начальник эскадры ответил: „Потемкин“, стать на якорь“. „Потемкин“ продолжал идти и в кабельтовых 3 — 4 от эскадры сделал сигнал семафором: „Броненосец „12 Апостолов“ под корму не идти, стать на якорь“. Затем он сделал второй сигнал: „Синоп“ и „Три Святителя“ стать на якорь“. Вслед за ним подал сигнал: „Всей эскадре стать на якорь“.

„Потемкин“ вышел навстречу эскадре в полной боевой готовности, людей наверху не было, все находились у орудий по башням. Носовую башню 12 дюйм. оруд. он направил на „Три Святителя“, кормовую 12 дюйм, на „12 Апостолов“, остальные орудия направил на остальные броненосцы. Наша эскадра совершено не была готова к бою, шла по якорному, боевой тревоги и сигнала приготовиться к бою не было, потому команды торчали наверху. „Потемкин“ прорезал строй фронта и прошел между броненосцами „Три Святителя“ и „Георгий“ в кабельтове от последняго. При проходе „Потемкина“ вдоль правого борта „Георгия“ команда последняго начала первая кричать „ура“ и махать фуражками. Команда „Потемкина“ отвечала ей. Начальник эскадры поднял сигнал: „повернуть всем на 16 румбов“ и при повороте эскадры на обратный курс „Потемкин“ вторично прорезал строй фронта, но прошел между „Георгием“ и „Синопом“, команда обоих кричала, „ура“ и с того момента команда „Георгия“ начала бунтовать, стала кричать, с бака „долой офицеров“. Я семафором сообщил (Кригеру); „у меня команда бунтуется“. На это получил: „идти в Севастополь“. Эскадра уходила 13-узловым ходом, бунтующая часть команды моментально окружила меня и старшего офицера, оттеснила нас обоих от управления броненосцем, сами застопорили машину, вырвали штурвал у рулевого и требовали поворотить к „Потемкину“. Часа 2 — 2½ я урезонивал их. Когда подошел к броненосцу миноносец № 267, на нем явились три агитатора, которые взобрались на броненосец. Все они были в матросских костюмах, но были не матросы.

Один из них, говоривший больше всех, был 35—40 лет, шатен, с большой продолговатой бородой [1]), другой круглолицый брюнет, третий стал на колени и рассказывал команде, как их кормили на „Потемкине“ и как в них начали стрелять офицеры, и его вскорости команда подхватила на руки и стала качать. С бородой приказал арестовать офецеров. Моментально судовая команда, бывшая с ружьями, вскочила на площадку и у каждого офицера встали по два ружейных.

Нас высадили в Дофиновке, и мы отправились в Николаев. 18 июня в 11 часов в Николаеве я явился к главному командиру Черноморского флота (Чухнину), прибывшему только что из Петербурга. Главный командир задал мне вопрос: „были ли мне известны телеграммы императора уничтожить или взорвать „Потемкин?“ Я ответил: „мне такой телеграммы не было известно“. Затем, когда я докладывал о заходе в Тендру, главный командир удивился и спросил: „по чьему приказанию ночевали у Тендры?“ Я ответил — мне неизвестно, а мы исполняли приказание начальника отряда (Вишневецкого) [2]).

ПОКАЗАНИЕ ЛОЦМАНА ОДЕССКОГО ПОРТА РОМАНЕНКО [3]).

На моей обязанности лежит вводить и выводить частные и военные суда и указывать им место для причала в порту. 13 июня миноноска № 267 причалила к военному молу... миноска простояла до десяти часов вечера, затем ушла в море. 14 июня утром я узнал, что в городе начались беспорядки, но на порту беспорядки эти не отразились... В тот же день часов в 8 вечера на внешний рейд пришли броненосец „Князь Потемкин - Таврический“ и миноноска № 267 и остановились в версте от порта. Я следил за броненосцем,

[1]) Очевидно „Кирилл“.

[2]) Из этого разговора Чухнина с Гузевичем видно, что Вищневецкий завел эскадру на Тендру вопреки приказа, из боязни немедленно встретиться с восставшим „Потемкиным“. Не своим вооружением „Потемкин“ был страшен эскадре, а моральным превосходством революции над старым режимом.

[3]) Предварительное следствие следователя по особо важным делам Головни в 1905 г. т. I лист 145—152 даны 13 июля. Это показание более подробно обрисовывает момент ухода „Потемкина“, остальные моменты очень кратко.

ожидая, что он поднимет лоцманский флаг о вызове меня, но такого сигнала не последовало и потому я не пошел к броненосцу. В тот же вечер я видел, что к броненосцу подходили разные шлюпки и яхты, но чьи были эти суда, я не знаю. 15 июня, часов в 5 утра, к новому молу подошел катер в сопровождении шлюпки, на которой было человек 12 вооруженных матросов с броненосца „Потемкин". В тоже время я увидел, что с катера был снесен на мол и положен на земле труп матроса, над которым матросы сделали палатку из брезента, взятого с лежавших на молу товаров. Спустив труп, матросы уехали на броненосец, но оставили одного часового без оружия, одетого в костюм матроса с частного парохода. Когда матросы привезли труп, то на молу не было публики, а стала она собираться после их отъезда. В числе других и я пошел на мол посмотреть на труп и при этом увидел, что на груди матроса была положена писанная на машинке прокламация... В течение каких-нибудь получаса публика заняла весь мол. Публика состояла преимущественно из рабочего люда. Тут же я узнал, что матросы, уезжая, объявили, что если кто-нибудь тронет труп, то с броненосца будут стрелять. После восьми часов утра на мол стали являться разные лица из города. Некоторые из них разбрасывали прокламации и, вскакивая на сложенные ящики, произносили речи, в которых призывали рабочих присоединиться к ним и восстать против властей. Все это говорилось вполне свободно, и никто этому не препятствовал, так как полиции на молу не было, да и не могло быть, потому что в толпе слышались крики: „Долой полицию!", „Нужно их бить"... Когда на молу собралась тысячная толпа, то к корню мола подъехала на рысях полусотня казаков, но тотчас же повернула обратно и ускакала в город... Казаки пробыли у мола не более пяти минут. Во время их присутствия на броненосце был поднят красный флаг, и в толпе послышались крики: „Сейчас будут стрелять!" При этом толпа шарахнулась с мола, но так как красный флаг скоро был спущен, то толпа снова заняла мол.

В то же время к молу подошла миноноска № 267 и стала обходить стоявшие частные суда, предъявляя требование спустить флаги и очистить место. Часа в два дня

с миноноски № 267 послышались крики, обращенные к толпе на молу: „что вы смотрите, стоя голодными; вот пакгаузы, разбивайте их, вы там достанете все, что вам нужно“ [1]). Толпа бросилась к пагкаузам и стала разбивать их... Вслед затем начался пожар на конце Нового мола... Около пяти часов дня на горизонте показался военный лоцмейстерский пароход „Веха“ и, не доходя до „Потемкина“, спросил сигналом позволения зайти, в порт, на что получил разрешение, но когда „Веха“ приблизилась к „Потемкину“, последний приказал ему сигналом стать на якорь. К „Вехе“ подошла миноноска № 267 и было видно, что с „Вехи“ съехали на „Потемкин“ два офицера, после чего командой „Потемкина“ были арестованы на „Вехе“ все офицеры и свезены на Дофиновский берег, а пароход „Веха“ был обращен в лазарет и на нем был поднят флаг Красного Креста.

В ночь с 16 на 17 июня большая часть стоявших в порту русских и иностранных судов была выведена мною на рейд; все остальные были оттянуты от берега и сходни с них сняты. В эту ночь от „Потемкина“ отделился пароход „Веха“ и ушел к Дофиновскому берегу, а „Потемкин“ и миноноска № 267 остались на якоре против Ланжерона, заняв место в центре расположения вышедших из порта и остановившихся на большом рейде торговых судов русских и иностранных. Всю ночь броненосец освещал прожектором горизонт, город и окружающее водное пространство, иногда сигнализировал огнями.

Несколько раз с моря, со стороны Пересыпи и Александровского парка ему отвечали световыми сигналами; после одного из таких сигналов, броненосец поднял на мачте боевой (красный) фонарь, который вскоре затем, после нового сигнала с берега, был потушен. 17 июня в 8½ часов утра на горизонте, по курсу из Севастополя, показалась эскадра, в составе трех броненосцев и нескольких миноносцев; после переговоров сигналами броненосец поднял красный флаг, вышел навстречу эскадре, стараясь держаться берега таким образом, чтобы занять положение между городом и эскадрой. Через несколько минут эскадра повернула и скрылась за горизонтом, а броненосец „Потемкин“

---

[1]) Другими показаниями этот факт не подтверждается.

вернулся на прежнее место стоянки. Около полудня эскадра в составе пяти броненосцев и нескольких миноносцев возвратилась на рейд и после переговоров с „Потемкиным" флагами прошла мимо его с двух сторон; „Потемкин" ушел по направлению к Тендре, эскадра же под Дофиновским берегом перестроилась, пропустила мимо себя в близком расстоянии возвратившегося обратно „Потемкина", после чего ушла в кильватере по направлению в Севастополь. Из состава эскадры отделился один броненосец, с которым и пришел „Потемкин" на внешний рейд и стал на якорь против выхода из порта... Я на катере „Пройда" подошел к броненосцу, оказавшемуся „Георгием Победоносцем"— я обнаружил на нем отсутствие офицеров; встретившие меня нижние чины, на мой вопрос, не нуждается ли в чем-либо броненосец, ответили мне приказанием идти на „Потемкин", где находится главное начальство обоих судов. Я подошел к „Потемкину", откуда получил приказание доставить на оба броненосца провизию и медикаменты по особому списку. Пока составляли список, я вступил в беседу с матросами, от которых узнал, что „Георгий Победоносец" присоединился к „Потемкину", что офицеры на нем арестованы, за исключением одного застрелившегося, что среди команды обоих броненосцев нет единодушия.

18 июня около двух часов дня мне были доставлены от командующего войсками провизия и медикаменты [1]), и я на катере „Надежда" повез все это на оба броненосца. Сдавая часть привезенного на „Георгий Победоносец", но не входя на него, я вступил в беседу со спустившимся ко мне по трапу минным канониром, назвавшимся командиром броненосца и тремя матросами, принимавшими провизию, которые передали мне, что большинство на броненосце тяготится своим положением, согласны прекратить начатое, но опасаются „Потемкина"... Я посоветовал

---

[1]) Этот факт доставки провизии от командующего войсками показывает, насколько одесское военное начальство растерялось и боялось броненосца. Что этот факт существовал, указывают слова из показаний жандармского ротмистра Севериновского. „Там (во дворце командующего войсками) мне передано лично генералом Карангозовым озаботиться перевозкою провизии, разрешенной командующим войсками, на броненосец „Потемкин".

им воспользоваться наступившим волнением, незаметно сняться с якоря и уплыть в Севастополь, пообещав им, что постараюсь задержать „Потемкина“, насколько будет возможно. После этих переговоров я отправился на „Потемкин“, который в это время перегружал уголь, с стоявшего у его правого борта парохода „Петр Регир“, сдал ему остальную провизию и, под предлогом получения расписки, вошел в кают-компанию. Последняя была наполнена матросами, около 35 человек, в числе которых можно было заметить много лиц, не принадлежащих к числу матросов, хотя и одетых в матросские костюмы[1]). В кают-компании я был встречен неизвестным мне лицом, в офицерском кителе без погон, отрекомендовавшимся мне одним словом: „Алексеев“. В течении всей последующей сцены, ни Алексеев, ни другой такой же, повидимому, офицер или механик, все время лежавший на диване, — не проронили ни слова, прислушиваясь к беседе моей с остальными присутствовавшими, но не принимая в ней участия[2]).

Когда писалась расписка, кают-компания постепенно заполнялась приходившими матросами и некоторые из присутствовавших предложили мне следующие вопросы: „Что говорят про наши головы на берегу? И много ли войск в городе?“

Я ответил: „Про ваши головы ничего не говорят но лучше было бы если бы сдались, а войсками город переполнен“. Затем меня спросили: „Когда в Петербурге будет заседание по поводу Земского Собора?“ После этих двух вопросов я вступил с ними в разговор, почему они держат город три дня в осаде... На это я получил от них следующий ответ: „Люди бедные знают, что если начнется бомбардировка, то они должны переселиться на Пересыпь, так как эта часть города не будет тронута“. Затем я их спросил: „Чего вы думаете достигнуть этим?“ Тогда большинство матросов, бывших в кают-кампании, поддержало мой совет и решено было обратиться к командующему войсками с особым заявлением, к составлению которого тут же было

---

[1]) По запискам К. Фельдмана и „Кирилла“, с берега было только трое.

[2]) Это показание Романенко соответствует и воспоминаниям К. Фельдмана.

приступлено[1]). Во время этой беседы в кают-компанию вошел вахтенный матрос и доложил, что „Георгий Победоносец“ поднимает якорь. Возникшее недоумение разрешилось высказанным мною предположением, что броненосец просто травит цепь в виду наступившего шквала, и составление заявления продолжалось. Затем в кают-компанию вбежал вахтенный и доложил, что „Георгий Победоносец“ идет полным ходом по носу „Потемкина“. Все бывшие в кают-компании повыскакивали на палубу, раздалась команда „по орудиям“, и броненосец стал поднимать пар. В то же время меня прогнали с броненосца, и я сошел на свой катер и остановился в некотором расстоянии от „Потемкина“. Когда „Георгий Победоносец“ отошел уже на довольно значительное расстояние, вдогонку за ним пошла миноноска и, после нескольких сигналов с „Потемкина“, „Георгий Победоносец“ повернул обратно. Когда он поровнялся с катером „Надежда“, на котором я находился, командовавший им канонир, сделал жест отчаяния; я мимикой и голосом указал ему идти в порт, а сам катером пошел вперед, указывая путь; введя броненосец в гавань и наведя его на мелкое место, в нескольких саженях от Платоновского мола, указал ему бросить якорь, после чего на „Надежду“ сошло 15 человек матросов, в том числе и командовавший броненосцем канонир[2]).

Я их доставил к Карантинному трапу, где в это время находилась рота солдат, жандармский ротмистр Севериновский с портовым делопроизводителем, которым и передал составленное на броненосце и врученное мне для представления командующему войсками заявление.

„Потемкин“, „Веха“ и миноносец № 267 около шести часов вечера снялись по курсу на Севастополь и более в Одессу не возвращались.

19 июня около четырех часов пополудни на рейд прибыл учебный военный пароход „Прут“, к которому я вышел навстречу и обнаружил на палубе его совершенное отсутствие

---

[1]) О составлении этого заявления ни „Кирилл“, ни Фельдман не упоминают, но воспоминания К. Фельдмана придают большое значение агитации Романенко.

[2]) Это был боцман Кузьменко, что подтверждается и его допросом в тот же день в 11 ч. вечера в жандармском управлении.

офицеров; верхняя рубка была усеяна учениками одесского училища торгового мореплавания [1]). Узнав от меня, что „Потемкина“ в Одессе нет, „Прут“ пошел на Севастополь, не обращая внимания на сигнал с „Георгия Победоносца“.

Копия.

Временный
Генерал-Губернатор
гор. Одессы
и Одесского уезда.
20-го июня 1905 г.
№ 2.
г. Одесса.

Циркулярно.

ИЗВЕЩЕНИЕ КОНСУЛАМ [2]).

Г.г. Генеральным Консулам, г.г. Консулам и Вице-Консулам в г. Одессе.

В виду обращаемых ко мне просьб о сообщении относительно положения дел на Одесском рейде, объявляю для сведения вышеуказанных лиц, что:

1) в настоящее время (20-го июня 1 ч. дня) на рейде находится военное судно броненосец „Георгий Победоносец“ [3]).

2) команда этого судна успокоена, приведена к порядку и подчинена твердой власти, что позволяет надеяться на спокойствие со стороны этого судна.

3) для предотвращения беспорядков со стороны стачечников в городе приняты самые строгие и решительные меры. Вместе с тем прошу г.г. генеральных консулов со всеми справками и заявлениями на мое имя обращаться ко мне через дипломатического агента министерства иностранных дел в Одессе, через посредство которого буду сообщать все мои ответы.

В прочтении сего прошу расписаться на сем же.

Врем. Генерал-Губернатор г. Одессы и ее уезда

Генерал *Карангозов.*

---

[1]) „Прут“ пришел уже в состоянии восстания и искал „Потемкина“, чтобы присоединиться к нему.

[2]) Одесск. Историко-Революц. архив. Фонд ген.-губ. 1905 г. дело „О народных волнениях“, стр. 53.

[3]) Очень характерное умолчание власти о „Потемкине“, который 20 июня еще был для них грозной и загадочной силой на море.

Отправлена 20 июня
Исходящий № 78.
Отдана для отсылки
в 2 часа дня.
Черновик.

Телеграмма Одесского Вр. генерал-губернатора Батумскому об уходе „Потемкина“ [1]).

Батум
Генерал-Губернатору Князю Орбельяни.

„Потемкин“ исчез из Одесского рейда. Неизвестно где находится. Может подойти к Батуму. 78.

Подлинная подписана вр. генерал-губернатором г. Одессы генералом *Карангозовым* [2]).

---

[1]) Истор. Рев. архива фонд ген.-губ. Дело под названием № 16 „О народных волнениях“, стр. 76.

[2]) Телеграмма показывает, что власти очень опасались появления восставшего „Потемкина“ у берегов революционного Кавказа.

Настроение в экипажах и в эскадре.

(По материалам следствия и зарубежной прессе)

О ПОДГОТОВКЕ ВОССТАНИЯ ВО ФЛОТЕ [1]).

В делах прокурора б. одесской судебной палаты имеется небольшое дело под заголовком „О беспорядках матросов на „Пруте“ и „Георгие Победоносце“ в 1905 году“. В этом деле, между прочим, находится донесение прокурора симферопольского окружного суда о результатах расследования Потемкинского восстания. Из них отметим те факты, которые относятся к вопросу о подготовке восстания во флоте и к действиям эскадры Кригера, шедшей усмирять восставшего „Потемкина“.

О подготовке восстания во флоте прокурор пишет:

„Революционная пропаганда в Севастополе среди матросов велась давно (о чем доносилось министру юстиции), начиная с 1902 года. За последнее время эта пропаганда, в связи с общим революционным движением в России, значительно усилилась, и надо думать, что агитаторы заранее организовали и разработали в деталях как время, так и способы мятежа во всех командах Черноморской эскадры, на это указывают также обстоятельства:

„1. По сведениям из морских сфер, первыми должны были взбунтоваться матросы эскадренных броненосцев—„Князь Потемкин - Таврический“, „Ростислав“, „Три Святителя“ и „Синоп“, а затем уже остальные корабли, как слабейшие, должны были к ним присоединиться.

„2. 11 июня перед отправлением „Потемкина“ на опытную стрельбу, 50 матросов под разными предлогами просились списать их с „Потемкина“, из этого морское начальство выводит заключение, что уже тогда было известно матросам, что произойдет на Тендре и они, не желая, с одной

---

[1]) Донесение симферопольского прокурора.

стороны, выдавать товарищей, а с другой, участвовать в мятеже, решили остаться в Севастополе.

„3. ...филерское донесение от 16 мая, из коего видно, что среди матросов на „Потемкине“ решено было при первом его выходе в море взбунтоваться и перерезать начальство“.

Из второго донесения прокурора о ходе следствия видно, что накануне выхода из Севастополя командир „Потемкина“ Голиков был предупрежден о готовящемся восстании: „Из эпизодов, предшествующих бунту, нужно отметить факт получения командиром Голиковым анонимного письма с предупреждением, что на Тендре будет бунт эскадры, что на „Потемкине“ начнется с того, что придерутся к старшему офицеру и приводились даже имена бунтовщиков. Голиков никому этого письма не показывал и не докладывал командиру.“

Следовательно, уже до выхода броненосца на Тендру, до 12 июня 1905 года массовое революционное движение в Черноморском флоте выливалось из краев и начальство об этом знало, но чувствовало свое бессилие затушить пылающее пламя.

Поведение эскадры адмирала Кригера, посланной из Севастополя по приказу из Петербурга для захвата или уничтожения восставшего броненосца, в расследовании прокурора обрисовывается из двух донесений прокурора от 4-го и 8 июня.

В первом прокурор пишет: „Настроение команд на всех кораблях Черноморского флота действительно ненадежно, это удостоверяют все причастные к флоту лица до главного командира Чухнина включительно. Так, например, на эскадренном броненосце „Екатерина“ возбужденное настроение команд настолько грозило опасностью, что начальство решило снять замки с орудий и отобрать ружья ото всей команды, а на броненосец „Синоп“ призывались даже сухопутные войска для водворения порядка.

„Наконец, на патриотическую речь главного командира вице-адмирала Чухнина, посетившего эскадру перед ее вторичным выходом на поиски „Потемкина“, некоторые команды ответили гробовым молчанием. Я уже не говорю о других слухах, из коих можно заключить, что мятеж

на „Потемкине“ это только начало, что весь Черноморский флот решил во что бы то ни стало покончить с начальством и вызвать революцию“.

В донесении о следствии от 8 июля поведение Кригера выступает яснее:

„Вице-адмирал Кригер, выйдя для усмирения „Потемкина“ и имея приказ из Петербурга „заставить его сдаться или пустить ко дну“, нашел нужным собрать совет командиров, чтобы решить стрелять или нет, и на этом совете был один только голос за стрельбу, во исполнение приказания из Петербурга, — это голос морского прокурора Александрова[1]).

Самый факт присоединения „Георгия Победоносца“ к „Потемкину“ описывается прокурором кратко: „Бунт на „Георгие“ обрисовывался в следующих чертах: когда „Потемкин“ прорезал вышедшую на его усмирение эскадру и поровнялся с „Георгием“, на последнем раздались приветственные ему крики, а затем единомышленники мятежников бросились к машине, затопили ее и овладели рулем. Когда боцман Кузьменко обратился к командиру судна, капитану Гузевичу, говоря, что не вызвать ли караул, на это Гузевич ответил: „только без кровопролития“; в это время бунтующие были без ружей. Когда на „Потемкине“ заметили, что „Георгий“ хочет присоединиться к ним, а с него пришла шлюпка с некоторыми главарями движения, как инженер-механиком Коваленко, который произносил зажигательные речи, — они посоветовали арестовать офицеров; последние никакого сопротивления не оказали, позволили себя обыскать и арестовать, лишь один Григорков, услышав предложение их арестовать, тут же застрелился. Д-р Галенко, приехавший с „Потемкина“ пытался своей речью образумить команду, но успеха не имел; тем не менее он остался здесь. На другой день, не сочувствующие бунту матросы, воспользовавшись тем, что борт „Потемкина“ был закрыт угольщиком „Петр Регир“, подняли якорь и пытались уйти“[2]).

---

[1]) В следствии Головни такое же показание дал командир броненосца „Георгий Победоносец“—Гузевич.

[2]) Прокурор, повидимому, в своей сводке о „Георгии“ обобщал уже имеющийся в морском следствии материал (севастопольский, а не одесский).

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДНИ В ЧЕРНОМОРСКОМ ФЛОТЕ [1]).

(Письмо матроса)

В последнее время в Черноморском флоте замечалось сильное революционное движение. Люди просто рвались в бой и большого труда стоило местной флотской централке, членам севастопольской социал-демократической организации, удерживать людей от подобного шага, так как в виду имелось поднять восстание в конце практического плавания Черноморской эскадры, а до тех пор вести самую сильную агитацию среди судовых и береговых команд флота и, по возможности, среди армии. За несколько дней до ухода броненосца „Князь Потемкин-Таврический" на пустынный остров Тендру для опробования боевыми снарядами своей артиллерии, местная организация получила с „Князя Потемкина" письмо, в котором почти вся команда его спрашивала организацию, не повредит ли народу и вообще революционной работе в России, если они, команда „Князя Потемкина", поднимут знамя восстания. Местная организация созвала представителей от флота, т. е. флотскую централку, на которой и было приступлено к разбору этого письма и совещанию, как поступить с предложением потемкинских товарищей. После долгих прений, при помощи интеллигента от севастопольского комитета, было единодушно принято решение просить потемкинских товарищей подождать до конца плавания эскадры, в виду того, что на некоторых судах еще не были готовы к восстанию, а до тех пор, как я уже писал выше, решено было повести самую широкую агитацию, на что на другой день было получено письмо от товарищей броненосца „Князь Потемкин", что они принимают наше решение и соглашаются ждать до конца плавания. 12 июня в воскресенье, в начале третьего часа пополудни, „Потемкин" снялся с якоря и ушел на остров Тендру, а 13 июня практическая эскадра черноморского флота, под командой старшего флагмана вице-адмирала Кригера, начала кампанию. 21 июня эскадра должна была идти к острову

[1]) Это письмо, опубликованное в Искре № 105 — 1905, дает интересные сведения о настроении в эскадре в связи с Потемкинским восстанием и, в частности, о моменте роковой встречи эскадры с „Потемкиным".

Тендре на присоединение к „Потемкину“ для совместных практических занятий. 15 июня вдруг, неожиданно для всех, с флагмановского броненосца „Ростислав“ был поднят сигнал: „адмирал просит всех командиров к себе“ и другой — броненосцам „Три Святителя“, „12 Апостолов“, „Георгий Победоносец“ и „Екатерина II“ развести пары и приготовиться к походу. Мы, матросы, были очень удивлены этим, так как все знали, что на Тендру пойдем 21-го. Некоторые стали предполагать, что с „Потемкиным“ случилось что-нибудь неладное, другие стали возражать: это, мол, просто практика, не больше. Словом, на баке, разбившись на несколько групп, команда стала комментировать этот поход на разные лады.

Тем временем съехались командиры. Совещание их длилось часа два, что они говорили, — не знаю. Но после совещания последовал другой сигнал: „Екатерине II“ оставить готовиться к походу“, и вот почему, как мы после узнали от екатерининских товарищей: накануне этого дня, т.е. 14-го вечером, команда броненосца „Екатерина II“, пропев с грехом пополам молитвы „отче наш“ и „богородицу“, совершенно отказалась петь „спаси господи“ и, когда человек 5 — 7 певчих почти тянули молитву, остальные стали шикать и свистать; к вышедшему командиру капитану 1-го ранга Дриженко команда предъявила чисто экономического характера требования, он смешался и поспешил уйти в каюту. Вот по этой-то причине и не пошла „Екатерина“ с эскадрой. В одиннадцать часов ночи снялась эскадра под командой младшего флагмана Вишневецкого в составе трех броненосцев: „Три Святителя“, „Георгий Победоносец“, „12 Апостолов“, минного крейсера „Казарский“ и четырех миноносцев. На другой день, т.е. 16 июня около одиннадцати часов утра был поднят другой сигнал: „Ростиславу“ и „Синопу“ развести пары и приготовиться к походу. Стали готовиться. Приняли на три дня провизии и к началу седьмого часа вечера снялись. Все это время офицеры были страшно встревожены, ходили, повесив носы, и о чем-то шушукались. Более сознательные матросы, которых было очень мало на „Ростиславе“, всего десять человек, догадались, что мы идем на „Потемкина“ и стали просто открыто агитировать, на чем некоторые провалились в том числе и я, но мне удалось

после бежать. Агитация плохо шла, большинство не верило, что „Потемкин“ перешел на сторону народа, но, в конце концов, нам удалось многих из команды убедить в этом, и они говорили так: „если правда, что мы идем на „Потемкина“, то стрелять в него мы все равно не будем, там наши братья“. В начале десятого часа утра 17 июня мы подошли к острову Тендре с целью присоединиться к ушедшей заранее эскадре, но ее там не оказалось, только на горизонте по направлению к Одессе виднелось несколько дымков, то была наша эскадра. Мы пошли к ней, часов в одиннадцать соединились. Командиры всех судов съехались на совещание на флагманское судно „Ростислав“; от гребцов, которые приехали с командирами, мы узнали, что „Князь Потемкин“ стоит в Одессе, и, когда они стали подходить к Одессе, с „Потемкина“ подняли сигнал „сдавайся или будем стрелять“, они поспешили уйти от него.

Совещание командиров длилось не больше получаса. Потом эскадра выстроилась в боевой порядок и, взяв курс на Одессу, пошла 10-узловым ходом. Около двенадцати часов показался берег и виднелись дымки из трубы „Князя Потемкина“. В начале первого часа мы простым глазом видели все предметы на „Потемкине“. У нас пробили боевую тревогу. Стали убирать все лишнее из верхней палубы. Подали снаряды к пушкам. Все это делалось командой нехотя, медленно. Сознательные матросы вели открытую агитацию. Говорилось несколько речей почти на глазах у офицеров и у шпионов, которых в изобилии во флоте. Большинство команды всей душой сочувствовали потемкинским товарищам. На флагманском судне „Ростислав“ подняли сигналы „Потемкину“ стать на якорь“, с „Потемкина“ ответили: „Ростиславу“ и „Трем Святителям“ застопорить машины“, так как эти два броненосца больше других ушли вперед. С „Ростислава опять подняли сигнал: „Потемкину“ стать на якорь“. Оттуда ответили: „Ростиславу“ и „Трем Святителям“ застопорить машины, иначе стрелять будем“. После такой аргументации „Ростислав“ и „Три Святителя“ застопорили машины, а за ними застопорила машины и вся эскадра. И вот тут я уже не в состоянии описать того, что я видел, такие величественные картины видятся только раз в жизни. „Потемкин“, мощный, грозный, громадный и сильный,

полным ходом идет против эскадры в пять броненосцев. Это было величественное зрелище, достойное кисти самого знаменитейшего художника в мире. Пушки „Потемкина“ направлены на нас, он целится ими в нас. Вот на нем взвился сигнал. Разбираем. „Команда Потемкина требует к себе старшего флагмана“. Флагман не отвечает. Вот он уж близко, вот уже идет между „Ростиславом“ и „Тремя Святителями“. Ужас, восторг смешались вместе и, схватившись за стойку, я оцепенел от этих ощущений. На „Ростиславе“ все затихло, замерло, притаилось и томительно ждет чего-то страшного, таинственного. А „Потемкин“ гордо, смело, величественно идет между нами, не спуская пушек с намеченной цели. Вот он стал направлять свою большую 12-дюймовую пушку на мостик, где куча офицеров, онемев от ужаса, стоит, не шелохнувшись; увидав же, что на них целятся, они, как стадо скотов, шарахнулись, кто куда попал, а один из них, некто мичман Высокосов, схватившись за ногу, с криком „ой, нога, нога!“ убежал.

А на „Потемкине“ ни души не видать, как будто это волшебное заколдованное судно, как будто это призрак. Одни лишь пушки ворочаются, не спуская намеченной цели, и пусть бы кто выстрелил по нем из револьвера, — в миг бы посыпалось в него 70 снарядов и 6 мин и в миг бы тот корабль пошел ко дну. Да, это было что-то такое фантастическое, невероятное. Казалось, что это сон, а не действительность. Вот „Потемкин“ стал проходить мимо нас, на нем на верхнюю палубу выбежал матросик, взял шланг, полил палубу, снял фуражку, помотал ею нам и скрылся. И опять на „Потемкине“ ни души. Вот „Потемкин“, обогнув корму „Трех Святителей“, пошел между броненосцами „Георгий Победоносец“ и „Синоп“, там его встретили криком „ура“. Пройдя их, он направился к Одессе; эскадра наша хотела идти за ним, но вдруг стали замечать, что с „Георгием“ творится что-то неладное, он вышел из строя и малым задним ходом идет к „Потемкину“; с „Ростислава“ подняли сигнал: „почему „Георгий“ не по боевому?“ Оттуда отвечали: „команда Георгия“ желает свезти офицеров на берег и присоединиться к „Потемкину“; с „Ростислава“ опять сигналят: „употребите все силы и следуйте за эскадрой“. Оттуда отвечают: „не могу, не могу“. Вот и на „Синопе“

стало замечаться какое-то колебание, то он выйдет из строя, то опять с ним. Видя это, старший флагман отдает приказание полным ходом идти в Севастополь. После мне удалось узнать, что на „Синопе“ образовались две партии — желающих и нежелающих присоединения к „Потемкину“. Победила партия нежелающих, и потому „Синоп“ пришел вместе с остальной эскадрой в Севастополь; „Георгий“ же остался вместе с „Потемкиным“. Но по последним известиям из „Правительственного Вестника“ видно, что „Георгий“ сдался властям г. Одессы. Чем это объяснить, не знаю.

В том же № „Искры“ было помещено следующее извещение крымского с.-д. союза о сделанной им попытке осуществить первоначальный план общего восстания в эскадре.

„Крымский союз сообщает, что по возвращении эскадры адмирала Кригера в Севастополь была сделана флотской организацией попытка поднять общее восстание всех судов. Организация разработала план, но не успела привести его в действие, когда пришло известие о сдаче „Георгия Победоносца“. Она все дезорганизовала. Настроение теперь несколько подавленное, но еще более злобное. На имевших место в последние дни трех массовках матросов (в 80—150 и 200 человек), матросами говорились замечательно интересные и горячие речи. Броненосец „Екатерина II“ был разоружен, машины сняты, матросы в экипажах, а корабль стоит. Всё оружие у матросов отнято и снесено в склад, охраняемый армейцами.

„По мнению организации, „Потемкин“ совершил ошибку, не погнавшись за уходившей от него эскадрой. Можно думать, что многие суда к нему примкнули бы и восстание имело бы значительные шансы на успех“.

ОТКЛИКИ ПОТЕМКИНСКОГО ВОССТАНИЯ В ЭКИПАЖАХ[1]).

Мы, одни из матросов, которые во время восстания „Потемкина“ находились в Севастополе на берегу. Мы работали на крейсере „Очакове“, 32 экипажа. Крейсер, как и все суда, готовился к практическим занятиям, которые должны были начаться 21 июня.

[1]) Приводимая выдержка из матросского письма, помещенного в „Пролетарие“, рисует настроение в экипажах в июньские дни и неудавшуюся попытку восстания матросов на берегу.

Работать приходилось спешно, так как крейсер запоздал с подготовкой. Настроение матросов было приподнятое; все сознательные товарищи хорошо знали о готовящемся восстании эскадры. 12 июня в полдень „Потемкин“ первый ушел на остров Тендру для пробы новых минных аппаратов, а 21-го и вся остальная эскадра должна была пойти туда же на практические занятия. В ожидании отплытия, сознательными товарищами велась усиленная агитация, и на многих судах, а также и у нас, почти все команды были уже с'агитированы. Поддержка ожидалась прочная. Уверенность в успехе была полная. От серьезных столкновений с начальством мы старались, покамест, уклоняться, чтобы не дробить наших сил, чтобы сохранить их в целости к решительному удару. Но настроение было настолько революционное что, несмотря на указанное старание, матросы бунтовались по малейшим предлогам. Напр., 5 июня наша команда взбунтовалась из-за плохих щей [1]).

Дело происходило приблизительно так. 5 июня к обеду были поданы скверные щи. Обедать команда не стала, вышла на двор и потребовала дежурного офицера. Офицер явился. Возбужденные мастросы окружили его со всех сторон и предъявили требование о выборе уполномоченных от матросов для контроля над фельдфебелями и ротным командиром в их обращении с кормовыми суммами. Вместо же сегодняшнего обеда требовали выдачи кормовых на руки.

Хотя требования были чисто экономические, но предъявлялись в такой форме, что ясно сквозило политическое недовольство и что щи — это только предлог. Испуганный офицер принужден был призвать экипажного командира. Угрозы о том, что в случае чего мы и сами сумеем распорядиться, как нужно, заставили экипажного командира удовлетворить наши требования. Но как только матросы успокоились — командир не замедлил с репрессиями. Когда через несколько дней мы вечером вернулись с работы, то узнали, что двое наших товарищей арестовано. Это вызвало среди команды еще большее волнение, и мы, не принимаясь

[1]) Очевидно, плохие щи были обычным предлогом для возмущения среди моряков Черноморья. Несвежее мясо, сыгравшее такую роль в Потемкинском восстании, фигурирует и на берегу, и на „Пруте“.

за приготовленный уже ужин на столах, единодушно заявили требование об освобождении товарищей, при чем в случае отказа говорили, что мы и сами сумеем их освободить.

Начальство переполошилось. Вскоре явился из города, очевидно, предупрежденный по телефону о нашем бунте — сам адмирал Тюхменев. Старался нас успокоить, но мы твердо настаивали на своем, и наших товарищей тут же освободили (арестный дом находился в ограде экипажных помещений).

И только, когда арестованные были среди нас, мы разошлись на ужин.

Вот каково было настроение матросов, когда произошел случай с „Потемкиным". Узнали мы о нем не сразу. 15 июня ночью, неожиданно для всех, в том числе и нас, эскадра в составе трех броненосцев „Георгия Победоносца", „Трех Святителелей", „12 Апостолов", минного крейсера „Казарского" и нескольких миноносцев ушла из Севастополя.

Этот преждевременный выход эскадры нас страшно удивил, но на завтра от матросов, работающих на беспроволочном телеграфе мы узнали, что „Потемкин", не дождавшись срока, восстал. К вечеру этого же дня еще два броненосца —„Синоп" и „Ростислав" тоже ушли в море. Находясь на берегу, мы ожидали дальнейшего. Мы были уверены, что эскадра присоединится к „Потемкину", и в знак этого подаст нам условленный сигнал, и всю ночь на 18-ое мы, находящиеся на берегу, с нетерпением ожидали условленного сигнала с тем, чтобы, заручившись поддержкой с моря, начать восстание с суши. План действий был уже условлен заранее. Но 18-го днем эскадра вернулась обратно без „Георгия Победоносца". Прибывшие матросы рассказали, что произошло при встрече с „Потемкиным". О происшедшем всем известно. Ожидать теперь с моря было нечего, приходилось позаботиться о помощи „Потемкину" с суши. 19-го в воскресенье Севастопольским Комитетом РСДРП с этой целю за городом была устроена массовка. Матросов на ней, вследствие праздника, было человек до 150; здесь выяснилось положение дел и решено было немедленно поддержать „Потемкина".

Вечером того же дня, часов в семь, собралось во дворе экипажей нас, матросов, человек 400. Тут же немедленно решили начать восстание и выработали план. Он был таков:

сначала предполагалось захватить оружие, находящееся в экипажных помещениях, броситься в помещения, выгнать матросов, вооружить их, немеденно посадить на суда, развести пары и идти к „Потемкину“, перебив предварительно начальство.

Одновременно с этим, предполагалось отрядить часть для порчи проводов, с целью отрезать сообщение с городом, часть для захвата крепостных батарей (последнее надеялись осуществить, потому что батарейная команда обещала сдаться, как только матросы нападут), и часть для караула у ворот офицерского двора с тем, чтобы воспрепятствовать побегу офицеров, — могущих поднять в городе тревогу. Вот каков был наш план. Но при подсчете сил нас оказалось мало. Для захвата оружия в экипажах предполагалось по сотне на экипаж и так как их девять — то нужно было 900 человек.

Собрание было экстренное, много товарищей о нем не знало и, вследствие праздника, разошлось по городу, к тому же много было наряжено в патруль. Нас было слишком мало. Восстание могло не удаться. Пришлось отложить на завтра. На другой же день привести в исполнение наш план не удалось. На завтра рано утром нам объявили, чтобы мы приготовились к смотру, что приедет главный командир Чухнин. Подчищенных, приготовленных нас вывели во двор и выстроили в ожидании „Чухни“. Ворота всюду запирались. В строю нас продержали до обеда и объявили, наконец, что командир не приедет. Нас распустили. Возвратившись в казармы, мы увидели, что оружие исчезло. Теперь мы поняли, зачем нас держали во дворе. Пока мы ждали Чухнина, оружие вывезли в порты. Мы попали в ловушку.

Пообедав, команда легла отдыхать.

И когда все спали, фельдфебель ходил от одного к другому и что-то тихо говорил. Подошел и к нам. Оказалось — мы приглашаемся в канцелярию, в команду экипажа. Велели захватить с собой фуражки. Такое приглашение нам показалось странным. В канцелярии нас собралось человек 19 наиболее сознательных товарищей. Вскоре приехал адмирал и объявил о нашем аресте. Нас окружила рота. Когда мы вышли во двор, он был заполнен войсками. Мы проиграли.

Нас увели на баржу, и на ней свезли в крепость. Там уже было 700 прутовцев.

После нас в тюрьму привели еще до 1500 человек, арестованных в тот же день... В крепости мы пробыли два с половиной месяца [1]).

---

1) „Пролетарий“ № 26, стр. 3.

Восстание на учебном судне „Прут“.

ПО ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЕ.

Руководитель восстания на „Пруте“, Александр Петров раньше служил матросом на броненосце „Екатерина II“, на той самой „Красной Кате“, которая по плану Крымского с.-д. союза и матросской централки, должна была взять на себя инициативу восстания в Черноморском флоте.

В статье, помещенной в „Пролетарие“ (№ 23 — 1905 г.) под названием „Рассказ матроса с „Прута“ сообщается, что „команда броненосца „Екатерина II“ была вполне с'агитирована Петровым и готова выступить по первой надобности; команда „Прута“ и „Днестра“ тоже была готова; о броненосце „Георгий“ были хорошие отзывы, о „Потемкине“ не было сведений, о других суднах отзывались средне, в экипажах было хорошо“.

7 июня ученики с „Екатерины“ были разосланы на разные суда. Петров попал на „Прут“ и здесь успешно продолжал свою агитацию, находя среди машинных учеников благодарную почву.

По сообщению того же матроса в „Пролетарие“, „Потемкин“ до своего ухода на Тендру согласовал с „Прутом“ вопрос о выступлении таким образом, что если „Потемкин“, идя из бухты, вывесит определенные флаги (сигналы), то команда „Прута“ должна высадить десант и овладеть севастопольской крепостной артиллерией. Но вышло иначе.

15 июня (т.-е. тогда, когда „Потемкин“ был уже захвачен командой и стоял у Одессы) „Прут“ вышел в Тендровскую бухту; против ожидания там уже „Потемкина“ не было. Судно отправилось в Николаев, где оно должно было взять груз для Севастопольского порта, но 17-го из Одессы получилась экстренная телеграмма идти на присоединение ко второй эскадре. Отправились снова к Тендре, где остановились на якоре — никакой эскадры там не нашли.

В Николаеве стало известно о восстании „Потемкина“. С этого момента и у команды и у начальства создалось

напряженное настроение. Команда чувствовала, что настал момент решительный, когда от подготовки нужно перейти к действию, начальство угадывало это состояние экипажа и „потеряло всю свою важность".

Не только побои, но и ругань прекратилась, а с утра 18 июня ни команде, ни ученикам не давалось никаких приказаний, каждому предоставлялось делать, что ему заблагорассудится.

Революционная часть команды устроила совещание, на котором один из наиболее активных матросов, Титов, выдвинул предложение идти в Одессу, на присоединение к „Потемкину", но Петров опасался, что „Прут" будет только обузой восставшему броненосцу.

Но к вечеру (18 июня) и Петров склонился к решению идти на Одессу, очевидно, под влиянием нетерпеливого желания матросов принять участие в развивающемся восстании, а также вследствие перехваченной матросами телеграммы, которую командир судна получил на свой запрос как поступить из Севастополя. Телеграмма подтверждала, что в эскадре неспокойно и предлагала командиру ожидать приказаний. Ночью была получена другая телеграмма, содержание которой осталось неизвестным команде, после получения которой судно снялось и пошло на Севастополь.

Утром команда проснулась уже на море. Дальнейшие события очень ярко изображены в рассказе уже цитированного автора.

„Когда команда позавтракала, — пишет он, — началось возбуждение. Петров, Титов и другие созывали товарищей, советуя начинать действовать. Вскоре собралось человек 40 в переднем носовом кубрике, где находились винтовки. Здесь Петров пригласил разобрать винтовки, открыть патронный погреб и разобрать патроны. Все 50 винтовок в один миг были расхвачены; еще не успели надеть штыки, как с патронного погреба Ковалевым был сбит замок (Ковалев за это же и страдает). Один штык был поломан при съемке замка с патронного погреба. Погреб помещался в трюме; рядом с погребом помещался ахтер-люк, где были ящики с винтовками, куда разом, как в погреб, спустилось несколько человек, разом разбивались патронные ящики и ящики с винтовками. В один миг были разобраны остальные

винтовки и здесь же заряжались; тут же было выпущено несколько выстрелов. Все это происходило во втором кубрике. Но когда из первого кубрика бросались во второй, то произошел шум, кричали „ура“. Это увидел вахтенный квартирмейстер Беликов и доложил командиру, что команда дерется с винтовками. Командир послал старшего офицера.

„В то время Титов выскочил на палубу с винтовкой и сказал находящимся матросам: „идите в кубрик, а то стрелять будем“. Тут старший офицер спустился в кубрик и схватил разбиваемый первый ящик с патронами; за ним спустился Титов. Старшего офицера прогнали штыками на палубу. После старшего офицера подошел к кубрику командир, но был прогнан Титовым и Петровым. На палубу начали выскакивать матросы. Командир отправился на ют, где началась молитва, так как был праздник, и стал сзывать разбегающихся с молитвы матросов, которых было не более двадцати человек. Тут прибежал боцман с юта и закричал: „Караул! наверх! порежу всех“. Он был остановлен Петровым. Когда он вернулся обратно, в это время было выпущено три выстрела, одним из которых боцман был прострелен на вылет; но он добежал еще до лазарета, где через полтора часа скончался [1]). После этого все из кубрика выскочили на палубу. Командир, прийдя на ют, просил фельдфебеля Белого и инструкторов идти уговорить команду, но те не согласились. Тогда он просил священника. Священник с крестом пришел к команде, но был встречен угрозами и прогнан. Он только успел сказать: „не бейте офицеров“. Когда ушел поп, то началась стрельба, и несколько матросов взбежали на спардек. В это время был убит прапорщик, стоявший на вахте на мостике выше спардека; он давал тревожные гудки [2]). Там же при нем был и старший офицер. Спустившись на палубу, он говорил вооруженным матросам: „Что вам надо, в Одессу? Пойдем в Одессу“. Но тут потребовали командира. „Дайте честное слово, что не будете убивать командира“. „Да, не будем, — был ответ, — только

---

[1]) Из помещаемой ниже выписки из приговора по делу „Прута“, видно, что из-за этого боцмана пострадало много матросов, обвинявшихся не в том даже, что они убили его, а в том, что умирающего дергали за нос! *Ред.*

[2]) Очевидно, речь идет о прапорщике Нестерцеве. *Ред.*

пусть идет без оружия!“ Сейчас же был приведен командир. Титов его обыскал и тут же была каюта, которую обыскивали, что бы не осталось оружия. В то время, когда обыскивали каюту, из толпы, здесь же стоящей и выкрикивающей все оскорбления, нанесенные командиром, Адаменко с выговором ударил командира по голове кулаком. Ударить в другой раз ему помешали и командира заперли в каюту. Старшего офицера отвели в другую каюту и заперли. Титов имел желание связать офицеров, для чего приготовил веревки, но это сочли лишним.

„Управлять судном поставили прапорщика Яцимирского, а прапорщика Сандакова ему в помощники. Контролировали же и прокладывали румп на Одессу ученики одесских мореходных классов. Когда шли на Одессу, то в период этого времени отобрали кассу у ревизора, прапорщика Сидоренко, и передали машинисту Козубу, назначенному при выборе представителей, которые должны были вести порядок на судне. Представителями были Козуб, Чувильский, Чугунов, Филимонов и Дружинник. Представители были выбраны по предложению Петрова. Офицеры, состоящие в комиссии, были заперты в каюту, остальные офицеры только обезоружены. Был посажен в карцер кондуктор Орлов, состоящий комиссаром. Подходя к Одессе, заготовили требование на уголь, который думали взять в Одессе. Требование было подписано командиром Барановским с приложением судовой печати. Обед был позже обыкновенного на один час, потому что первый варившийся обед распустил зловоние по всему судну от провонявшегося мяса и был выброшен по приказанию командира еще до восстания. Теперь же варился обед с мясом там же зарезанного быка, которых было куплено два накануне на Тендре.

„Порядки были водворены отличнейшие. Все исполняли свои обязанности с большей энергией, чем когда-либо. Всюду были расставлены часовые. После обеда команда была созвана на ют для слушания речи, которую говорил Петров. В этой речи он объяснил, что это не бунт, а революция; объяснил, отчего она поднята и всюду идет; рассказал, что такое социал-демократы и что такое учредительное собрание, выбранное на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования; строго осуждал старый порядок

управления государством. В заключение его речи раздалось громогласное „ура“, потрясшее воздух. После первого собрания было и второе, на котором согласились поднять красный флаг, если увидим „Потемкина“, и просить его принять нас.

„Когда уже стало видно судно, стоящее в гавани в Одессе, мы подумали, что это — „Потемкин“, и закричали громогласное „ура“. Но когда рассмотрели, что это не „Потемкин“, а „Георгий“, то все были в недоумении, почему он здесь. Приблизившись к гавани, мы спросили по семафору, где эскадра, где „Потемкин“, но нам не дали ответа. „Георгия“ мы видели в боевом положении. К нам вышел лоцманский катер и спросил: „Будете ли вы заходить в гавань или будете стоять на рейде?“ Мы ответили, что мы пришли узнать, где эскадра и „Потемкин“. На это нам сказали, что эскадра пошла в Севастополь, а „Потемкин“ утром вышел в море. Мы повернули назад и пошли по направлению к Севастополю. Ученики мореходных классов советовали идти в Румынию. Собрали сходку. Петров говорил, что раз мы восстали, то нас за это будут судить; вот, если товарищи согласны, то мы можем идти в Румынию, где мы будем свободны. А если хотите, говорил он, то пойдем в Севастополь. Сначала почти все подали голос за то, чтобы идти в Румынию, потом дозволено было выйти говорить квартирмейстеру машинному Корнееву. Он стал говорить, что там страна бедная, что мы там будем голодать. После этого Петров сказал, что окончательно стоит за Севастополь, а ученикам мореходных классов советовал идти в Румынию. Я спросил Петрова, почему он думает, что надо идти в Севастополь. На это он тихо сказал мне, что там, по усмотрению, мы можем подойти под красным знаменем и, может быть, поднимем дух эскадры, если она еще не поднялась сама. Я одобрил его план; на том и решили, чтобы идти в Севастополь. Но если бы у нас не было мысли поднять дух эскадры, то мы были бы в Румынии, а оттуда в Женеве и затем обратно в России. Вот почему мы пошли в Севастополь, а не куда-либо в другое место“.

Петров ошибся в своих ожиданиях. Уже к Севастополю судно подошло под конвоем двух контр-миноносцев, и сразу стало ясно, когда пришли в порт, что речь может идти о сдаче, а не о восстании.

Командир Барановский, обещавший никого не выдавать, снова был возвращен к своим обязанностям.

Придя в Севастополь, команда потребовала к себе контр-адмирала Писаревского и объяснила, что причиной восстания являются скверные харчи, скверное обращение начальства и его „неограниченная власть“.

В постановке вопроса видно было желание команды затушевать политический характер восстания и начальство, действительно, поставило дело в плоскость военного бунта, что не помешало суду вынести крайне жестокий приговор.

20-го июня (3 июля) было приступлено к ликвидации.

С судна свезены ружья и покойники, а затем и арестованные. Тот же автор пишет:

„Чухнин советовал выдать зачинщиков и присягнуть, что некоторыми и было исполнено. Петров вышел сам, а Титова выдал Беликов, квартирмейстер. Петров заявил, что он сам все это сделал и сообщников не имел. Но когда выдали и других, то на суде отвечал каждый за себя. Петров признавал до конца себя социал-демократом. Всех выданных было 44 человека“. Суд состоялся 30 июля (12 августа). Четверо (Петров, Адаменко, Титов и Черный) были присуждены к смертной казни, трое—к каторжным работам без срока, 13 — к каторге на разные сроки (от 4 до 15 лет) 7 человек — в арестантские роты и дисциплинарный батальон, 15 человек были оправданы.

В „Искре“ (№ 110) ее корреспондент из Севастополя писал:

„Интересна история этого приговора для характеристики нашего Николая и одного из его опричников — Чухнина. Как вам известно уже, суд, приговорив четырех товарищей матросов к смертной казни, немедленно же вошел к е. и. в. с мотивированным ходатайством о смягчении их участи. Тогда Чухнин тотчас строчит донос тоже е. и. в. на судей, в котором говорит о том, что они оказались не на высоте своего призвания, что они, таким образом, испортят ему весь флот, что они, одним словом, слишком мягки с бунтовщиками. Говорят, что Николай не потрудился даже прочесть ходатайство суда, зато на рапорте Чухнина собственноручно начертал: „Передать окончательный приговор на благоусмотрение Чухнина“. А так как ясно было, в чем именно заключалось это благоусмотрение Чухнина (из его доноса),

то никого из знакомых с ходом дела не поразило известие, что Чухнин оставил без последствий ходатайство суда и утвердил смертный приговор. Дело, впрочем, держалось в большом секрете, только некоторые обстоятельства показывали, что что-то говорится. Так, за несколько дней до казни без всякого повода было внезапно арестовано до 200 матросов, в число которых входили все, на кого у начальства было подозрение в крамоле. Мы никак не могли сразу объяснить причину таких арестов и объясняли это просто желанием начальства подтянуть флот и вывести крамолу.

„Как уже выяснилось теперь, дело обстояло так: начальство страшно боялось, чтобы казнь не вызвала нового возмущения среди матросов. Поэтому оно постаралось арестовать всех тех, относительно которых у него были хоть какие-нибудь подозрения в неблагонадежности, но так как на этот счет у него всегда бывают очень смутные представления, то оно арестовало всех людей, отличающихся даже просто буйным характером. Благодаря этому, наши связи не порвались, хотя все же было потеряно не мало дельных товарищей матросов. Арестованным не говорили за что, по подозрению в каком преступлении их забрали, не говорили также, что с ними будут делать.

„Только за день до казни можно было узнать, что всех вновь арестованных соединят вместе с арестованными раньше 900 человек и отправят на Амур, где служба по количеству лет (7 лет) приравнена к службе во флоте, и что по окончании службы они останутся в Сибири на поселении, т.-е. что им будет запрещено вернуться обратно в Россию. Действительно, на другой день после казни (25 августа) все арестованные, свыше тысячи человек, были переведены под усиленным конвоем пехоты на „Днестр“ и другие суда (в точности имен судов сейчас не помню). С этих судов благоразумно было снято оружие, а от пушек отвинчены замки. Был поставлен сильный караул пехоты. Четыре крамольные судна двинулись ночью (25-го) из Севастополя к Одессе, под прикрытием целой флотилии броненосцев, миноносцев и крейсеров, в полной боевой готовности, с заряженными пушками, с вооруженными с ног до головы солдатами и кучкой вооруженных „верных“ матросов. Дальнейшие перепитии сего славного плавания Черноморского флота

неизвестны, так как пока еще суда не вернулись из Одессы, других же сведений тоже нет".

В этой же корреспонденции дается описание казни прутовцев:

„Как ни тяжел, как ни ужасен факт, но теперь незыблемо установлено, что матросов расстреливали наши же матросы. Начальству, очевидно, хотелось насладиться этой картиной а-ля-Каин. Оно сделало все, что могло, чтобы брат убил брата, чтобы матросы непременно расстреливали своих же братьев матросов. Для этого оно взяло взвод (около 30) молодых (учеников) матросов. Им ничего не сказали, куда и зачем их ведут. Взяли их ночью, привели в поле (расстрел происходил за Константиновской батареей, в части города, носящей название „Северная") и там окружили батальоном солдат Брестского полка. Начальство обратилось к матросам с речью приблизительно такого рода: вы должны будете сейчас расстрелять бунтовщиков. Если вы этого не сделаете, то позади вас стоят солдаты, которые по нашему приказу перестреляют всех вас моментально. Бунтовщикам же вы этим ничуть не поможете, потому что мы их расстреляем все равно, а своим неповиновением сделаете то, что вас всех расстреляют вместе с ними. Стреляйте хорошо, потому что, если им умирать суждено, то пусть они умрут сразу, чем будут мучиться...

„Говорят, что офицеры не могут от волнения произнести слова команды... Было масса залпов, в один труп попало 16 пуль. Зато один из казненных после всех залпов еще кричал. Его добили солдаты".

ПОКАЗАНИЕ ГАВРИШЕВА [1]).

В 4 часа дня (15 июня) перед самой съемкой с якоря командир судна Барановский был вытребован сигналом в штаб флота, по возвращении снялся по назначению и конфиденциально предупредил меня о полученном в штабе известии о восстании команды броненосца „Потемкин", ушедшего с Тендры в Одессу.

---

[1]) Приводимое ниже в выдержках показание бывшего на „Пруте" пассажиром начальника одесского училища торгового мореплавания Гавришева является единственным более или менее связным рассказом о событии по следствию Головни.

На учебном судне „Прут“ было около 170 своей команды, остальные ученики машинной школы Черноморского флота [1]). В общем до 600 человек нижних чинов. Учеников училища торгового мореплавания было 38 при двух преподавателях и двух боцманах.

Рано утром 16-го числа судно „Прут“ заходило по специальному поручению в Тендру и в 7 часов вечера стало на якорь на Спасском рейде города Николаева. Съехав на берег, я отправился к помощнику директора судостроительного завода для получения разрешения посещения завода учениками, но был предупрежден им о крайне беспокойном состоянии рабочих, почему от посещения отказался.

Ранее того, при съезде на берег, я встретил гласного думы, который по дороге сообщил мне, что по циркулирующим в городе слухам в Одессе полная анархия, если не революция, сожжен весь порт, часть выдающихся зданий на бульваре разрушена бомбардировкой с „Потемкина“, что два батальона войск, посланные на защиту порта, присоединились к восставшим, что во всех местах города Одессы баррикады и стрельба и т. п. и то же ожидается в Николаеве [2]). Такие же слухи привезли с берега и вернувшиеся офицеры... На утро в Николаеве все было спокойно и по дыму заводов мы определили, что бастовавшие накануне рабочие стали на работу.

Команда „Прута“ на берег не спускалась, кроме наряда в 50 человек, посланного в адмиралтейство. Насколько мне известно, следствием выяснено, что нижние чины „Прута“ уже в Николаеве были осведомлены о восстании на „Потемкине“, о распоряжающемся на нем „комитете“ и об одесских событиях; при чем ночью в коридоре гребного вала была сходка человек 120.

В полдень 17 июня командир получил телеграмму адмирала Кригера идти немедленно в Одессу на присоединение к эскадре, тоже вышедшей в Одессу. Командир послал

---

[1]) Машинные команды флота с 1905 г. отличались более сильным революционным настроением, а их было две трети всего личного состава на „Пруте“ в день восстания.

[2]) Следовательно, впечатление восстания „Потемкина“ было весьма сильно и вне Одессы. Николаев представлял по настроению картину, близкую к состоянию Одессы.

немедленно за провизией и через два часа снялся по назначению, причем хлеб для команды на следующие сутки был взят с базара горячий.

По дороге, уже за Волошской косой, встреченный пароход „Эреклик“ поднял сигнал: „по приказанию адмирала, идти в Тендру“. В это время была вторая сходка человек в 80, где решено было при первой возможности поднять команду и идти на присоединение к „Потемкину“. Проходя по условиям фарватера к Одессе около десяти часов вечера, видели боевое освещение, крайне нервное, с двух судов, как полагали с „Потемкина“ и со стоявшего при нем миноносца; присутствие эскадры не могли открыть. Командиры и офицеры наверху громко высказывали предположение, что эскадра держится вблизи без огней и что мы можем быть свидетелями минной аттаки на броненосец. Это, вероятно, отсрочило момент восстания на „Пруте“.

В Тендру прибыли в час ночи на 18 июня, не найдя там эскадры. Утром с маяка дали знать, что накануне эскадра стояла вне бухты и с наступлением темноты ушла с закрытыми огнями. При этом в составе эскадры было одним броненосцем меньше, чем на пути в Одессу. На посланную с рассветом в Одессу телеграмму на имя Кригера командир получил в 4 часа дня телеграмму от командующего войсками округа: „эскадра ушла по направлению Севастополя, повидимому, на ней неблагополучно, будьте осторожны и осмотрительны“. После раздачи утром николаевского хлеба, таковой оказался попорченным. Команда заявила претензию. Из разбора дела оказалось, что свежий горячий хлеб был сложен в закрытое помещение и накрыт парусиной, почему испортился, как здесь выражаются — задохся. Командир, разобрав дело, оштрафовал артельщика и баталера, не доглядевшего за хлебом, и послал на берег распоряжение печь новый хлеб, каковой с двумя живыми быками был доставлен к четырем часам дня на судно.

В 4 часа дня, по получении телеграммы из Одессы, командир отправил вторую телеграмму в Севастополь, спрашивая распоряжений. Ответ пришел к 4 часам утра, когда судно снималось с якоря. Штаб предписывал идти в Севастополь, остерегаясь „Потемкина“, который „повидимому,— говорилось в телеграмме,— ушел из Одессы“.

В этот день снова была сходка в коридоре гребного вала, но уже лишь в 40 — 50 человек, где было решено ночью, когда все офицеры и командир заснут, запереть всех в каютах, захватить судно и идти в Одессу. Ночь была очень душная, командир ходил всю ночь, разгоняя сидевших кучками нижних чинов. Выражая сочувствие, что жарко и что комары и ему не дают спать, он посылал людей ложиться спать на ют, на рубку и т. п. Командир не высказывал тревоги, уверенный в команде судна „Прут“ и в том, что опасный элемент — ученики машинной школы Черноморского флота — ничего не предпримут.

В 4 часа утра пошли из Тендры в Севастополь. Дабы избежать встречи с „Потемкиным“, командир решил идти вне видимости берегов. Следствие выяснило, что до девяти часов утра были две попытки захватить ружья, но каждый раз подходившие за ними возвращались без исполнения.

Восстание началось в 9 часов — я только что, находясь в каюте, посмотрел на часы и решил, что пора идти на занятия учеников, как прибежавший ко мне преподаватель сообщил, что команда разбирает ружья в жилой палубе и разбивает патронный погреб. Приказав собрать учеников в каюты, я сам пошел за этим же. Едва успел двинуться по коридору жилой палубы, услышал треск выстрелов. Быстро пройдя по коридору и приказывая попадавшимся ученикам сидеть в каютах, я прошел в общее помещение учеников, примыкавшее к жилой палубе команды, но там никого не нашел. За переборкой в той же жилой палубе слышны были крики и такой треск выстрелов, что я думал, что люди перестреляют друг друга. Бежавший на ют матрос на мой вопрос „почему стреляют?“ ответил: „пока стреляют в воздух“. Я остался на шканцах и заметил, что на юте идет молитва: священник, рядом командир и сзади человек 50 — 70 команды. Выстрелы на баке продолжались. Как я выяснил из рассказов впоследствии, в 9 часов утра, когда готовились к молитве, минер Ковалев с кучкой людей, захвативших ружья, штыками и прикладами сбил замок с патронного погреба, вскочил туда и, выбросив несколько ящиков, стал их разбивать об железные коменсы люков.

Люди стали хватать по карманам патроны и стрелять через люк вверх. Прибежал старший боцман и стал требовать

караул. Ему прострелили в упор печень. Вахтенного начальника, прапорщика Нестерцева убил один из нижних чинов по личной злобе. Наши боцманы мне передавали, что руководители восстания были удручены убийствами, не входившими в их программу. Когда командир вошел на шкафут, еще продолжались выстрелы в воздух снизу из люка, частью наверху—за борт. Определив, что центр действия в нижней палубе, он двинулся к сходному трапу. В этот момент с ружьем в руках выходил по трапу, стоя двумя ступенями ниже, один из главарей (кажется, машинист Титов). Вздрогнув, тот глухим голосом крикнул: „не ходите! убью! застрелю!“ Командир расставил руки и спокойно сказал: „ну что же, стреляй, я готов!“ Командира охватили плотным кольцом и стали оттеснять назад, не делая над ним насилия. В это же время извне кольца кто-то протянулся, стоя на люке, и прикладом ударил командира по голове, так, что тот, теряя сознание, стал падать. Его подхватил и прикрыл собою Чугунов, незадолго перед тем разжалованный командиром из машинистов в матросы. Этот Чугунов, как лично я видел, потом распоряжался, ходя со связкой ключей в руках; Чугунов тащил командира в каюту и выйдя и заперев двери, крикнул: „командир арестован, давайте часовых!“ Изложенное произошло на протяжении минут десяти.

У денежного ящика, вместо одного часового, сидят на ящике три. Часовые поставлены к камбузам и плитам, не допускать никого, кроме избранных десяти депутатов. Не было требования офицерам снять погоны, но команда вся поснимала кокарды и унтер-офицерские нашивки. Найденный в командирской рубке „морской устав“ выбросили за борт, приговаривая: „теперь он не нужен“. Позже от учеников я узнал, что „комиссия“, распоряжавшаяся на судне, постановила: „так как на военном судне не полагается наверху курить, то не должен этого делать ни офицер ни командир“.

Позже я услышал: „ребята, положено вина пить только по чарке, а кто не пьет обычно и не подходит, все равно не дадут“. А еще позже такое распоряжение: „решено совсем вина не пить — не такой сегодня день. Пусть никто не посмеет сказать, что все это мы делали в пьяном виде“.

Команда потребовала штурманского офицера, прапорщика Сандакова, чтобы он был за командира. Тот уклонился, оправдываясь необходимостью не отходить от компаса. Тогда выбрали прапорщика Яцимирского. На его требование беспрекословного повиновения ему ответили, что такового не может быть и он должен быть исполнителем воли комиссии из выборных командой десяти лиц. После ареста командира и стихнувших выстрелов, я спустился вниз собрать преподавателей, наших боцманов для дачи им инструкций. Навстречу подошли несколько учеников и сказали: „Команда вызвала наверх учеников и приказала: судоводительским—наблюдать за правильностью ведения судна прапорщиком Сандаковым, а механическим—стоять свои вахты в машине“. Поэтому ученики обратились ко мне с вопросом — как им быть? Я приказал: в пределах тех обязанностей вахты, которую они раньше несли—продолжать и, не обманывая команды, наблюдать за курсом, вести счисления и т. п. Ученики, видимо, были удовлетворены в своих сомнениях, и поблагодарили меня. Я прошел на мостик предупредить вахтенных офицеров о том же. Курс был проложен на Средний Фонтан Одессы. На мостике стояли растерянные прапорщик Яцимирский и Сандаков. Ученики мне передали, что когда им приказали следить за курсом, они—ученики—потребовали удаления с мостика ружейных часовых. Разъяснением влияния ружей на компас они добились исполнения, и часовые были поставлены под мостик. После того я оставался в кают-компании среди офицеров. Всем нам пришедший машинист Титов предложил выдать револьверы и ножи. В 12 часов в кают-компанию пришел машинист Титов и сказал: „пожалуйте на бак, команда хочет высказать свое мнение“. Никто нам ничего не высказывал, но сам Титов сказал: „Так как Нестерцев наложил на себя руки, то команда решила посадить всех вас в штурманскую рубку“[1]). Преподаватель мой просил разрешения сходить за оставленными на столе в каюте деньгами, на это последовал ответ: „Не бойтесь, все будет

[1]) По следственному материалу видно, что в план восстания, выработанный исполнительной комиссией, не входило истребление офицеров, и смерть Нестерцева была случайной. Кроме того, были версии о самоубийстве.

цело. Мы не грабители, поймите, что здесь не бунт, а революция".

Вскоре опять раздалось несколько выстрелов и на вопрос, что это—часовой ответил: „Это все машинная команда—приказано все ружья разрядить, а они не умеют" [1]).

Вскоре после нашего ареста была на юте сходка. Еще до сходки я подозвал через разводящего двух старших учеников и направил их к распорядителям (в комиссию) с моей просьбой: подходя к Одессе дать ученикам, которым надо еще продолжать учение, шлюпку, чтобы они высадились на берег у Люстдорфа; подошедший (после сходки) наш боцман сообщил мне, что хотят предоставить учеников на их совесть: „Кто из них хочет, того выпустят на берег, кто пожелает—тот останется с нами. Нам нужны они, как образованные люди, в качестве советчиков". Титов мне ответил: „И всех учеников и вас всех передадим в Одессе на „Потемкин" в распоряжение комитета". При подходе к Одессе я слышал распорядительный голос: „Приготовить позывные, как только с „Потемкина" будет благоприятный сигнал, спустить кормовой флаг и поднять красный". Вскоре оживление среди команды стихло. Вся масса людей смотрит не на Одессу, а, обернувшись назад, вверх, на мостик и на всех лицах страшное напряжение и тревога. На рейде „Потемкина" нет, позже, подходя к Воронцовскому маяку, заметили в гавани карабль „Георгий Победоносец" под военным флагом. Среди наступившей полной тишины раздался тот же голос: „В порт не входить, на якорь не становиться. Когда подойдет лоцман—спросить, где эскадра, к которой нам приказано присоединиться, и где „Потемкин", которого нам надо-де избегать!" Подошедши на своем пароходе, лоцман окрикнул и на вопросы ответил: „Потемкин" ушел в море, а за ним погналась эскадра.

Судно повернуло от Одессы и людей стали собирать на сходку. Ученики мне передавали, что после дебатов, решили идти в Кюстенджи, их призывали, спрашивали о Кюстенджи, о расстоянии до него, заставили прочесть из лоца [2]). Тогда

---

1) Машинная команда не обучалась обращению с оружием.

2) „Прут" в порт не входил, и к нему подходил только лоцман порта Романенко, от которого только и могли получить сведения об уходе „Потемкина" в Кюстенджи.

многие стали требовать идти в Севастополь, последние голоса, увеличиваясь, перекричали и решено было идти в Севастополь. Это сходка тянулась с четырех часов до шести часов вечера. В 6 часов открыли двери рубки и арестованных освободили. Командира пригласили на совещание, превратившееся в политический диспут. Однако, к каюте его, и притом его одного, поставили часового. Мера эта была принята потому, что главари еще не теряли надежду встретить по пути „Потемкина".

В час ночи подходил без огней, не отвечая на наши сигналы, миноносец „Стремительный", затем, несколько раз опросив, следовал вблизи без огней. С рассветом вблизи Севастополя показались два миноносца, позже у входа—другие два; все четверо сопровождали нас вплотную до входа, где на батарее люди стояли при орудиях.

При показавшихся миноносцах, команда просила командира выйти наверх, высказывая, что без него их могут взорвать или расстрелять. По отношению к своим ученикам, бывшим на учебном судне „Прут" с 1 июня, я дал показания судебному следователю севастопольского военнно-морского суда [1]).

ВЫПИСКА ИЗ ПРИГОВОРА ПО ДЕЛУ ВОССТАНИЯ НА СУДНЕ „ПРУТ" [2]).

1905 года июля 30 дня Военно-Морской Суд Севастопольского порта, выслушав дело о 43 нижних чинах учебного отряда Черноморскаго флота судна „Прут", признал из числа вышепоименованных подсудимых виновными: Александра Петрова — в том, что он со штыком нападал на ст. офицера лейт. Руднева, когда с того сбили фуражку и ранили его, заставив прапорщика Сандакова вести „Прут" в Одессу, потребовал от офицеров снять погоны, организовал сходку и выбор представителей, а сам остался распорядителем и руководителем, по его предложению был выбран командиром прапорщ. Яцимирский, а штурманом прапорщ. Сандаков, он говорил команде речь о социал-демократии и ниспровержении правительства, приведенному под конвоем, командиру 2-го ранга Барановскому он дерзко осуждал государственный строй и доказывал необходимость демо-

---

[1]) Следствие морским прокурором велось в плоскости чисто воинского преступления и игнорировалось все то, что указывало на революцию (донесение прокурора симферопольского окружного суда прокурору палаты).

[2]) Из сводки № 17 кн. 49 дел военно-морского суда.

кратического правления; машиниста Дмитрия Титова в том, что первым стал ломать штыком замок патронного погреба, на возражение благоразумных кричал: „Кто мешает, того брать в штыки“, штыком нападал на старшего офицера лейт. Руднева. Грозил командиру капитану 2-го ранга Барановскому, крича ему: „не ходите, заколю, застрелю“, вместе с Петровым, Чувильским и Черным, во главе вооруженной толпы кричал „ура, свобода наша“ — первый бросился с винтовкой на прапорщика Нестерцева, был членом комиссии, избранной взбунтовавшейся командою, изготовил веревки с намерением вязать всех офицеров, обыскивал врача Перониуса и дергал положенного в лазарет умирающего боцмана за нос (!).

Ивана Адаменко — в том, что он бил командира по голове, требовал от судового священника снять рясу и уходить. Ивана Черного — в том, что взламывал патронные ящики, во главе вооруженной толпы кричал: „ура, свобода наша!“ Говорил речь команде о ниспровержении правительства, направлял винтовку в спину прапорщика Сидоренко, предлагая команде выбирать Петрова и предлагая убить старшего баталера Орлова. Якова Ковалева — в том, что он взломал замок патронного погреба, с вооруженной толпой наступал на командира, оскорблял его бранными словами и грозил ему кулаками, дергал за нос умирающего боцмана Козлишина. Луку Сизоненко — в том, что он из первых схватил винтовку и кричал другим брать ружья, теребил умирающего боцмана Козлишина в лазарете, склонял других, угрожая их жизни и грозил смертью квартирмейстеру (не разборч.). Никиту Галайкина — в том, что он со штыком бросился на старшего офицера лейт. Руднева и предлагал его связать. Дмитрия Филимонова — в том, что он из первых разбивал ящики с винтовками, принуждал других участников брать ружья, был в толпе бунтующих впереди с Петровым и Титовым, первый бросился во главе 15 человек к часовому Борисову, охранявшему ящики с винтовками и, когда их начали разбирать, — матерно бранился, обращая брань к командиру, когда командир 2-го ранга Барановский был заперт в каюте, а Петров требовал от него, через открытый иллюминатор, Василия Тапоренко — в том, что он был с винтовкой в первых рядах бунтовщиков, в начале бунта прицеливался в ст. офицера лейт. Руднева, был в толпе, окружавшей на палубе командира, бранил его матерно; Василия Козуба — в том, что он был членом избранной взбунтовавшимися комиссии и ревизором, принял кассу от прапор. Сидоренко, убеждал нижних чинов следовать за Петровым и грозил; „кто изменит, того будет резать в куски“; Григория Чувильского — в том, что он был членом комиссии, вместе отбирал все ключи кают и погребов, кричал на баталера: „давай сюда Орлова,—

его нужно убить“. Михаила Прянова — в том, что он был членом комиссии и вместе с Чувильским отобрал все ключи от кают и погребов. Франца Димока — в том, что он из первых взял винтовку, кричал и другим брать ружья; Ивана Личко — в том, что он из первых взял винтовку и кричал другим брать ружья; Илью Минько — в том, что он предлагал убить боцмана Бейгума; Анания Захаренко — в том, что он нападал на квартирмейстера Беликова, крича: „бей его!“ Моисея Долженко — в том, что он при (не разборч.) бунта сзывал нижних чинов в носовой кубрик; Якова Иванова — в том, что он кричал фельдфебелю Белому: „кровопийца, тебя то же, что и боцмана“; Владимира Петрова — в том, что он требовал от квартирм. Редина снять нашивки; Ефима Бутенко — в том, что он в непочтительном тоне упрекал ст. мех. полуэкипажа Попова в несправедливости и строгости; Романа Губанова — в том, что он в непочтительном тоне говорил с тем же старшим механиком о дурной пище и несправедливом распределении налогов; Михаила Воробьева—в том, что он находился в числе бунтовщиков и кричал брать винтовки; Ивана Москаева — в том, что он несвоевременно передавал старшему механику претензию к нему со стороны командира; Ивана Атамаса — в том, что он по требованию Титова указал ему каюту старш. баталера Орлова, которому в то время угрожали; Пантелеймона Саватаева — в том, что он был разводящим в карауле и, исполняя распоряжение комиссии, отводил в карцер баталера Орлова; Алексея Молчанова — в том, что он находился среди бунтовавших с винтовкой в руках, и комендора Кузьму Виркуева — в том, что он имел в руках два отобранных из офицерских кают револьвера, а потому и ввиду особого распоряжения г. Морского Министра, переданного (неразб.), Главного Военно-Морского Прокурора от 20-го июля о направлении всех дел и о восстаниях [1]) о п р е д е л и л: матроса 2 ст. 37 флот. экипажа Александра Михайлова Петрова 23 лет, машиниста 1 ст. учебного отряда Черноморского флота Дмитрия Матвеева Титова 25 лет кочегара 2 ст. учебн. отряда Ивана Адаменко 24 л., и матроса 1 ст. учебного отряда, Ивана Афанасьева Черного 27 л, за явное восстание с намерением нарушить долг службы, лишить воинского звания и всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через расстреляние; старшего минера учебного отряда Якова Андреева Ковалева 28 лет; матроса 2 ст. учебного отряда Никиту Иванова Галайкина 21 года и матроса 2 ст. учебн. отряда Василия Петрова Шокаренко 23 лет, за то же преступление, лишить воинского звания и всех прав состояния и сослать в каторжные работы без срока; матроса 2 ст. учебн. отряда Дмитрия Николаева

---

[1]) Пропускаем перечисление статей воен.-морск. и воен. суд. устава.

Филимонова 22 лет; машиниста 1 ст. учебного отряда Василия Филиппова Козуба 29 лет; машиниста 1 ст. учебного отряда Григория Акимова Чувильского 27 лет; кочегара 1 ст. учебн. отряда Михаила Михайлова Чугунова 28 лет; матроса 2 ст. 37 фл. экипажа Луку Самуилова Сизоненко 22 лет.; матроса 2 ст. учебного отряда Франца Павла Цеслюка 23 л,; матроса 2 ст. 37 фл. экипажа Ивана Захарова Личко 22 лет и матроса квартирмейстера учебн. отряда Илью Дмитриева Минько (он же Минклян) 26 лет; матроса 2 ст. 37 фл. экипажа Анания Захаренко (он же Захарченко) 22 лет; кочегар 1 ст. учебного отряда Моисея Долженко 28 лет; и матроса 2 ст. 37 флотского экипажа Антипа Андреева Гречко 23 л.; матроса 2 ст. 37 фл. экипажа Якова Никитина Иванова (он же Шевченко) 22 лет и матроса 2 ст. 37 фл. экипажа Владимира Семенова Петрова 22 лет за то же преступление лишить воинского звания и всех прав состояния и сослать в каторжные работы: Филимонова на восемнадцать (18) лет, Козуба Чувильского, Чугунова, Сизоненко, Цеслюка, Личко и Минько на пятнадцать (15) лет каждого; а Захаренко, Долженко, Гречко, Иванова и Владимира Петрова — на четыре (4) года каждого; машиниста 2 ст. учебного отряда Ефима Федорова Бутенко 24 лет, за то же преступление, лишить воинского звания и всех особенных лично и по состоянию ему присвоенных прав и преимуществ и отдать в исправительные арестанские отделения на четыре (4) года и шесть месяцев с отдачею его по отбытию в исправительные отделения срока наказания, на четыре года под надзор местной полиции; машиниста 1 статьи учебного отряда Романа Петрова Губанова 25 лет, матроса 2 статьи 29 фл. экипажа Михаила Ильича Воробьева 22 лет, Ивана Филимонова Московца 23 лет, машиниста 1 статьи учебн. отряда Ивана Ильина Атамаса 25 лет, матроса 1 статьи учебного отряда Пантелеймона Петрова Саватаева 29 лет и машиниста 2 статьи 36 фл. экипажа Алексея Алексеева Молчанова 23 лет перевести в разряд штрафованных, лишить некоторых особенных лично и по состоянию им присвоенных или службою приобретенных прав и преимуществ и отдать в дисциплинарные батальоны: Губанова на три (3) года, Воробьева на два (2) года, Московца на один год и шесть месяцев, Атамаса, Саватаева и Молчанова на один год, каждого с применением к ним во время нахождения в батальонах, на основании разъяснения Главного Военно-Морского Суда пункта IV Приказа по Военному Ведомству от 11 августа 1904 года за № 461; комендора Учебного Отряда Кузьму Корнеева Бирку 31 года, как и выше его поименованных за то же преступление подвергнуть в дисциплинарном порядке по ст. 108 Дисциплинарного устава (не разборч.) аресту в арестном доме на тридцать (30) суток — причем

суд на основании ст. ст. 829, 847 Военного Мор. Суд. Уст. нашел возможным всеподданейше ходатайствовать перед Его Императорским Величеством о смягчении наказания подсудимым Михаилу Чугунову до 10 лет каторжных работ и Василию Козубу до 10 лет каторжных работ; первому из них, в виду особенной важности принятых им для спасения жизни командира и вахтенного начальника а Козубу в виду малодеятельного его участия в движении, хотя он и попал в состав комиссии, но только потому, что команда доверила ему хранение сумм. Машинного квартирмейстера 1 ст. Лаврентия Котлярова, кочегарного квартирмейстера 2 ст. Филимона Бондаренко, кочегарного квартирмейстера 1 ст. Ивана Колесниченко, машиниста 1 ст. Василия Сущенко, машиниста 1 ст. Андрея Белоусова, кочегара 1 ст. Кузьму Препудина, кочегара 1 ст. Антона Кучмаса, матроса 2 ст. 32 фл. экипажа Семена Гаврилова, матроса барабанщика учеб. отряда Бориса Орлова, матроса 1 ст. учебн. отряда Алексея Левина (он же Ливин), матроса 1 ст. Учебного Отряда Василия Левченко, матроса 2 ст. 37 фл. экипажа Михаила Друщева и матроса ст ст. 37 фл. экипажа Спиридона Бирюкова по обвинению их всех пятнадцать в явном восстании, а также и по обвинению матроса Луки Сизоненко в убийстве им прапорщика Нестерцева, по силе им 1 пункта ст. 825 Воен. Мор. Суд. Устава считать по суду оправданными. Приговор сей по вступлении его в законную силу до приведения в исполнение должен быть представлен в виду присуждения четверых к смертной казни и особых ходатайств суда г. Морскому Министру.

Подлинный за подписью присутствовавших членов и Секретаря.

С подлинным верно: Военно-Морской Судья
Подполковник *Кетриц*[1]).

[1]) Приговор этот поражает своей безграмотностью, даже по сравнению с другими, вообще малограмотными материалами военнно-морск. суда. Печатаем его, как любопытный образчик военной юриспруденции царского правительства. *Ред.*

ПРОКЛАМАЦИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПОТЕМКИНСКОМУ ВОССТАНИЮ

Воззвания и прокламации с.-д. организации Черноморья по поводу Потемкинских событий.

Листовок в связи с одесскими и черноморскими событиями в июне 1905 г. было выпущено очень много. Мы приводим наиболее характерные, при том только те, в которых прямо упоминается о Потемкинском выступлении [1]).

Из пяти воззваний — только одно большевистское — Одесского Комитета РСДРП. Оно отличается от всех прочих призывом к созданию революционной армии и лозунгом всенародного вооруженного восстания. В других листовках встречается только лозунг в честь „восстающей армии".

Призывая к борьбе, меньшевики не указывали путей и методов этой борьбы, они говорили „требуйте", но не давали конкретных форм для этих требований. Большевистская прокламация отличается именно отчетливостью своих формулировок и решительностью призывов.

Интересна еще листовка, воспроизводящая предсмертное письмо солдата феодосийского гарнизона Иосифа Мочедлобера, который отказался стрелять в потемкинцев во время их нападания на угольник, а вместо этого выстрелил в командира полка, давшего приказ о расстреле потемкинцев. Предсмертное завещание этой случайной жертвы революции, незаметного ее героя, производит потрясающее впечатление своей духовной силой и страстной самоотверженностью.

---

[1]) Приведены след. прокламации. 1. „Товарищи матросы" изд. Севастоп. Комит. Крым. союза РСДРП, июня 23 дня 1905 года. 2. „К гражданам" изд. Крымского союза РСДРП, июня 1905 года. 3. „Товарищи! Великое грозное время мы переживаем"... изд. Одесского Комитета РСДРП, июль 1905 г. 4. „Солдат Иосиф Мочедлобер не мог помешать гнусному делу — расстрелу матросов"... издание Одесской группы РСДРП., 5. „Суд над матросами" изд. Севастоп. Комит. Крым. союза РСДРП, июль 1905 г.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи матросы!

Вы уже знаете, что команда броненосца „Князь Потемкин“ открыто объявила войну русскому правительству, открыто стала на сторону угнетенного народа. — Матросы, вместе с народом, решили бороться за счастье и лучшую долю всей порабощенной России.

Товарищи! Присоединимся же к команде „Потемкина“ и вместе с ней и всем народом сплотимся на борьбу за политические права, так нужные народной России!..

Товарищи! Неужели для нас дороги интересы русского правительства, правительства, которое так мучает весь русский народ, в том числе и нас...

Неужели для нас дороги интересы наших мучителей — начальников всякого сорта?!..

Товарищи! Нам дали глупую присягу и послали убивать своих же братьев-матросов, послали воевать с восставшим народом!..

Не будем же делать этого, товарищи.

Не станем слушаться начальников и попов: они нарочно затуманивают наши головы для того, чтоб мы без зазрения совести делали то, что они нам прикажут!

Товарищи! Кто нам дороже: царское правительство со своими скорпионами начальниками, или бедный, бесправный народ, в конец разоренный правящей шайкой, тот самый народ, из которого мы сами вышли и к которому вернемся по окончании царской службы?..

Товарищи! Мы — дети народа — должны защищать народ от царского произвола, должны защищать тех, кто борется за его, народа, свободу!..

Присоединимся же к восставшим братьям!

Ведь от нас самих, от самого русского народа зависит его судьба!

Царское правительство, в своей беспощадной борьбе с русским народом, довело страну до окончательного разорения. Оно убивает беззащитных женщин и детей, оно убивает стариков, оно убивает русских рабочих, оно решилось ополчиться и против нас, матросов. Лживыми сообщениями и подлой клеветой оно пытается нас обмануть. Не дадим же ему этого сделать!

Вместе с остальными матросами, вместе с армейскими солдатами и всем рабочим народом — заявим, что господству царской шайки воров и убийц — должен быть положен решительный конец, и чем скорее — тем лучше!

На бой же с правительством и всей сворой собак: Чухниными, Афанасьевыми, Кригерами и прочей сволочью!..

Откажемся стрелять в матросов, перестанем слушаться начальства!..

Вместе со всем восставшим народом потребуем немедленного созыва Учредительного Собрания!

Долой самодержавие царя!

Да здравствует самодержавие народа!

Да здравствует борющийся Черноморский флот!

Да здравствует борющийся рабочий класс!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Матросы — Социал-Демократы.

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙТЕ ТОВАРИЩАМ.

Издание Севастопольского Комитета Крымского Союза
РОС. СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

Тип. Севастоп. Комитета. Отпечатано 5.000 экз.

Июня 23 дня 1905 г.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К гражданам.

Граждане! Россия переживает великий переходный исторический момент.

Самодержавие уходит... самодержавие, которое разорило всю страну, ввергло ее в пучину бедствий своей преступной авантюрой на Дальнем Востоке, которое с поразительной жестокостью только и делает для внутреннего „благоустройства", что пускает кровь своему народу... самодержавие отжило свой век. Вы помните, граждане, то недавнее еще время, когда у русского правительства имелся рабски-покорный, бессознательно преданный ему сильный союзник — русская армия. Опираясь на нее, и ее руками царизм душил и давил в нашей стране все смелое, честное, свободолюбивое,.. приниженность, раболепие, подлость сеял и укреплял он с помощью могучей армии. Да, армия была для него — надежный союзник. Но, увы... была. „Теперь то время невозвратно" должно воскликнуть самодержавное правительство, тупое, способное только на насилье, только при помощи этого средства делавшее свою внутреннюю и внешнюю политику, самодержавие забыло, что (говоря словами прокламации матросов броненосца „Потемкин") „темная, забитая армия — это слепое орудие кровавых замыслов правительства — есть тот же самый народ, есть те же сыны трудящихся масс". В этих сынах трудящихся масс можно лишь на время заглушить чувство братства, сознание одинаковости своих интересов с интересами трудящихся масс, но вытравить это чувство и это сознание никак нельзя. Если сегодня солдат, запертый в казарму, должен делать только то, что нужно для царя, завтра он поедет в свою разоренную деревушку, где должен будет содержать свою семью, завтра он поедет искать заработка по фабрикам и заводам...

И вот освободительный дух пролетарской борьбы повеял на армию и своим чистым животворящим дуновением обвеял с нее ее слепую преданность „престол-отечеству“, последняя опора трона зашаталась. Чувство солидарности с трудящимися массами, глубоко скрывавшееся под толстой корой солдатской дисциплинированности, прорвалось наружу... и как прорвалось! Броненосец „Князь Потемкин-Таврический“ славно выступил на арену открытой политической борьбы с царизмом. Он приковал к себе взоры всего мира, и для всего мира стало сразу ясно, что царизм в России погиб. Западно-европейские державы, когда-то с робостью смотревшие на восточного колосса — Россию, а потом с недоверием следившие за освободительной борьбой российского пролетариата, руководимого социал-демократией, — убедились теперь воочию, что этот колосс стоит на глиняных ногах, и что порывы революционной бури действительно расшатали и расшатали окончательно его надежный фундамент.

„Потемкин“ не один заявил себя революционером. Вся Черноморская эскадра, только случайно немогшая выступить с ним вместе — вселяет ужас в жестокие сердца представителей правительства.

„Опоры нет ... все потеряно“... так должны восклицать царь и его слуги. Выступление „Потемкина“ немедленно отразилось на флотах Кронштадта и Либавы... Если мы вспомним еще из многих немногие факты, имевшие место за последнее время в армии: подготовку к восстанию двух полков в Новой Александрии, многократные отказы солдат стрелять в революционеров, расстрел по товарищескому приговору солдатом офицера, отдавшего приказ стрелять в „Потемкина“ (случай в Феодосии), если мы вспомним хотя бы эти факты, то еще больше очевидным станет, что русскому правительству остается только растерянно повторять: „опоры нет, все погибло“...

Но телеграф принес нам известие, что „Потемкин“ сдался, что восстание в Либаве подавлено, что солдат, совершивший казнь офицера в Феодосии, сидит в военной тюрьме. Не означает ли это, что подвиг „Потемкина“ и других товарищей из армии и флота не имеет крупного революционного значения? Не означает ли это, что, например, „Потемкин“ растратил революционную энергию напрасно?

О, нет... далеко нет. Славный, геройский подвиг товарищей матросов имеет неизмеримо важное революционизирующее значение. Он показал, что ноги у нашего колосса поистине глиняные, это — во-первых. А потом... потом своим выступлением на юге „Потемкин“ взбудоражил высоко революционные волны, бурно пенящиеся волны, которые величественно мчатся во внутреннюю Россию, уже мощно колеблемую мертвою зыбью народного гнева. И напор этих волн уже скоро поднимет во всей России грозный революционный шторм. Быстро растущее возбуждение внутри России будет революционизировать юг; юг будет революционизировать восток и запад; запад и восток, в свою очередь, — юг и т. д., и т. д., без исхода для самодержавия. Временно подавленное настроение флота под влиянием сильного брожения пролетариата быстро развеется, и опять воспрянет дух у товарищей матросов... и нет выхода царизму, кроме выхода к смерти...

Порывы народной бури, все усиливаясь и усиливаясь, будут гнать революционные волны лишь по одному направлению, по направлению туда, где в предсмертных судорогах бьется самодержавие. И если сейчас эти волны уже лижут верхушки императорского дворца, то недалеко тот момент, когда они его захлестнут...

Обветшалое, бессильное, оскверненное миллионами гнусных преступлений, пропитанное ложью, бесконечно злобное в своем позорном бессилии, самодержавие погибнет, наконец, отвратительной смертью, брезгливо раздавленное гордо идущим впереди волнующегося народа пролетариатом.

Но это дело хотя и недалекого будущего, но... будущего. Настоящее же требует от всех честных граждан напряжения всех их сил.

Пока лишь один пролетариат отважно вел освободительную борьбу. Но так как в падении царизма заинтересован весь народ, то всякий гражданин должен помочь словом и делом, всем, чем может, великому делу освобождения. Чем единодушнее, чем энергичнее будет борьба, тем она будет менее кровава, тем скорее мы войдем в обновленный свободно-политический строй.

Поймите же, граждане, все величие данного момента и примыкайте к борьбе пролетариата против самодержавия.

Будущее принадлежит политической свободе, но пусть каждый войдет в это будущее с сознанием и признанием исполненного гражданского долга, а не с позорным клеймом обывателя - труса.

Долой самодержавие!

Да здравствует политическая свобода!

Да здравствует восстающая армия!

Да здравствует Российская Социал - Демократическая Рабочая Партия!

Крымский Союз Рос. Соц. - Демокр. Рабочей Партии.

Июнь 1905 г. Отпечатано 4.000 экз.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!".

Товарищи! Великое грозное время мы переживаем. Надвигается революция, и каждый день, как отдельные пожары, вспыхивает в разных местах народное восстание. Каждый день, то здесь, то там, возмущенные бесстыдным грабежом своих хозяев, задавленные полицейским насилием и самодержавным произволом, рабочие бросают работу и идут в бой за свободу и лучшую жизнь. Заволновалась темная, забитая, голодная крестьянская масса, восстает она против своих вековечных врагов — помещиков: то здесь, то там захватывают помещичьи земли, громят усадьбы и сжигают помещичье добро. Даже фабриканты и заводчики, даже помещики и дворяне, которым живется не особенно плохо, и те заговорили о свободе (конечно, для себя, а не для рабочих и крестьян). Они начинают понемногу понимать, что пора заменить прогнившее насквозь самодержавие новым, более свободным строем.

Весь народ охвачен одним чувством, одним стремлением — разрушить проклятое царское самодержавие, свергнуть палачей народа, реками льющих его кровь. Ни в ком, кроме подкупленных убийц и черносотенцев, самодержавная шайка палачей и разбойников не сможет найти себе друзей и защитников. И поэтому-то дни его сочтены, скорая смерть его неизбежна. Нужна только рука, которая нанесла бы ему последний, смертельный удар.

Есть только одна сила, благодаря которой самодержавие еще держится. Эта сила — войско и полиция. Полиции дано теперь полное право убивать и расстреливать народ, а солдаты и казаки, по ее приказу, избивают и убивают по всей России своих братьев, отцов, сестер и матерей.

Но и эта сила ненадежна. Почему стреляют солдаты в народ? Потому что они еще не поняли, за что ведет борьбу народ. Они еще не знают, что и им необходима

свобода; они еще не видят, что те, в которых они стреляют, их родные братья. Но если вчера еще они этого не понимали, то сегодня они уже начинают это понимать. Во многих местах солдаты начали отказываться стрелять в народ. Растут и среди них недовольство и возмущение и местами это возмущение переходит в открытое восстание против офицеров. Так было в Черноморской эскадре, в Либаве и в Кронштадте. И это дает нам твердую уверенность, что недалеко уже то время, когда солдаты целыми полками будут отказываться стрелять в народ и будут переходить на сторону своих восставших братьев.

Однако, не следует возлагать свои надежды только на солдат. Не нужно забывать, что у самодержавного царя всегда останется часть войск, готовая защищать его. И нужно особенно твердо помнить, что солдаты, забитые суровой дисциплиной, тогда только переходят на сторону народа, когда сам народ подымает восстание. Не народ идет за солдатами, а солдаты идут за народом.

Ошибкой, поэтому, были те надежды, которые возлагали одесские рабочие на броненосец „Потемкин". Броненосец все сделает, броненосец освободит нас, броненосец разгонит войска. Нет, рабочим нужно твердо помнить, что освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих. Броненосец не может освободить народ, он может лишь помочь народу освободить себя.

И в тот день, когда пожар революции охватит всю Россию, когда дружно вместе восстанут рабочие и крестьяне, тогда солдаты перейдут на их сторону.

Поэтому-то, не возлагая своих надежд исключительно на солдат, мы должны усердно готовиться к всероссийскому вооруженному восстанию; мы должны заготовлять оружие и бомбы, мы должны из своих же рядов создавать вооруженные боевые дружины. Одним словом — мы должны сами превратиться в войско,—и войско революции. Только тогда мы победим...

Готовьтесь же, товарищи, к последнему решительному бою! Пусть каждый сознательный рабочий или крестьянин готовится стать солдатом революции! Пусть все сознательные рабочие и крестьяне объединятся в одну могучую революционную армию!..

Да здравствует революция! Да здравствует всенародное вооруженное восстание! Да здравствует всенародная революционная армия! Да здравствует Российская Соц.-Демокр. Рабочая Партия.

Одесский Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Июль 1905 г. Отпечатано 8.000 экз.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Перепечатано из № 1 Социал - Демократа.

Солдат Иосиф Мочедлобер не мог помешать гнусному делу—расстрелу матросов „Потемкина" солдатами Феодосийского гарнизона, совершенному по приказу командира. Коварно отдан был этот приказ, когда ничего не подозревавшие матросы подъезжали к берегу за обещанной им провизией. Так же коварно, как расстреливают постоянно рабочих и крестьян.

Солдаты повиновались... стреляли... убивали! Но нашелся один солдат, который не мог перенесть спокойно совершенного преступления. Бессильный помешать ему, он решился протестовать, отдав свою жизнь палачу. Он стрелял перед фронтом в командира полка, он покушался его убить, как покушался 12 января этого года матрос Гавриил Владимиров в Петербурге, ударивший штыком офицера после бойни 9 января. Мочедлобер судился военным судом, он присужден к смерти, вероятно, он будет казнен. Вестник близкой уже минуты перехода всех солдат на сторону народа, он будет растерзан хищным коршуном, против которого он поднял оружие.

Солдаты и матросы! Чтите своих героев! Учитесь у них, чему нас обязывает любовь к родине, к ее свободе!

И еще помните, солдаты и матросы! Вам твердят командиры и попы, что „жиды" — евреи бунтуют Россию для своей корысти. Смотрите же: вот перед вами солдат - еврей, который отдал свою жизнь потому, что не перенесло его сердце, когда командиры расстреливали русских матросов! Вот перед вами пример той любви к человечеству, которая не знает деления на русских и евреев, на христиан и „нехристей". Чтите своих героев, матросы и солдаты, и готовьтесь, по их примеру, отдать свою жизнь за благо родины!!!

Переведено (с жаргона). Письмо солдата Иосифа Мочедлобера, стрелявшего в командира за его приказание стрелять в матросов „Потемкина“.

„Дорогие товарищи! Я вам пишу на жаргоне потому, что не так хорошо владею русским языком. Братья и сестры! Я объясню вам свой поступок. В то время, когда стреляли в наших товарищей - матросов, и я видел, как они падали мертвыми и ранеными от наших рук, у меня потемнело в глазах. С тех пор начал я думать: кто я. Разве я не революционер? Разве я против свободы и нашего идеала, с которыми я поздно ознакомился? Когда мне минуло двадцать лет, я был отдан в руки тиранов, я тогда жалел мои предыдущие молодые годы, которые не пошли на плодотворную работу для достижения нашего святого идеала. Родители мои, желая меня избавить от солдатской службы, хотели меня послать за границу. Но страстное желание работать для нашего заветного идеала удержало меня, и я пошел на военную службу. Не мало труда потратил Варшавский Социал - Демократич. Комитет, пока убедил меня в правоте своих взглядов! Сколько сил пришлось ему положить для этого! После этого я не мог решиться уехать в страну, где кровь наших братьев уже пролилась за наш святой идеал, и удрать из такой страны, где ожидается борьба с нашим кровавым врагом. Нет! Я решил: пусть труды моего агитатора не пропадут даром, и я должен принимать участие в мести за жертвы последнего времени, павшие в кровавой борьбе. Я наверно не могу оправдаться перед товарищами Феодосийской организации в том, что в такое время, когда возможно работать в полку, разъяснять страшный поступок солдат по отношению к матросам - товарищам, бороться против религиозных предрассудков, я оставил работу и решил протестовать. Прошу прощения у феодосийских товарищей. С тех пор, как стал сознательным, я жаждал такой смерти, которая запечатлелась бы в душе каждого. Я все боялся пасть жертвой бессмысленной войны, которая ведется русским правительством. Я не счел возможным упустить этот случай и решил покончить с командиром полка. Опять прошу у организации прощения, что оставил так много работы в полку. Но как я счастлив, что оказался первой жертвой в Феодосии!

Я очень досаждал начальству своими разговорами и желал бы, чтобы к вам проникла моя речь. Я страстно хотел бы вашего присутствия при моей казни, которая, может быть, будет вечером или на рассвете. Привет всем братьям и сестрам, желаю вам победы... Привет всем товарищам! Из диких стен тюрьмы с решетчатыми окнами желаю вам победной революции! Солдат, передавший вам письмо, сознательный и честный товарищ, который остается на моем посту. Теперь еще рано работать в полку... Вещи, остающиеся после меня, прошу продать, а на деньги, вырученные от продажи их, завещаю купить литературу для моего полка. Вас, товарищей, должно быть сильно интересует знать о моем состоянии и о том, что происходит со мной. На допросе я заявил, что во мне заговорила моя клятва, в которой я обещал бороться за свободу родины до последней капли крови! Когда меня спросили: „Кто тебя послал на это дело?“ — Я ответил: „Любовь к человечеству меня побудила“. Дальше спрашивали: „Если тебя отпустят, ты больше не будешь покушаться на жизнь командира полка“? Я опять-таки ответил: „Отпустите меня на одни полчаса и вы его не найдете в живых. Он заслужил смерть за свою дикость“. Они настаивают на том, чтобы я признал себя виновным, на что последовал ответ — что я вынужден был это сделать. Им нужно, чтобы я обвинил самого себя для того, чтобы они чувствовали себя сильнее и имели возможность с презрением относиться к нашему идеалу. Но нет! Я не дам себя обмануть! Не поддамся на удочку кровожадных тиранов! Я останусь верным своим собратьям и сестрам до тех пор, пока канат еще не стянул моей шеи. Я не допущу, чтобы плевали в наш идеал! Пускай они видят, как он велик! Они нас не загонят своими шашками и ружьями! Они нас не испугают своими тираническими измышлениями! Я пойду с пением к смерти. Я теперь только понял, в каком подлом мире мы живем. Я благодарю природу, что мне было суждено защищать своею смертью своих братьев и сестер. Прощайте, прощайте, братья и сестры!

Иосиф Мочедлобер.

Издание Одесской Группы РСДРП. 19—31/VIII—05 г.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СУД НАД МАТРОСАМИ.

Сегодня судят матросов...

Самодержавное правительство произнесет свой суровый приговор над нашими товарищами матросами, смело присоединившимися к той великой борьбе, которую давно уже ведет рабочий класс.

Над Черноморским флотом взвился красный флаг революции и заставил содрогнуться сердца хищников самодержавной шайки, грабителей народа... Самодержавие почувствовало, что рушится последняя опора обагренного кровью трона, — войско переходит на сторону борцов за народное дело. Потоками крови, тысячами трупов и виселицами правительство думает отсрочить час своего падения.

Не остановится оно и теперь перед смертными приговорами и каторгой, чтобы достаточно наказать крамольный флот.

Но правительство забывает, что в потоках крови оно захлебнется само, что тысячи трупов придавят его своей тяжестью...

Жертвы неизбежны, но они приведут весь русский народ к окончательному избавлению от ненавистных угнетателей народной жизни.

Только перешагнув через труп самодержавного правительства, освобожденная Россия сумеет быстро приблизиться к царству свободы, равенства и братства...

Час падения самодержавия близок. Вот оно судорожно барахтается в морях народной крови, лезет через трупы сынов народа.

Но нет ему спасения.

Товарищи матросы! В великой борьбе ваших товарищей найдите силу для того, чтобы продолжить их святое дело.

Помните, что только общими силами и общей борьбой мы добьемся улучшения своей и народной жизни. Не дайте же совершить над вашими товарищами страшнейшего насилия, требуйте их освобождения. Все, как один человек, поднимитесь на их защиту, вырвите их из кровожадных когтей самодержавных палачей...

Товарищи рабочие! Присоединяйтесь к матросам и вместе с ними требуйте освобождения осужденных за наше общее славное дело.

Граждане! Кровь борцов революции вопиет об отмщении... Всеми силами и способами протестуйте против шемякина суда над матросами.

Требуйте их полного освобождения.

Долой правительство палачей и убийц!

Долой произвол и насилие царской шайки!

Да здравствует политическая свобода!

Да здравствует революционный Черноморский флот!

Честь и слава — подсудимым матросам — борцам за народное дело!

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙТЕ ТОВАРИЩАМ.

Севастопольский Комитет Крымского Союза Р. С.-Д. Р. Партии.

Тип. Севастопольского Комитета.

Июль 1905 г. Отпечат. 5.000 экз.

А. ТОПОЛЬСКИЙ.

ОТРАЖЕНИЕ ПОТЕМКИНСКОГО ВОССТАНИЯ В ПРЕССЕ

ПЕРВЫЕ ИЗВЕСТИЯ В ЛЕГАЛЬНОЙ ПРЕССЕ.

После кровавого дня — 9 января по всей России выступило с забастовкой-протестом более полумиллиона рабочих. После этого еще невиданного в России выступления, произведшего за границей огромное впечатление, почти все забастовки, возникавшие обычно на экономической почве, неизбежно превращались в политические, так как наряду с экономическими требованиями выдвигались и требования политические, среди которых, прежде всего, фигурировали требования свободы собраний, слова и печати.

Но чем более движение ширилось, тем сильнее свирепствовали полиция и цензура. Царское правительство, несмотря на свою дальновидность в других отношениях, превосходно, очевидно, понимало, что легче всего разбить революцию по частям, не допустив образования единого центра революционного движения. Для этого нужно было замалчивать все происходившие события и подавлять вспышки разрозненно, не допуская освещения их в легальной прессе. Нелегальная пресса не имела возможности обслужить даже крупные рабочие центры, к тому же она, в силу чисто технических условий, сильно отставала от происходящих событий и не могла информировать о них широкие круги рабочих.

Чем сильнее чуствовалась революционная напряженность, чем выше поднималась забастовочная волна, тем больше свирепела цензура; даже газеты далеко не левого направления то и дело появлялись с белыми местами. А что делала цензура с такими газетами, как „Сын Отечества“, „Наша Жизнь“, не говоря уже о провинциальных газетах, пытавшихся хоть в туманной форме осветить происходящие события,—об этом читатель мог догадываться только или по белым местам или же по оглавлениям газеты. Так, напр., в № 97 (от начала июня 1905 г.) в газете „Сын Отечества“ оглавление гласит: Передовые — 1) Современная смута, 2) Финансовые недоумения и т. д. Однако, читатель напрасно искал бы в этом и в последующих номерах первых двух

передовых с таким заманчивым по тогдашнему времени заглавием.

У журналиста оставался один только способ жалобы на притеснения цензуры, — письмо в редакцию. Для характеристики положения печати весной и летом 1905 г. приводим письмо в редакцию довольно известного одесского журналиста. Письмо это сначала было напечатано в одесских, а потом перепечатано и во многих других газетах.

Письмо в редакцию.

„Никогда еще за 15 с лишним лет моей деятельности на поприще журналистики местная цензура не была столь беспощадна, как ныне. Чем объяснить? Теряюсь, не понимаю. За последние недели номера одесских газет выходят из-под цензурного пресса неузнаваемыми. Из сдаваемых в набор 30 столбцов является только 15. Мы не вправе отозваться ни на одно выдающееся общественное событие. Мы ни одним словом не могли коснуться аудиенции, данной государем императором земским и городским деятелям. Даже простое констатирование этого факта, решительно без всяких комментариев, было выброшено у меня в фельетоне местною цензурою. Одесские журналисты переживают, поистине, дни цензурного ужаса.

„Несколько месяцев тому назад я обратился с жалобою к министру внутренних дел на действия местной цензуры, я привел, как доказательство, один из выброшенных мне фельетонов. По прошествии месяца мне этот фельетон был разрешен по указанию из Петербурга...

„Я задыхаюсь в подобных условиях. Мои мысли, мои чувства, мои взгляды, идеи подвергаются столь беспощадной ломке, что работать более я не в силах.

„Публикую во всеобщее сведение состав цензурной комиссии в нашем городе (следует перечисление фамилий членов цензурной комиссии).

„П. Герцо-Виноградский (Лоэнгрин)".

Конечно, такие письма имели только то значение, что напоминали читателю о том, что газета говорит далеко не то, что она должна сказать.

Неудивительно, поэтому, что и события, розыгравшиеся в начале лета на Черном море, в самом городе Одессе,

события, о которых говорили газеты всего мира, не нашли достаточного освещения в русской легальной прессе.

Рабочие и крестьянские волнения, происходившие по всей России, находили себе место только где-нибудь в хронике. О событиях в Лодзи и Варшаве, где имели место уже не обычные экономические забастовки, а настоящие революционные выступления,—газеты могли писать, да и то не все, только в отделе телеграфных корреспонденций. Освещать эти события могли только правительственные и черносотенные издания.

На события на Черном море иностранная пресса начала отзываться раньше, чем русская. В русских столичных газетах мы находим в начале этих событий только такую заметку: „Сегодня в Одессу спешно выехало много иностранных корреспондентов. Поездка эта связана с последними событиями в Одессе“.

Такого рода заметки только разжигали любопытство читателя, но ничего определенного ему не говорили.

Первые сведения о событиях в Черноморском флоте русский читатель почерпнул от заграничных корресподентов русских газет. В „Русских Ведомостях“ парижский корреспондент этой газеты в корреспонденции от 17 июля сообщал: „Одесские события производят здесь величайшую сенсацию. Сегодня в кулуарах палат, в редакциях газет, даже на бульварах только и разговоров было, что об этих событиях“.

Берлинский корреспондент пишет: „События в Одессе отодвинули на задний план все прочие интересы Берлина... Биржа, конечно, реагировала понижением русских ценностей („Промышленный Мир“ № 24).

Корреспонденции из Англии говорят о том, что там самым сенсационным событием является „Революция в Одессе“.

Одесские события явились даже поводом для запроса в английском парламенте. Чтобы не обращаться снова и снова к этим известиям, я приведу здесь иностранный календарь этих событий. Календарь этот составлен по газетным сведениям и помещен в отделе Diary and obtuary for Jules английского журнала Review of Review.

„Июня 24.—Сражение между народом и солдатами в Лодзи продолжается, число убитых и раненых очень велико. В Варшаве арестовано 672 человека.

„Июня 28.—На русском боевом судне „Князь Потемкин“ офецер застрелил матроса за то, что он требовал улучшения пищи. Все офицеры судна перебиты восставшими матросами. Восставшие снесли тело убитого на берег и угрожают бомбардировать город.

„Июня 29 и 30.—Положение в Одессе очень серьезно. Много имущества уничтожено огнем. Число убитых и раненых достигает 2.000. Адмирал Кригер с четырьмя военными судами направляется к Одессе, с целью захватить военные суда.

„Июля 1.—Русский Черноморский флот все еще ищет „Потемкина“. На адмиральском совещании решено установить бдительное наблюдение за машинной командой. „Георгий Победоносец“ присоединился к восставшим. Серьезные волнения происходят в Кронштадте и в других частях России.

„Июля 2.—„Князь Потемкин“ отбыл по направлению к Румынии. „Георгий Победоносец“ остался в Одессе.

„Июля 5“ — „Князь Потемкин“ прибыл в Феодосию и взял уголь и провизию“.

В то время, как по всей Европе печатались телеграммы, воспроизводились фотографии восставшего броненосца, в России даже близлежащие к Одессе города не знали, что происходит в Одессе.

Высочайший указ правительственному сенату от 15 июня, объявлявший город Одессу и Одесский уезд на военном положении, появился в столичных газетах только 18 июня.

Этот приказ еще более привлек внимание к тем слухам, которые распространялись об Одессе. Столичная пресса, пытаясь подойти к освещению этого вопроса, наталкивалась на сопротивление администрации, ревниво скрывавшей происходившие события.

„Русские Ведомости“ от 20 июня пишут:

...„Вместо обстоятельного повествования о событиях, предшествовавших новой репрессивной мере, перед читателями русских газет проходят коротенькие сбивчивые сообщения без начала и конца, да опровержения каких-то неведомых русской публике известий заграничной печати. В совокупности, все эти сообщения содержат больше намек на что-то, происходившее на юге и на западе Европейской России, нежели описание событий, и могут служить канвой

для каких-угодно узоров досужей фантазии, но никак не материалом для беспристрастной оценки данного положения".

„Наша Жизнь" в передовой от 19 июня пишет:

„Россия вновь охвачена вздымающимися волнами общественного возбуждения, доходящими в некоторых местах до серьезных вспышек населения. Положение становится все более критическим и требует настоятельного разрешения".

Некоторые газеты строят догадки. Так, „Биржевые Ведомости", говоря об опубликовании „высочайшего" повеления о военном положении в Одессе и уезде, пишут: „Отсюда нужно заключить, что беспорядки в Одессе, о которых в печати могли появиться лишь отрывочные сведения, приняли массовый характер или проявились в крайне резких формах".

Даже сами одесситы имели как о начавшихся в городе событиях, так и о том, что происходило в Черноморском флоте, самые смутные понятия. Многие из жителей города узнавали о том, что в городе и на море происходит что-то необычное, только из распоряжений власти.

16 июня по городу было расклеено следующее объявление градоначальника:

„Убедительно прошу всех жителей города Одессы, ввиду тревожного настроения, не собираться на улицах и не примыкать к толпам, во избежание несчастных случаев от стрельбы войск".

От самой Черноморской эскадры телеграмма из Севастополя от 15 июня сообщала только следующее:

„В 8 часов вечера ушли по направлению к Одессе броненосцы „Три Святителя", „Двенадцать Апостолов", „Ростислав", „Синоп", минный крейсер „Казарский" и несколько миноносцев под командой начальника практической эскадры вице-адмирала Кригера".

Достойно внимания то, что в телеграмме совсем не упоминается броненосец „Князь Потемкин-Таврический". Вряд ли это можно объяснить случайным пропуском.

Следующая телеграмма из Севастополя, напечатанная в Одесских газетах, сообщает:

„Сейчас вернулась ушедшая в Одессу эскадра в составе броненосцев: „Ростислав", „Три Святителя", „Синоп", „Двенадцать Апостолов" и нескольких миноносцев под флагами

вице-адмирала Кригера и контр-адмирала Вишневецкого. Остальная часть эскадры с броненосцем „Потемкин-Таврический“ прибудет вечером.“

Привыкшие искать в каждом, даже обычном известии, сокровенный смысл, читатели пытались объяснить себе, почему это их оповещают о тех судах, которые почему-то отставали от эскадры. Распространявшиеся слухи о восстании во флоте только подтверждались этими телеграммами.

В столичных газетах от 19 июня появилась даже такая телеграмма из Одессы: „Градоначальником сейчас сообщено Думе и иностранным консулам, что взбунтовавшиеся матросы броненосца „Потемкин-Таврический“, державшие город в осаде, сдались. Весть эта быстро распространилась по всему городу и внесла сразу успокоение. Сдались команды без выстрела. Матросы размещены на судах эскадры. Завтра население будет об этом официально осведомлено. В силу военного положения, с десяти часов вечера все ворота в городе закрыты“.

Телеграмма, очевидно и предназначалась специально для столичных газет. В самой Одессе, вместо официального оповещения о сдаче „Потемкина“, командующим войсками было издано обязательное постановление, которым еще раз запрещалось собираться на улицах „толпой свыше 20 человек“. „Всякая большая толпа, — гласило постановление,— будет разгоняться, а при сопротивлении будет произведена ружейная стрельба или употреблено холодное оружие без всякаго предварения“. Домовладельцам и содержателям гостиниц вменялось в обязанность следить за своими постояльцами и доносить обо всех подозрительных личностях полиции.

Дальнейшие известия, которых с таким нетерпением ожидали читатели газет, не только не подтвердили сообщения о сдаче восставших, но как будто даже опровергали эти сообщения. В телеграмме от 19-го из Севастополя сообщалось:

„Вчерашние надежды на возвращение из Одессы броненосцев „Князь Потемкин-Таврический“, „Георгий Победоносец“ не оправдались. Броненосцы не прибыли. Практическая эскадра стоит на рейде под парами“.

Другая телеграмма из Одессы (от того же числа) гласила: „В городе тихо. Беспорядки прекращены. Продолжаются аресты. Порт и таможня бездействуют и оцеплены войсками“.

Трудно сейчас представить себе, как действовали на читателя эти малоговорящие телеграммы. Всего только одно, что они давали, пищу воображению и еще более усиливали интерес к происходящим событиям. Рабочие массы городов, а во многих губерниях и крестьянство были так настроены, что первая же победа революции могла сразу вывести их из состояния пассивного сочувствия и бросить в ряды активных борцов революции.

Замалчивание происходящих событий правительством начало, наконец, нервировать и правую прессу. Даже „Новое Время“ не выдержало своего обычного тона. В передовице от 15 июня мы читаем следующее:

„В изданных командующим войсками обязательных постановлениях, сообщенных одесскою телеграммою, говорится о воспрещении сборищ свыше 20 человек на улицах, о ружейной стрельбе и употреблении холодного оружия в случае сопротивления, без всякого предупреждения, о выстрелах, произведенных в войска и полицию. Адмирал Чухнин уехал 16 июня экстренным поездом в Севастополь. Из Севастополя пошла эскадра в составе четерех броненосцев и нескольких миноносцев. 1-го, днем, она вернулась в Севастополь, при чем сказано, что осталась часть эскадры с броненосцем „Потемкин - Таврический“. Вернется 1-го вечером. В числе судов, ушедших из Севастополя в Одессу о броненосце „Потемкин Таврический“ не было упомянуто. Очевидно, он вышел в Одессу ранее. Беспорядки в Одессе, о которых говорится в высочайшем указе о военном положении, сопровождались значительными пожарами. Никаких других известий не получено, несмотря на телеграфные запросы газеты у корреспондента. Приходится ждать официальных известий, и желательно, чтобы эти известия не запаздывали и не увеличивали тревоги, так как естественно, что слухи всегда передаются в преувеличенном виде и настраивают публику прямо ужасно. Внутреннее положение России, особенно на окраинах, является чем-то критическим, продолжающимся целые месяцы. Десятки мест ежедневно пестрят в телеграммах об этих тревожных событиях, о каком-то лихорадочном состоянии населения“.

Если уже такой благонамеренный орган, как „Новое Время“, заговорил таким нервным языком („прямо ужасно“),

что же говорить о тех, кто жаждал революционного взрыва, кто видел в тех жалких сведениях, которые проскальзывали в печати, отголоски начавшейся там, где-то на юге, революции. События в Одессе и события в Черноморском флоте сливались во единую картину сливавшегося революционного восстания, картину, которую цензура всячески хотела скрыть от широких масс. Даже в самой Одессе цензура жестоко проводит эту линию. Напрасно вы станете искать в „Одесских Новостях“ и др. местных газетах в первые дни Потемкинского восстания каких-либо описаний событий во флоте. Лишь изредка попадаются такого рода заметки:

„Движение в порту достигло апогея. Население было наэлектризовано рассказами приходящих оттуда очевидцев. Все задают себе вопрос,—чем окончится этот небывалый случай“.

Только после того, как вся Одесса уже знала почти все о „небывалом случае“, цензура пропустила следующее краткое сообщение о „Князе Потемкине“, напечатанное в „Одесском Листке“:

„Во вторник, около пяти часов вечера, в Одесский порт прибыл из под Тендры и бросил якорь на внешнем рейде броненосец „Князь Потемкин-Таврический“. Как выяснилось, броненосец прибыл в Одессу без офицеров, имея до 900 чел. команды. На броненосце был доставлен труп матроса Григория Омельчука[1]. Вчера, около семи часов утра, матросы броненосца доставили труп своего товарища на берег и поместили его под устроенный на перекладинах навес в конце нового мола. По словам матросов, один из старших офицеров броненосца убил этого матроса выстрелом из револьвера в то время, когда последний от имени всего экипажа доложил ему, что пища, отпускаемая команде, плохая и к употреблению не пригодна. Труп матроса вчера осматривали массы народа. Возле трупа горела свеча. О причине прихода броненосца без офицеров производится дознание“.

Хотя в городе все уже знали о том, что произошло на броненосце, но цензура и здесь боялась говорить о том, как ответил экипаж „Потемкина“ на убийство офицером их

[1]) Дейст. фамилия Вакуленчук. *Ред.*

товарища за то, что тот предъявил совершенно законные требования. Ни одного слова о судьбе командира судна и офицерах цензура не пропустила. А между тем, скрывать дальше события, о которых говорилось во всем мире, было уже совершенно невозможно. В столичных газетах об этих событиях начинают уже говорить более определенно. Так, в „Русском Слове“ от 20 июня помещена телеграмма из Одессы, в которой уже совершенно определенно говорится о том, что на чрезвычайном заседании Думы, посвященном последним тяжелым дням, пережитым Одессой, постановлено отправить к командующему депутацию для выяснения положения с броненосцем „Князь Потемкин-Таврический“, взбунтовавшаяся команда которого третий день держит город в страхе бомбардировки. Говорилось в этой телеграмме и о том, что командующий войсками сообщил делегации о неопределенном положении и о переговорах, ведущихся между судами эскадры и восставшим броненосцем.

Это сообщение вносило уже некоторую ясность в известия о событиях на Черном море. Правительству нельзя уже было дальше замалчивать происходящее, но могло ли оно рассматривать „прискорбный случай“ на „Потемкине“, как попытку революционного восстания? Признание этого равносильно было отказу от утверждения, ежедневно повторяющегося правительственной и черносотенной прессой, что смуту сеют злонамеренные элементы, армия же и флот продолжают оставаться верными „престолу и отечеству“.

II. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.

21 июня в „Правительственном Вестнике“ появилось, наконец (через неделю после начала восстания), правительственное сообщение о событиях в Одессе, Одесском уезде и Черноморском флоте.

Во всем официальном сообщении ясно сквозит постоянная тенденция царского правительства представить дело так, что правительство, якобы, направляет свои удары не против рабочих, а против тех злонамеренных лиц, членов социалистических партий, которые стремятся сеять смуту среди рабочих.

„Брожение среди рабочих гор. Одессы и в других местностях прилегающего к нему уезда, замечавшееся с некоторого

времени, 12-го июня завершилось сходкой выборных от различных фабрик и заводов, в целях разрешения вопроса об устройстве всеобщей забастовки. В числе этих лиц, по имевшимся у полиции сведениям, находились члены местного Комитета партии социалистов - революционеров,— вследствие чего все участники сходки подверглись задержанию, при чем у одного из арестованных было найдено письмо члена боевой дружины, в коем сообщалось намерение убить названного в письме по имени одного из местных полицейских приставов“.

Далее в официальном сообщении подробно излагается, как было арестовано еще несколько лиц с револьверами и патронами, как была брошена бомба в полицейского, который хотел задержать подозрительного субъекта, и т. д. Ничего не говорилось о тех причинах, которые вызвали забастовку, о тех действиях полиции и казаков, которые вызывали всеобщее возмущение. Все дело представлялось так, как будто полиция ловила только нападавших на нее „подозрительных лиц“, членов революционных партий, рабочих же не трогала, пока они на нее не нападали.

„Недовольные произведенными арестами,—говорится далее,—рабочие 13 июня стали собираться толпой у завода Гена и на сделанное им полицейским приставом приказание разойтись ответили, бросая камнями. Когда с такими же убеждениями обратился к ним командир казачьей сотни, они сбили его с лошади и ушибли.

„Командир увещал толпу, что после троекратного сигнала в трубу он издает приказ стрелять. Однако, толпа продолжала бесчинствовать, и после второго сигнала раздались даже выстрелы с крыши соседних домов. Тогда двенадцать спешенных казаков дали по толпе залп, при чем двое рабочих были убиты, один ранен. В течение дня по городу расхаживали толпы рабочих, и в разных местах города то начинались, то прекращались беспорядки, сопровождавшиеся в некоторых случаях насильственным прекращением работ на фабриках, устройством заграждений на улицах, опрокидыванием вагонов конки и выстрелами в чинов полиции, которые вынуждены были отвечать тем же. При этом было ранено пять городовых. К вечеру того же дня забастовавшие рабочие стали проявлять большую дерзновенность,

заняли в двух пунктах за городом полотно железной дороги, потушили четыре паровоза, задержали пассажирский поезд, из коего прогнали пассажиров, и побили стекла в вагонах.

„В течение этих двух дней войска, хотя и вытребованные — к действию оружием не прибегали, а порядок охранялся казаками, полицией и патрулями.

„Наряду с брожением в городском населении в последнее время наблюдается развитие и крестьянского движения в Одесском уезде. Впрочем, насилия над личностью помещиков до сих пор не учинялись. Брожение в уезде поддерживается влияниями, приходящими извне“.

Официальное сообщение указывало на работу „злонамеренных лиц“, сводя все движение к их „преступной“ работе.

Но в то время, как крестьянское движение рассматривается правительственным совещанием все же, как часть общего движения, восстание матросов правительство всячески пытается отделить от общего революционного движения и представить в виде „прискорбного случая“, в виде случайно возникшего бунта, который революционные партии только потом использовали.

„Усилению среди рабочего населения г. Одессы брожения, перешедшего 15 июня в открытый мятеж, сопровождавшийся убийствами, грабежом и поджогами, способствовало следующее, хотя и не стоящее в непосредственной связи с обнаруживавшимися ранее беспорядками в Одессе, прискорбное и беспримерное в летописях русского флота событие. В 4 часа утра этого дня на Одесский рейд пришел из Тендровского залива броненосец Черноморской эскадры „Князь Потемкин-Таврический“, от борта которого отвалила шлюпка с трупом мертвого матроса. Покойник сопровождавшими его матросами был положен на пол с пришпиленной на груди запиской, гласившей, что матрос Омельчук (очевидно, ошибка — Вакуленчук) убит офицером невинно за высказанное им недовольство пищей, что все офицеры убиты командой и с броненосца ответят оружейным огнем по городу, если со стороны начальства порта будут сделаны попытки убрать труп или приблизиться к судну.

„К этому месту стали двигаться из города тысячи рабочих . . . возбуждение среди них все более росло, особенно под влиянием зажигательных речей агитаторов, которые

говорили о необходимости воспользоваться данным случаем для достижения намеченных революционерами целей. Когда же для проверки известия об убийстве и снятия показаний прибыл на шлюпке вместе с портовым начальством товарищ прокурора одесского суда, матросы угрожали и бранью заставили его удалиться.

„На основании показаний одного из оставшихся в живых офицеров судового состава, а также матроса, ночью с борта судна бросившегося в воду и достигшего берега вплавь, происшедшее на „Князе Потемкине“ рисуется в следующем виде:

„Броненосец вышел из Севастополя в воскресенье, 12 июня, находясь под командой капитана 1-го ранга Голикова, в Тендровский залив для производства опытной стрельбы вместе со стоящим при нем миноносцем № 267 под командой лейтенанта фон-Клодт-фон-Юренсбург. Во вторник, 14-го июня, судовая команда под предлогом, якобы, недоброкачественности привезенного из Одессы миноносцем мяса, отказалась принимать пищу (борщ). По распоряжению командира, команда была собрана на шканцы, где старший офицер, капитан 2-го ранга Гиляровский, приказал выступить перед фронтом тем из низших чинов, которые не отказываются от принятия пищи, т. е. не участвуют в протесте, выраженном в столь резкой форме; когда же перед фронтом выступило большинство из судовой команды, то старший офицер стал записывать имена недовольных, составлявших меньшинство. Воспользовавшись этой минутой, последние схватили с пирамид ружья и стали их заряжать имевшимися у них патронами. Приказание стрелять в бунтовщиков, отданное караулу офицером (старшим), осталось неисполненным, и тогда последний, выхватив у ближайшего караула ружье, произвел в одного из матросов два или три выстрела, ранив его смертельно. Затем взбунтовавшиеся низшие чины стали залпами стрелять в офицеров, отыскивая их по одиночке в разных местах судна. Так был убит в числе прочих и командир броненосца. Некоторые офицеры бросились в море, но их и здесь настигла смерть, так как в воду, по словам очевидцев, производились выстрелы, и даже из 47-миллиметровых пушек“.

Вряд ли нужно говорить о том, что картина начала восстания в том виде, в каком она рисуется правительственным

сообщением, не совсем соответствует действительности. Согласно правительственного сообщения, все дело заключалось в том, что судовая команда во что бы то ни стало захотела бунтовать и нашла предлог в „якобы недоброкачественной пище“. Матросы, согласно этого сообщения, первые бросаются к оружию, и только после этого офицер отдает караулу приказание стрелять, тогда как в действительности, как свидетельствуют очевидцы, матросы бросились к оружию только для самозащиты, после того, как старший офицер приказал караулу стрелять, и после того, как караул отказался выполнить приказание, сам выстрелом убил Григория Вакуленчука.

Теперь уже для нас ясно, что восстание разразилось преждевременно, что большинство матросов на этом судне, а главное, матросы других судов еще не были к нему готовы. При таком положении дел, естественно, что никто и не думал превращать обычное для военного ведомства явление — гнилую пищу, в предлог для революционного взрыва. Если последний и произошел, то только потому, что его вызвало возмутительное поведение начальства. Подготовленные революционной пропагандой матросы не могли позволить расстреливать себя только за то, что они отказывались есть гнилую пищу и тем самым начали восстание раньше, чем оно было достаточно подготовлено.

„Бунт на военном судне, — продолжает далее правительственное сообщение, — дал революционным деятелям благоприятную их целям почву для воздействия на народную массу, и они удачно эксплоатировали этот прискорбный случай для дальнейшего развития беспорядков в Одессе. Не ограничиваясь произнесением зажигательных речей, агитаторы, посещая на шлюпках ставший на рейде броненосец, уверили бунтовщиков, что войска-де всего Одесского гарнизона сложили оружие и все суда Черноморской эскадры перешли на сторону команды „Князя Потемкина“. По словам очевидца офицера, особенно деятельное участие в совещаниях, происходивших в адмиральском помещении, принимали двое лиц из учащейся молодежи“.

Дальнейшее изложение событий официальным сообщением все построено на желании доказать, что виноваты во всем штатские, которые пробрались на судно. При изложении

эпизода присоединения к восставшему броненосцу „Георгия Победоносца“, правительственное сообщение добавляет:

„При этом на палубе „Потемкина“ было замечено до тридцати посторонних лиц в штатских костюмах. Еще до окончания переговоров офицеров со взбунтовавшейся командой миноносец № 267 доставил на борт, как это показала команда последнего, студентов-евреев и нижних чинов с „Потемкина“, которые завладели командным судном (?) и посоветовали им бросить офицеров в море, на что нижние чины не согласились. По предложению явившихся революционеров, для управления броненосцем составлена была комиссия из двадцати человек, а командиром, повидимому, против его воли, назначен был боцман“.

Как видно из других источников, столько постороннего народа, как это указывается в правительственном сообщении, на „Потемкине“ не было. Все это, очевидно, нужно было привести для того, чтобы извратить истинную картину восстания и изобразить виновниками студентов-евреев, которые всегда фигурировали в правительственных сообщениях того времени в качестве виновников и крестьянских беспорядков, и рабочих забастовок, и военных мятежей.

Совершенно не изложен в правительственном сообщении чрезвычайно важный факт похорон убитого матроса, а, между тем, эти похороны явились кульминационным пунктом „печального инцидента“, ибо именно на похоронах, с одной стороны, произошло непосредственное общение части матросов с одесской рабочей массой, и с другой стороны — здесь именно нанесен был первый удар восставшим. Удар этот несомненно сыграл большую роль в последующих событиях, поэтому на нем стоит остановиться несколько дольше.

III. ИЮНЬСКИЕ СОБЫТИЯ И ОДЕССКАЯ ПРЕССА.

„Потемкин Таврический“ прибыл на Одесский рейд вечером 14 июня и только в седьмом часу вечера 18 июня снялся с якоря, пробыв, таким образом, здесь целых четверо суток. Рабочие взирали на него, как на своего защитника, буржуазия, не говоря уже о властях, — со страхом и ненавистью.

„В течение этих четырех дней, — писала газета „Русское Слово“, „население Одессы не знало покоя ни днем, ни ночь

забыло про все свои дела... Все взоры были направлены на большой рейд, где грозно стоял с открытыми дулами многомильных орудий „Потемкин-Таврический“, грозя ежеминутно смертью и разрушением“ [1]).

Но еще до прихода броненосца, в городе произошли события, которые ясно свидетельствовали о том, что рабочий класс гор. Одессы уже готов перейти от мирной забастовки к вооруженному восстанию.

Первое столкновение одесских рабочих с казаками произошло 13 июня, т. е. тогда, когда о „Потемкине“ еще ничего

---

[1]) Яркую картину настроения одесской бужуазии в эти дни дает письмо из Одессы, помещенное в „Искре“. Приводим его полностью:

„Одесса. Когда в порту стоял броненосец, буржуазия трепетала, и власти метались в страхе перед революционными пушками. Спешно ставились батареи в гавани, на бульваре и на высотах по берегу моря. Часть берега объявлена была на осадном, весь город и уезд на военном положении. Буржуа забирали деньги и драгоценности и тысячами уезжали. На вокзале элегантные дамы усаживались в товарные вагоны и в грязные вагоны IV класса. Всех их гнал ужас перед бомбами 12-дюймовых орудий с „Потемкина“. Что же делали „общественные силы“ г. Одессы, имеющие организацию и учреждения? Что делали „союзы нашей буржуазной демократии?“

„В то время, когда пролетарская кровь питала улицы Одессы, когда наши социал-демократические организаторы и ораторы умирали вместе с восставшим населением, либералы обсуждали вопрос „о временном правительстве“. Либералы, в лице журналистов и адвокатов, говорили о том, что „крайние партии бессильны“, что демократической интеллигенции следует взять на себя роль спасителей, что надо образовать нечто вроде „Комитета общественной безопасности“.

„Врачи говорили, что они, как организация больничных врачей, должны выполнять свои обязанности, должны оказать помощь раненым. Вот наша общественная обязанность, — говорил председатель Сабанеев. Что же касается до отношения к действиям революционных организаций, то таковых не может быть со стороны нашей организации, как чего-либо единого, целого. До сих пор все мы относились различно к различным партиям: одни из нас сочувствуют и помогают социал-революционерам, другие социал-демократам. Настоящее положение ничего не изменило. Каждый из нас и впредь будет поддерживать те партии, которым он сочувствует и руководство которых признает...

„На этом совещании больничных врачей присутствовал заместитель городского головы К. А. Андреевский. Его считают либералом, и если кому надо было видеть типичного трусливого, готового продать за чечевичную похлебку народную свободу, либерального буржуа, он должен был видеть в эту минуту Андреевского. На вопрос, что он

не знали. До этого времени стачечное движение в городе носило мирный характер. Большинство предпринимателей шло на уступки, и забастовки кончались победой рабочих. Не удовлетворены были лишь требования рабочих трех заводов на Пересыпи и на нескольких заводах в других частях города. На Пересыпи у завода Гена и произошло первое столкновение с войсками. Когда 13-го июня около этого завода собралась большая толпа рабочих, ответившая на предложение полиции разойтись отказом и контр-требованием — выдачи своих депутатов, арестованных накануне, — была вызвана полусотня казаков, на помощь которой прискакали потом еще три полсотни. В казаков полетели камни. Одним из них был задет казачий подъесаул, который немедленно дал приказ стрелять. Двое рабочих оказались убитыми. Толпа, однако, этим не только не была рассеяна, но стала еще более увеличиваться. К забастовщикам присоединялись все новые и новые кадры рабочих из соседних фабрик

предпринял, и что думает предпринять дума в интересах безопасности и неприкосновенности личности и жизни граждан, он заговорил бессвязно, бессодержательно о том, что он два дня не видел своей жены и детей с „голенькими ножками", которых ему пришлось немедленно отправить с дачи. Эти „голенькие ножки" детей чадолюбивый отец и трусливый либерал вспоминал много раз среди своего нелепого доклада. Оказывается, паника до того охватила гласных думы, что они никак не могли собраться. И это в такое время, когда кровь пролетариев проливалась на улицах опекаемого думой города! Послали телеграммы министрам, военному и внутренних дел. Просили не вводить военного положения. Ответа нет. Каханов, командующий войсками, говорит, что он „калиф на час" и ничего не может сделать. Г. Нейдгарт— о, этот не трусит,—надеется на пушки, на полицию. Дума послала гор. голове Крыжановскому телеграмму. Г. Крыжановский ответил прокламацией, в которой призывал беспокойные „элементы" успокоиться и не мешать ему, „выборному" от народа(?), решить мирным путем вопросы о реформах. Дума писала Крыжановскому, что город находится в критическом положении, и надо принять безотлагательно действительные „меры общественного характера" для спасения имущества частных лиц и безопасности жителей... Меры были приняты весьма решительные: это знает хорошо пролетариат, это почувствуют скоро буржуа.

„Если бы, — говорил Андреевский, — правительство согласилось дать кой-какие гарантии, я уговорил бы рабочих-стачечников стать на работу, и, может быть, удалось бы восстановить порядок". Нет, господа либералы, крещеную огнем пролетарскую массу вы не успокоите обещаниями гарантий в самодержавном государстве. Рабочий

и заводов. Полиция и войска ограничивались недопущением толпы в город. Пересыпь оказалась, таким образом, в руках рабочих. Поезда трамваев, проходивших через Пересыпь, останавливались.

На следующий день не расходившаяся и ночью толпа направилась в центр города, но войска ее не допускали. Во многих местах произошел целый ряд столкновений с полицией. У фабрики Вальтуха произошла настоящая перестрелка между конными стражниками и рабочими, в результате которой среди рабочих оказалось несколько раненых. Происходила перестрелка и в других частях города, — у чайной фирмы Высоцкого на б. Колонтаевской ул., где толпа начала громить полицейский участок. Подоспевшая полиция дала залп, из толпы отвечали револьверными выстрелами, которыми был убит один из стражников. Несмотря на то, что патрули казаков рыскали по всему городу, толпы рабочих снимали служащих в самом центре города. На

класс, кровь свою отдавший за лучшую жизнь, вам не убаюкать „мирными реформами". Какое идиотство, какое младенчество говорить о гарантиях, неприкосновенности личности, когда вводится по всей России военное положение! Какое младенчество говорить о спокойствии и порядке, когда потоками льется кровь!

„Более радикальная часть собрания говорила о том, что дума должна признать, что она неспособна что-либо сделать, что она отжила свой век,—она должна отказаться от функционирования, если состоит из граждан. Пусть дума сложит с себя обязанности, пусть заявит, что не желает работать под указкой штыка и нагайки. Пусть активные и инициативные граждане возьмут на себя мужество и образуют революционную думу, революционный комитет, действующий революционно. Пусть эта новая дума вооружит народ для борьбы с казаками и полицией. Пусть объявят Одессу вольным городом.

„Г. Андреевский очень испугался. Он соглащался, чтобы его расстреляли тут, предлагал, чтобы его повесили или отправили в дом умалишенных, ибо он не ручается за себя... Теперь время такое, что приходится быть настороже с либералами. В революционные дни они вскрываются и обнажаются, и тогда во всей прелести выступают их „качества".

„Никаких активных действий мы еще не видели со стороны либерально-буржуазной демократии. Боюсь очень, что гораздо активнее роль она сыграет в контр-революции. По-моему, она и теперь уже принимает значительное участие в контр-революции, направленной против политических стремлений рабочего класса и его авангарда — революционной соц.-демократии. Но об этом в другой раз". „Л".

Дерибасовской улице было опрокинуто несколько вагонов конки, из которых пытались строить баррикаду.

В „Одесских Новостях“ день 14 июня в Одессе описывается так:

. . . „На улицах всюду замечалось необычайное движение. Патрули казаков галопом метались по разным направлениям, разгоняя собравшихся нагайками. На Ришельевской улице толпа потребовала прекращения занятий в конторе „Лионского кредита“, но прежде, чем администрация конторы исполнила требование толпы, последняя разбила два больших оконных стекла и ранила вольноопределяющегося Е. Саморила, обнажившего шашку.

„По Преображенской улице толпа стала опрокидывать вагоны конки, предварительно приглашая пассажиров оставить вагоны, а кучеров—отпрячь лошадей. Повалив несколько вагонов, толпа уложила их поперек рельсового пути, загромоздив, таким образом, движение. Подоспевшие казаки разогнали толпу и подняли вагоны, поставили их на рельсы и движение возобновилось. Однако, как только казаки ушли, толпа снова стала опрокидывать вагоны. Движение совсем прекратилось.

„Но то, что творилось на Мещанской улице, не поддается описанию. Несколько залпов было выпущено в толпу, среди которой оказались тяжело раненые. Наконец, забастовщиков обошли и вынудили очистить позицию. Толпа решила раздобыть оружие и с этой целью направилась на Александровский проспект, чтобы разгромить оружейные магазины. Туда же поспешили войска и полиция. Осаждая толпу, полиция произвела несколько выстрелов. Толпа ответила выстрелами в надзирателя Бульварного участка — Толкачева. В него попало несколько пуль, и его, истекающего кровью, внесли в аптеку Турского. Один казак, врезавшись в толпу любопытных, осаждавших аптеку, избивал их нагайкою. Настигнув случайно проходившую земскую учительницу Калашникову, казак нанес ей до того сильный удар в голову, что она лишилась чувств.

„На углу Успенской и Преображенской улиц оказался раненый жандарм . . .

„Стрельба скоро возобновилась на Преображенской улице, вблизи магазина Кальфа. Здесь было ранено несколько человек.

„Помощниками забастовщиков являлись подростки, которые несли для них разведочную службу. Те же подростки, достав керосин, облили по Преображенской улице опрокинутый вагон конки, который запылал. Примчалась пожарная команда. К вечеру возбуждение толпы все возрастало. Обыватели спешили по домам. Многолюдна была лишь Преображенская улица. Толпа рабочих валом валила на Мещанскую и Успенскую, где были устроены баррикады.

„В разных частях города было ранено несколько надзирателей и городовых.

„В 8½ часов вечера в городе, повидимому, воцарилось спокойствие. Только вблизи собора, где на площади расположились солдаты, толпились взбудораженные рабочие. В 10 час. здесь вдруг произошел взрыв до того сильный, что стекла в домах на протяжении нескольких кварталов вдруг задрожали. Во многих квартирах потухли лампы и свечи. Оказалось, что разорвалась бомба, брошенная одним рабочим в городового Павловского, от которого остались одни куски мяса. Неподалеку от них лежал неизвестный, бросивший бомбу, осколок которой попал ему в грудь. Он обнаруживал еще признаки жизни. Ноги его судорожно подергивались. Он отказался назвать себя и скоро скончался".

Вечером того же дня, когда происходили только что описанные события, прибыл на Одесский рейд восставший броненосец.

Естественно, что все рассматривали его, как могучего союзника восставших рабочих, и поэтому все взоры обратились на него. До известной степени начали надеяться на него и рабочие. На броненосце развивался боевой флаг, предупреждающий, что, при малейшей попытке предпринять что-либо противное, он начнет боевые действия. Понятно поэтому, почему из города бежала буржуазия и почему так боялось его оставшееся в городе начальство.

В порт, где лежал труп свезенного с броненосца убитого матроса, устремилась огромная толпа народа. Попытка казаков задержать движение толпы окончилась неудачей, — цепь была прорвана и порт превратился в огромный митинг, который был под защитой пушек восставшего броненосца и который поэтому казаки не решались разгонять. Вечером в порту начались грабежи, вскоре возник пожар. Казаки

бросились разгонять толпу, скоплявшуюся вокруг входов в порт. Так как ни нагайки, ни штыки не оказали действия, то началась стрельба залпом, которая длилась почти всю ночь. Сотни трупов складывались тут же на улицах.

Броненосец молчал, что властями, очевидно, толковалось в том смысле, что он остается нейтральным и не намерен поддерживать рабочих.

После этого 16 июня, когда еще не прекратился пожар в порту и по всему городу происходили облавы и обыски, разнеслась весть, что будут хоронить с военными почестями матроса, убитого офицером броненосца. Говорили о том, что команда предупредила городские власти, что если тронут матросов, которые будут участвовать в похоронах, броненосец начнет бомбардировать город.

Гроб сопровождали только 15 матросов броненосца и тысячи рабочих. Похороны прошли без всяких инцидентов, но когда матросы возвращались обратно, часть их не была пропущена. По ним открыли стрельбу и несколько из них ранили.

После этого и были пущены в город те два снаряда, которые навели на Одесскую буржуазию такой ужас. И в этот же день „Георгий Победоносец“ сдался, и обескураженная этой изменой команда „Потемкина“ направила броненосец в Румынию.

Не одинаково отнеслись одесситы к отходу „Потемкина“. Для рабочих это означало поражение начавшейся революции, и они готовились к еще более жестоким репрессиям; для буржуазии это означало конец тех тревог, которые они переживали, видя в броненосце могучего союзника рабочих. Одесский градоначальник торжественно объявил, что опасность от присутствия броненосца в порту миновала. Но если она миновала для Одессы, то она началась для других городов, расположенных по побережью и, прежде всего, для Феодосии, куда броненосец прибыл после того, как ему в Констанце было отказано в угле и провизии.

О дальнейшей судьбе восставшего броненосца русская пресса, несмотря на огромнейший интерес к этому событию, высказалась очень скупо. Цензура и здесь ревниво следила за тем, чтобы печать не использовала этого случая для усиления революции. Поэтому русская печать продолжает

говорить об этом только со слов заграничных корреспондентов. Так, „Сын Отечества“, не имея возможности прямо говорить об одесских событиях, в № 110 пишет:

„Из Константинополя телеграфируют в заграничные газеты, что последние события в Одессе вызвали там полную остановку движения пароходов к гаваням Одессы, Николаева, Севастополя и Батума. Все пароходы крупнейших английских, французских, итальянских и немецких пароходных компаний задерживаются пока в Босфорском проливе. В турецких морских сферах также царит большая тревога по поводу ожидаемого прибытия броненосца „Князь Потемкин“.

IV. КАК ОЦЕНИВАЛА ПОТЕМКИНСКИЕ СОБЫТИЯ БУРЖУАЗНАЯ ПРЕССА

Весть о сдаче броненосца румынским властям вызвала не только у буржуазии приморских городов, но и у правительства вздох облегчения. Несмотря на цензуру, многим газетам все же удалось подвести итоги этих событий и произвести их оценку. Эту оценку русской буржуазной прессы мы приведем ниже, сейчас же скажем несколько слов об отношении к этим событиям русской и, в частности, одесской буржуазии.

Как известно, русская буржуазия в это время в значительной своей части была настроена по отношению к правительству довольно оппозиционно. Поражение правительства она часто считала своей победой. Радикализм ее заходил, впрочем, не особенно далеко. Как только дело касалось ее классовых или хотя бы узко-материальных интересов, буржуазия сразу оказывалась союзницей правительства в деле подавления рабочих забастовок.

Восставший броненосец был для буржуазии страшен именно как союзник рабочих. Постольку же, поскольку он направлял свои удары против царской власти и военной клики, буржуазии он мог быть даже приятен. Отсюда и вытекало то, что большинство буржуазных газет отзывалось о восстании потемкинцев сочувственно, конечно, в тех пределах, в каких это возможно было в существовавших тогда цензурных условиях.

Правая часть русской прессы, естественно, всю вину возлагала на студентов-евреев. Восстание одного из крупнейших

броненосцев русского флота правая печать рассматривала с точки зрения национального позора. Наиболее ярко выразило эту точку зрения „Новое Время". „Потемкин", — писала эта газета, — стоит 12 миллионов, но он истребил в Одессе товаров на 50 миллионов и наделал сраму на 500 миллионов..."

В другом месте то же „Новое Время" в статье одного бывшего морского офицера говорит: „Происшедшие события без всякого сомнения являются результатом революционной пропаганды, и пропаганда эта ведется давно и очень энергично. Она была в полном ходу еще в 1903 году,— я тогда служил в Черноморском флоте и, как все другие офицеры, прекрасно знал о ее существовании. Но ведь пропаганда велась и в войсках, и очень усиленно между портовыми рабочими, а результаты ее ярче всего проявились на кораблях. Отчего же это? Одной из главных причин я считаю заброшенность морских команд, когда корабли не плавают, а ведь не плавают они 8 месяцев из двенадцати".

Так же объясняет „Потемкинское" восстание и газета „Слово", которая говорит, что все происшествие с „Потемкиным" зависит от подбора экипажей, усвоивших „вольный дух во время берегового ничегонеделания и работ машинных команд на заводах" („Слово" № 191, 1905 г.). Вряд ли кому-нибудь из матросов, отказавшихся есть червивую пищу и взявшихся за винтовки, чтобы защищать свою жизнь, могла даже прийти в голову мысль, что найдутся люди, которые скажут, что, ставя на карту свою жизнь, матросы просто с „жиру бесятся" от „берегового ничегонеделания". До такой оценки события, произведшего шум „во всех Европах", не дошла даже бульварная западно-европейская пресса, которая, впрочем, видела в восставших моряках просто пиратов. Это, по крайней мере, было близко психологии той мелкой буржуазии, которая живет сенсацией и сильными ощущениями.

Ближе к правильной оценке этих событий подошла „Биржевка" („Биржевые Ведомости"):

„При общем нервном возбуждении страны повышается и возбудимость всех центров и органов, составляющих единое целое со всей народной массой. Армия и флот тысячью нитей связаны с народной периферией. Когда возбуждена

периферия, возбуждается и каждый орган общественного организма, по-своему реагируя на факты современности.

„Земские и городские деятели, дворяне, представители биржи, профессора-учителя, представители интеллигентных профессий подают докладные записки, петиции, вырабатывают резолюции и т. д.

„А матросы, как часть войска, разгромленная и сконфуженная настоящей войной, доходят до вооруженных восстаний (Бирж. Ведомости, № 8900)“.

Истинную оценку событий русская легальная пресса не могла дать, если бы даже она была на это способна. Происшедшие события нужно было оценивать с точки зрения интересов нарастающей революции. На эту именно точку зрения и стала социалистическая печать, выходящая за границей, проникавшая в Россию только нелегальными путями. К этой печати мы сейчас и обратимся.

V. КАК ОЦЕНИВАЛА ПОТЕМКИНСКИЕ СОБЫТИЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРЕССА.

Одесские события и Потемкинское восстание, кроме того, что они сыграли огромнейшую роль в истории русского революционного движения вообще, особенно интересны для истории роволюции еще и тем, что они поставили перед русскими социалистическими партиями чрезвычайно важный вопрос о подготовке и организации революции. В этих событиях впервые сама революционная действительность выдвинула перед социалистическими партиями вопрос о роли организующегося центра в революции, а тем самым и о роли в ней партии.

При оценке этих именно событий впервые тов. Лениным со свойственной ему ясностью и последовательностью были формулированы те принципы революционной тактики, которые через двенадцать лет были применены на практике в Октябрьской революции и дали такие блестящие результаты.

Полемика между социалистами-революционерами, с.-д., меньшевиками и большевиками, возникшая в связи с Потемкинским восстанием, велась, главным образом, именно по этим вопросам революционной тактики, если не считать той, подчас резкой полемики, которую вызвал вопрос о роли той или иной из революционных партий в подготовке

Потемкинского восстания и в создании военно-морских революционных организаций[1]).

В этой полемике наметились три основных точки зрения: меньшевистская, эсэровская и большевистская.

Плеханов в „Дневнике социал-демократии“ также затронул организационный вопрос, но он здесь не поставил его во весь рост. Он ограничился очень осторожными советами и не решился сделать каких-либо общих выводов.

„Чем далее идет русская революция, — писал он, — тем очевиднее становится та истина, что для ее победы над старым порядком нужен переход хоть части войск на сторону народа...

„Восстание на броненосце „Потемкин“ показало всем и каждому, что мысль о таком переходе не заключает в себе ничего фантастического. Оно свидетельствует о том, что рабочие и крестьяне, одетые, по приказанию начальства, в военную, — сухопутную или морскую, — „форму“, далеко не так недоступны влиянию великих освободительных идей нашего времени, как это могли думать некоторые недостаточно осведомленнные сторонники свободы. Оно дало другим частям войск хороший пример, который, наверное, не останется без подражания. И в этом заключается огромное значение восстания на „Князе Потемкине-Таврическом“. Труден только первый шаг. Честь и слава тем, которые его сделали.

„Но именно в виду огромного значения матросского „бунта“, у меня возник неотвязчивый вопрос: принес ли этот „бунт“ всю ту пользу нашему делу, какую он мог принести.

„Мне думается, что—нет. Разумеется, я не могу говорить об этом с уверенностью, потому что я не моряк и, кроме того, мне известны далеко не все обстоятельства дела. Но, как ни сильно я рискую ошибиться, я все не могу не думать об этом важном деле, а когда я задумываюсь о нем, мне начинает казаться, что наши товарищи-матросы выбрали не совсем правильный образ действий.

„Как только „Потемкин“ пришел в Одессу, надо было высадить, под прикрытием его пушек, значительную часть его

---

[1]) Об этой полемике см. ст. „Место Потемкинского восстания в революции 1905 г.“.

людей на берег и свезти туда же все то холодное и огнестрельное оружие, которое только можно было свезти. Матросы наскоро показали бы рабочим, как надо обращаться с этим оружием, внушили бы им кое-какие понятия о боевой дисциплине и, разделив их на дружины, стали бы в центре этих дружин в качестве их военных руководителей. Благодаря этому, борьба рабочих с царским войском стала бы несравненно успешнее, и кровавые одесские дни составили бы эпоху в истории нашего революционного движения. И какой прекрасный урок был бы дан „храброму казацкому войску“! Долго помнило бы оно его.

„Говорят, что восставшие матросы „Потемкина“ сочли необходимым дожидаться прибытия остальной эскадры. Но было ли это необходимо на самом деле? Ведь революционные события не ждут, и случай, упущенный сегодня, крайне редко возвращается по желанию упустивших его революционеров.

„Повторяю, у меня слишком мало данных для того, чтобы я позволил себе решительно высказаться обо всем этом. Очень может быть, что способ действий, представляющийся мне наиболее естественным и разумным, на самом деле был совершенно неразумен и неприменим. Но возможно и то, что он оказался неприменимым только вследствие каких-нибудь пробелов в нашей агитационной и организационной деятельности. Все это необходимо выяснить в интересах будущего. Восстание на „Потемкине“ есть, как я уже сказал, только первый шаг, за которым не замедлят последовать другие. Надо, чтобы эти другие шаги были более целесообразны; надо, чтобы матросы и солдаты, сбрасывающие с себя ярмо рабского повиновения офицерам, как можно скорее сливались с революционной народной массой. Это — необходимое условие победы“ (Дневник „Соц.-Дем“. Август 1905 г.).

„Нужно, чтобы матросы и солдаты, сбрасывающие с себя ярмо рабского повиновения офицерам, как можно скорее сливались с революционной народной массой“. Совет, конечно, хороший, но как это сделать? Ведь для того, чтобы слияние это произошло без всяких препятствий, нужно, чтобы между матросами и солдатами, с одной стороны, и народной массой — с другой, не происходило никаких недоразумений. Последнее же достижимо только там, где есть хотя бы зачатки

какой-либо организованности. Неорганизованные выступления ведут к тому, что выступающих порознь, правительство не только легче разбивает, но еще и натравляет одних на других, указывая на то, что они не встречают друг в друге поддержки. Известно, как часто матросы не доверяли пехотинцам, руками которых правительство арестовывало матросов“.

Но как создать организационый центр? Каковы должны быть функции этого центра? Ответить на эти вопросы означало ответить на вопрос — каково должно быть существо революционной власти, должна ли она быть демократической, или должна быть облечена диктаторскими полномочиями... Раньше Плеханов говорил о необходимости установления диктатуры пролетариата для утверждения революции, но здесь он не указывает, нужен ли какой-либо революционный центр, который мог бы взять руководство нарастающим революционным движением в свои руки, или такой центр был бы не только бесполезным, но и вредным.

Меньшевики в „Искре“ выступили с жестокой критикой попыток установления такого центра.

„Морякам с „Потемкина“, — пишет „Искра“ (№ 104), — пришлось отказаться от своего плана просто потому, что прежде, чем выяснилась позиция их товарищей на других судах, возникло восстание на самом „Потемкине“, и началась уличная борьба в Одессе“.

План организованных матросов заключался в том, чтобы, овладев всеми судами, взять Одессу, поднять восстание на Кавказе и вызвать тем самым его в Польше и в Питере. Из того, что, благодаря целому ряду случайных обстоятельств, морякам пришлось отказаться от этого плана, „Искра“ делает такой вывод:

„С самого начала, следовательно, на этом восстании сказалась тщета столь обычных еще у нас упований на повсеместное восстание, начатое „по плану“... К восстанию нас приближает, прежде всего, наша широкая агитационная деятельность, а ее развитие по необходимости вызывает в массах то революционное брожение, которое не ждет сигнала свыше, чтобы вылиться в отдельном восстании. Задача организации революции начинается с того момента, когда восстание вспыхнуло или неудержимо готово вспыхнуть; возможность этой организации и всех подготовительных для

ее успеха действий дается общей революционной атмосферой, в которой возникают восстания, не как случайные эпизодические акты, но как необходимые следствия острого столкновения общественных сил“ . . . И далее . . . „Начав восстание, надо организовывать революции в ходе восстания“. Казалось бы, что как раз Потемкинское восстание блестяще опровергло эту излюбленную формулу меньшевиков. Оно показало, что откладывать организацию революции до того момента, пока вспыхнет восстание, значит заранее обрекать его на неудачу.

Что противопоставляли меньшевикам большевики, мы увидим далее, сейчас же остановимся на точке зрения социалистов-революционеров. В то время, как меньшевики считали, что к восстанию ведет „широкая агитационная деятельность“ и что искусственно вызывать, а тем более технически подготовлять восстание нет никакой необходимости, соц.-рев. являлись, наоборот, ярыми поборниками всяких, даже партизанских выступлений. В статье „Восставший броненосец“ „Революционная Россия“, давая оценку событий, происшедших в Черноморском флоте, подробно останавливается на том, какое значение имеет инициатива в революционном движении. „Наша масса, — пишет „Р. Россия“, — более, чем какая-либо другая, нуждается в историческом примере, в ярком проявлении инициативы. Народной массе вообще, а нашей в особенности, неизмеримо легче следовать готовому примеру, соответствующему ее чувствам, чем самой намечать путь, проявлять собственную инициативу. Именно такого рода инициатива, такого рода пример подан „Князем Потемкиным“ и как раз во время“. Однако, благодаря тому, что силы революции были неорганизованными, восставший броненосец нигде на нашел себе опоры. „Несколько дней этот „корабль-фантом“, как называла его заграничная пресса, под красным знаменем революции объезжал русские берега Черного моря, заходя в отдельные гавани. Но нигде его не встречали так, как должно было бы, если бы наши революционные силы не разбивались бы на отдельные волны, то очень высоко вздымающиеся, то неожиданно падающие“. Вся эта тирада крайне неясна и противоречива. Как раз в Потемкинском восстании инцыатива массы (а не отдельных героических одиночек), проявилась наиболее

ярко. С другой стороны, эта инициатива, по свидетельству самих эсэров, не оказала того заражающего влияния на народ, какое народническая идеология вообще приписывает силе примера. Неожиданным является и вывод эсэровского органа, вывод несомненно правильный, но опять-таки не договоренный, не достаточно четкий... „Нам хотелось бы еще раз указать на насущный организационный вопрос теперешнего момента, без разрешения которого много революционных сил будет растрачено бесплодно, много революционных вспышек будет задавлено, пока они перейдут в вооруженное восстание. Надо слить настолько рабочее, крестьянское и военное движение, чтобы пожар, начавшийся на одном пункте, среди одного слоя, быстро разгорелся, явившись исходной точкой революции, все дальше и дальше разбрасывая свои искры. Надо покончить с периодом своеобразного кустарничества и охватить всю ширь революционного движения одним организационным принципом" („Рев. Рос.", № 70).

Как это сделать, орган с.-р. не указывает здесь. Нужно ли для этого организовать специальный орган для подготовки и руководства восстанием, или же нужно организовать революцию в процессе самого восстания? Этого вопроса „Революционная Россия" не затрагивала, а между большевиками и меньшевиками полемика возгорелась как раз по вопросу о методах организации революционного восстания.

Еще в статье, написанной в январе месяце 1905 г., Ленин выставил такую общую платформу для всех революционных партий: „Немедленное вооружение рабочих и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений, — вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры" („Вперед", № 4).

В то время, как орган меньшевиков все время ходил вокруг да около вопроса о том, нужно или не нужно подготовлять восстание, боясь того, что подготовка восстания будет давлением сверху, тогда как истинно-демократическая партия должна строить свою тактику на стихийном движении масс, Ленин еще в мае 1905 г. в № 3 „Пролетария" — в статье о Временном Революционном Правительстве — писал: „Принципиально ограничивать революционное

действие давлением снизу и отказываться от давления также и сверху есть анархизм“ . . .

Перед партией пролетариата всякое „серьезное революционное положение ставит задачу сознательного проведения восстания, организации революции, централизации всех революционных сил, смелого военного наступления, энергичнейшего использования революционной власти“.

Уже в этой статье вопрос о роли партии в организации революции был поставлен настолько ясно, что можно было заранее предсказать, что скажет Ленин по поводу такого события, как восстание матросов военного судна. И действительно, в большой статье, написанной по поводу июньских событий в Одессе, тов. Ленин делает выводы о необходимости поставить в порядок дня вопрос о революционной армии и революционном правительстве („Пролетарий, № 7).

„Восстание в Одессе и переход на сторону революции броненосца „Потемкин“, — пишет он, — ознаменовали новый и крупный шаг вперед, в развитии революционного движения против самодержавия. События с поразительной быстротой подтвердили своевременность призывов к восстанию и к образованию временного революционного правительства . . .“

Временное революционное правительство — вот кто должен заняться организацией революции, вот кто должен слить разрозненные вспышки в одно великое победоносное восстание.

„Бунты, демонстрации, уличные сражения, отряды революционной армии — таковы этапы развития народного восстания. Теперь мы, наконец, дошли и до последнего этапа. Это не значит, что все движение стоит уже в целом на этой новой высшей ступени. Нет, в движении еще много неразвитости, в одесских событиях есть еще явные следы старого бунта. Но это значит, что передовые волны стихийного потока докатились уже до самого порога самодержавной „твердыни“. Это значит, что передовые представители самой народной массы дошли уже не в силу теоретических соображений, а под давлением растущего движения до новых высших задач борьбы с врагом русского народа . . .“

Дело таких отрядов — провозгласить восстание, дать массам военное руководство, необходимое для гражданской войны, как и для всякой другой войны, создать опорные

пункты открытой всенародной борьбы, перебросить восстание в соседние местности, обеспечить, сначала хотя бы в небольшой части территории государства, полную политическую свободу... Только сознав эти новые задачи, только поставив их смело и широко, — отряды революционной армии могут одержать полную победу, послужить опорой **революционного правительства**. А революционное правительство — такая же насущно необходимая вещь на данной стадии народного восстания, как революционная армия. Революционная армия нужна для военной борьбы и для военного руководства народными массами против остатков военной силы самодержавия. Революционная армия необходима потому, что только силой могут быть решены великие исторические вопросы, а организация силы в современной борьбе есть военная организация... Революционное правительство необходимо для политического руководства народными массами, — сначала в той части территории, которая уже отвоевана у царизма революционной армией, а потом и во всем государстве" („Пролетарий", № 7).

Здесь задачи поставлены с такой ясностью, что, казалось, они никаких кривотолков не могли возбудить.

После того, как такие именно методы были применены в Октябрьскую революцию, после того, как методы оказались единственно правильными мы не можем не дооценить значения того, что говорилось тогда тов. Лениным. Но в ту эпоху ему пришлось для защиты своей позиции провесть ожесточенную полемику, с меньшевиками. В то время, как меньшевики твердили о том, что революцию нужно организовывать только в процессе восстания, что вообще все дело в процессе, а не в руководстве этим процессом (тактика-процесс), Ленин ясно и определенно выдвинул лозунг революционной армии, и революционного правительства и „тактики-плана".

В дугой статье под заглавием „Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана" („Пролетарий", № 7 от 27 июля), Ленин, возвращаясь к событиям на „Потемкине", обращает внимание на то, что восстание „Потемкина" является первым шагом к превращению русской революции в международную силу.

Действительно, выступление „Потемкина" произвело на царское правительство такое впечатление, что заставило

его забыть и дипломатический такт, и существующие международные отношения. Оно обратилось к правительствам Румынии и Турции со специальной нотой, в которой просило эти правительства рассматривать восставших матросов, как уголовных преступников, т.-е., по просту говоря, содействовать русской полиции в поисках и поимке этих „преступников“, угрожая в противном случае международными осложнениями.

Даже такие консервативные органы, как английский „Таймс“, осуждали за это царское правительство, что, вероятно, немало способствовало тому, что Румыния не испугалась предостережения царского правительства и не выдала матросов „Потемкина“.

Приводя слова Парижской газеты „Ле-Матэн“, которая отмечала тот факт, что революция в России настолько неорганизована, что, завладев броненосцем, она не знала, что с ним делать, — тов Ленин пишет: „Тут есть большая доля правды, несомненно. Мы повинны, спора нет, в недостаточной организованности революции, мы повинны в слабости сознания некоторых социал-демократов насчет необходимости поставить восстание в число неотложных практических задач, пропагандировать необходимость временного революционного правительства. Мы заслужили то, что нам, революционерам, делают теперь буржуазные писатели упреки по поводу плохой постановки революционных функций. Но заслужил ли этот упрек броненосец „Потемкин“ — мы не решимся сказать. Может быть, его команда преследовала ту цель, чтобы показаться в гавани европейской державы. Разве русское правительство не скрывало от народа вестей о событиях в Черноморском флоте до тех пор, пока „Потемкин“ не пошел свободно в Румынию? И в Румынии революционный броненосец передал консулам прокламацию с объявлением войны царскому флоту, с подтверждением того, что по отношению к нейтральным судам он не позволит себе никаких враждебных действий. Русская революция объявила Европе об открытой войне русского народа с царизмом. Фактически русская революция делает этим попытку выступить от имени нового, революционного правительства России. Несомненно, что это лишь первая, слабая попытка, но „лиха беда — начало“,— говорит пословица“.

Статья заканчивается теми же лозунгами, которые тов. Ленин еще раньше выставил: „Да здравствует же революционная армия! Да здравствует революционное правительство!“

Но Потемкинское восстание получило на страницах „Пролетария“ не только обще-политическую оценку. Большевистский орган подошел к этим событиям и с точки зрения организационных и чисто-боевых уроков.

Так, статья В. Северцева (Пролетарий, № 8) ставит вопрос о „Потемкине“ в плоскости техники боевого дела.

„Геройство без военно-технических знаний, это — просто трата энергии, которая дает богатый агитационный материал, но не обеспечивает реальных успехов“. Северцев указывает, что такая военная сила броненосца может быть приравнена к сухопутной дивизии, т.-е. 16.000 бойцов, и что, если бы в Одессе были люди, которые разбирались бы в военно-технических вопросах восстания, они знали, бы что делать с такой силой. Северцев описывает, какой оборот могли бы принять события, если бы орудия броненосца были приведены в действие и одновременно в городе были бы возведены баррикады, вооруженные мелко-колиберными пушками, снятыми с броненосца.

Он приходит к выводу, что результаты такого организованного выступления могли бы быть очень значительны. „Войска были бы вытеснены из города в самое короткое время. Город со всеми его материальными средствами оказался бы в руках революционеров, а так как это порт, защищенный броненосцами, то не прекратил бы сношения с внешним миром и взять его обратно войском было бы не легко, — такой оборот дела перевернул бы Россию“.

И, возвращаясь к основной своей мысли, пишет:

„Русские революционеры в некоторых отношениях похожи на наши войска: готовность к геройской борьбе и отсутствие предприимчивости. Они как бы теряются перед новыми фактами, а ведь революция часто будет преподносить самые неожиданные фокусы, и использовать их особенно важно. Поэтому мы должны быть всегда настороже, всегда иметь план действий. Броненосцы под красным флагом плавают не каждый день, и из таких событий надо извлекать не только моральный, но и реальный успех“.

Но, по мнению большевистского публициста, нельзя в деле технической подготовки вооруженного восстания рассчитывать на офицеров, как это предполагала вслед за эсэрами „Искра“, „с политической точки зрения это будет передача народных, иногда чисто пролетарских сил группе представителей имущих классов, которые, несмотря на все фразы и обещания, хотят не революцию, а конституцию. Передавши военную власть буржуазным демократам, очень передовым до переворота, будет трудно вырвать ее в момент реакции. Пролетариат, который создает ядро народного ополчения, должен сам выдвинуть и выдвинет своих вождей“.

В статье „Городская революция“, принадлежащей Линцову, „Пролетарий“ снова возвращается к организационным урокам восстания. „Долг наших Комитетов быть всегда готовыми. Комитет должен быть в состоянии в каждую подходящую минуту, когда часть войска „бунтует“ или когда сами моряки угрожают, как это было в Одессе, бомбардировать город, мобилизовать немедленно всю организованную, сознательную, революционную армию“ (Пролетарий, № 9).

Таким образом, большевики подошли к потемкинским событиям, как практики-революционеры, и нашли в них новый материал для обоснования и развития своих взглядов на задачи и формы вооруженной борьбы.

Не даром же тов. Ленин, этот величайший из организаторов, говоря об организационных вопросах революции, все снова и снова возвращается к одесским событиям. Так, в девятом номере „Пролетария“ он снова говорит об одесских событиях и по тому же самому поводу снова полемизирует с меньшевиками.

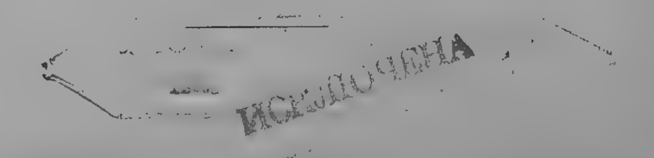
„Массам приходится, — пишет он, — учиться больше всего на собственном опыте, оплачивая тяжелыми жертвами каждый урок. Тяжел был урок 9 января, но он революционизировал настроение всего пролетариата всей России. Тяжел урок Одесского восстания, но на почве революционизированного уже настроения он научит теперь революционный пролетариат не только бороться, но и побеждать. По поводу одесских событий мы скажем: революционная армия разбита, да здравствует революционная армия!..

„Насущные политические вопросы современного момента — восстание и революционное правительство. Об этих

вопросах всего больше говорили и спорили между собой сициал-демократы. Этим вопросам посвящены главные резолюции III Съезда РС ДРП и конференции отколовшейся части партии. Спрашивается теперь: в каком свете представляются теперь эти разногласия, после Одесского восстания? Всякий, кто возьмет на себя труд перечитывать, с одной стороны, отзывы и статьи по поводу этого восстания, а с другой — четыре резолюции посвященные вопросам о восстании и о временном правительстве, съездам партии и конференции новоискровцев, увидит сейчас же, как последние под влиянием событий фактически стали переходить на сторону своих оппонентов, т.-е. стали действовать не сообразно своим резолюциям, а сообразно резолюциям III Съезда. Нет лучшего критика ошибочной доктрины, как ход революционных событий".

Далее, останавливаясь на том, что меньшевики никак не хотять сделать всех выводов, вытекающих из этих уроков, тов. Ленин еще раз повторяет: „Боязнь слов — „революционное правительство", „революционная власть" — есть чисто анархическая и недостойная марксиста боязнь". И заканчивает свою статью так: „Революция учит, наше дело — использовать до капли её уроки, привести в соответствие наши тактические лозунги с нашим поведением и нашими ближайшими задачами, распространить в массе правильное понимание этих ближайших задач, приступить самым широким образом к организации рабочих везде и повсюду для боевых целей восстания, для создания революционной армии и образования временного революционного правительства".

Мы видим, таким образом, что, не считая той огромной роли, которую сыграло Потемкинское восстание и восстание Одесского пролетариата в деле дезорганизации царского правительства, значение этих событий состоит еще и в том, что они подтвердили правильность той линии, которую занял тов. Ленин на III съезде партии. Поэтому их можно рассматривать не только как важный этап в революции 1905 г., но и как существенный момент в истории тактики и стратегии партии пролетариата.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ОТ РЕДАКЦИИ 5

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

Х. Г. Раковский. — К истории Потемкинского восстания . . . 25

ИЮНЬСКИЕ ДНИ В ОДЕССЕ И ЧЕРНОМОРСКОМ ФЛОТЕ.

К истории июньских дней 1905 г. в Одессе и Черноморском флоте . 51

Первый бунт в Черноморском экипаже 53

Июньские дни в Одессе 60

Потемкинское восстание 14 (27) — 25 (7) июля 1905 года 81

Присоединение и отпадение „Георгия Победоносца“ и следственные материалы 139

Настроение в экипажах и эскадре 156

Восстание на учебном судне „Прут“ 168

ПРОКЛАМАЦИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПОТЕМКИНСКОМУ ВОССТАНИЮ. 187

А. Топольский. — Отражение Потемкинского восстания в прессе. 205

